

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

3

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2024

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

3

2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

3

2024

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискис И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. (Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2024

Издатель: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту: ФГБУ «Издательство “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Адрес редакции: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Тел. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2024

Publisher: Russian Academy of Sciences
 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia
 Executor under contract: Publishing House "Nauka", 121099, build.1, 6, Shubinskiy per., Moscow, Russia
 Address: Russian Academy of Sciences, 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia
 Tel. +7 (495) 692-21-02.
 E-mail: ons@pran.ru
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Макаров А.В.** Эволюция теории антимонопольного регулирования: от античной философии к экономическим концепциям конкуренции и монополии 7
- Красова Е.В.** Развитие экономики в контексте взаимосвязи технологий, капитала, человека и общества 21

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

- Бабурина О.Н., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В.** Климатическая повестка дня как долгосрочный приоритет России 36
- Ровинская Т.Л.** «Зеленая партия Соединенных Штатов»: становление и выход в большую политику 50
- Солянова М.В.** Зеленая стратегия Канады как фактор противостояния глобальным вызовам 64

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Галас М.Л., Брушкова Л.А.** Электоральное поведение российской молодежи цифрового поколения 82

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

- Евтодьева М.Г.** Новые тенденции в закупках и применении беспилотных летательных аппаратов 97

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- Захаров И.А., Агафшин М.М.** Политика убежища и контроля над нелегальной миграцией в Чехии 110

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕРЫ

- Крылова Д.В., Артеменко Е.А., Яровой М.А.** Концепция нового индекса оценки показателей эффективности контрольных (надзорных) органов 124

Трибуна молодого ученого

- Ермолаева Ю.В.** Энергосберегающее поведение в домохозяйствах и предотвращение изменения климата 141

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

Makarov A. The Evolution of the Theory of Antitrust Regulation: From Ancient Philosophy to Economic Concepts of Competition and Monopoly	7
Krasova E. Economic Development in the Context of Technology, Capital, Man and Society Interconnection	21

THE CLIMATE AGENDA

Baburina O., Kuznetsova G., Podbiralina G. The Climate Agenda as a Long-term Priority for Russia	36
Rovinskaya T. The Green Party of the United States: Establishment and Entry into Big Politics	50
Solyanova M.V. Canada's Green Strategy as a Factor in Countering Global Challenges	64

POLITICAL STUDIES

Galas M., Brushkova L. Electoral Behavior of Russian Youth of the Digital Generation	82
---	----

THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Yevtodyeva M. New Trends in the Procurement and Use of Unmanned Aerial Vehicles	97
--	----

MIGRATION POLICY

Zakharov I., Agafoshin M. The Asylum Policy and Illegal Migration Control in the Czech Republic	110
--	-----

ANTI-CORRUPTION MEASURES

Krylova D., Artemenko E., Yarovoy M. The Concept of a New Index to Evaluate the Effectiveness of Control (Supervision) Authorities	124
---	-----

THE ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Ermolaeva Yu. Energy-Saving Behaviour and Households' Practices in Prevention of Climate Change	141
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ECONOMIC THEORY

Оригинальная статья / Original article

Эволюция теории антимонопольного регулирувания: от античной философии к экономическим концепциям конкуренции и монополии¹

© А.В. МАКАРОВ

Макаров Андрей Владимирович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Москва, Россия); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), andreymakarovh@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2268-0011

Эффективность антимонопольного регулирования активно обсуждают в рамках и экономической теории, и практики государственной политики. Несмотря на то что современное понимание антимонопольного законодательства сложилось относительно недавно, теория антимонопольного регулирования формировалась веками под влиянием крупнейших мыслителей прошлого и исторических процессов. Рассмотрены важнейшие этапы становления данной теории. Проанализирован вклад античной философии и политики в базовые представления о конкуренции и монополии. Исследован фундаментальный поворот в теории, произошедший благодаря классической политической экономии. Изложена специфическая марксистская и социалистическая позиция, которая важна для развития теории. Показано, что прошлые дискуссии актуальны для решения современных проблем антимонопольной политики.

Ключевые слова: конкуренция, монополия, антимонопольная политика, протекционизм, античная философия, классическая политическая экономия, марксизм

Цитирование: Макаров А.В. (2024) Эволюция теории антимонопольного регулирования: от античной философии к экономическим концепциям конкуренции и монополии // Общественные науки и современность. № 3. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049924030015, EDN: WJSQQS

¹ Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Funding. The article was prepared under the RANEPА state assignment research programme.

The Evolution of the Theory of Antitrust Regulation: From Ancient Philosophy to Economic Concepts of Competition and Monopoly

© A.V. MAKAROV

Andrey V. Makarov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia); Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), andreymakarovh@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2268-0011

Abstract. Effectiveness of antitrust policy is actively discussed within the framework of both economic theory and practice of government regulation. Although the antimonopoly legislation in the modern sense has formed relatively recently, the theory of antimonopoly regulation was established over centuries under the influence of the greatest economists of the past and historical processes. The most important stages in the development of this theory are examined. The contribution of ancient philosophy and politics in the formation of basic ideas on competition and monopoly is analyzed. The revolution produced by classical political economy is studied. Specific (but historically important) Marxist and socialist positions on competition, free trade and monopolization are demonstrated. It is shown that these complicated historical discussions are important for solving current problems in the field of competition.

Keywords: competition, monopoly, antitrust policy, protectionism, ancient philosophy, classical political economy, Marxism

Citation: Makarov A.V. (2024) The Evolution of the Theory of Antitrust Regulation: From Ancient Philosophy to Economic Concepts of Competition and Monopoly. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049924030015, EDN: WJSQQS (In Russ.)

Как современная экономическая теория, так и практика государственной политики уделяют существенное внимание проблемам интенсивности конкуренции, которая во многом определяет и темпы экономического роста. В настоящее время проблемы конкуренции и монополизации решает преимущественно специальное антимонопольное законодательство, которое начало складываться недавно. Так, первый антимонопольный закон («закон Шермана») в США был принят в 1890 г.

Тем не менее, дискуссии о роли конкуренции, проблеме монополий, о целях и параметрах государственной политики имеют очень длинную и непростую историю. На протяжении веков экономисты и философы в своих трудах рассматривали проблемы, которые обсуждаются и сегодня.

В статье рассмотрены ключевые этапы развития экономической мысли прошлого в этой сфере: взгляды философов античности на проблемы конкуренции и монополии, роль классической политической экономии в трансформации общественного мнения, особенности социалистической экономической мысли². Продемонстрировано, что дискуссии и рекомендации, выработанные на данных исторических этапах, актуальны для решения современных антимонопольных проблем.

² В рамках данной статьи акцент сделан именно на эволюции теории в сфере проблем конкуренции и монополизации. Для более подробной информации можно рекомендовать работы по истории экономической мысли [Шумпетер 2001; Ядгаров 2016; Автономов и др. 2010, Хайлблонер 2008; Блауг 1994].

Конкуренция в античном мире: борьба за «справедливые» цены

Античные философы, обсуждая ключевые политические, социальные и этические вопросы, затрагивали в том числе и значимые аспекты антимонопольных проблем в их современном понимании.

Определяющую роль играл натуральный характер экономики. В результате греческой колонизации VIII–VI вв. до н.э. побережье Средиземного моря оказалось покрыто сетью колоний, началась активная торговля (изделия из меди и железа, шерсть, зерно). На теоретическом уровне, например, Платон и Аристотель подчеркивали уважительное отношение именно к натуральному хозяйству и моральное осуждали рыночную торговлю, особенно применительно к Афинам. Моральное осуждение торговли не способствовало признанию позитивной роли конкуренции. Кроме того, в период античности была характерна опора не на соображения рациональности, а на морально-этическую аргументацию и соответствие традициям. В результате данное направление мысли отвергало ростовщичество и процентные кредиты (важнейший фактор доступности входа на рынок для новых фирм в современной теории), а также подозрительно относилось даже к ремесленному делу.

В трудах Платона (428–347 гг. до н.э.) скептическое отношение к конкуренции доходило до одобрения государственного регулирования колебания цен, протекционизма, жесткого таможенного регулирования вплоть до запрета импорта. Аристотель (384–322 гг. до н.э.) в своих работах также выражает моральное осуждение так называемой спекуляции – государственное регулирование экспорта и импорта философ считал мудростью управления. Античная мысль не рассматривала сдерживание цен за счет интенсивной конкуренции, возлагая надежды либо на моральное поведение продавцов, либо на прямое государственное принуждение.

Вместе с тем уже в трудах античных мыслителей возникают идеи, близкие к современным принципам антимонопольного характера. Так, Платон осуждал практику сговора продавцов о ценах. Аристотель совершил вклад в теорию справедливой цены, отмечая, что при обмене важно учитывать взаимную потребность (вклад в теорию предельной полезности) и соотношение труда сторон (теория стоимости). В контексте данной работы важно отметить, что, хотя Аристотель и не подчеркивал напрямую роль конкуренции в установлении справедливых цен, он указывал, что при монопольном доминировании продавца на рынке достигнуть их не получится. Другой важный аспект размышлений Аристотеля связан с позитивной оценкой мелкой торговли. Она не относится к хрематистике, а значит, такую торговлю можно позитивно оценивать с точки зрения использования преимуществ разделения труда и роста эффективности производства, что фактически следует логике экономиста А. Смита.

Аристотель приводит пример со знаменитым математиком и купцом Фалесом Милетским³, который захватил в свои руки все прессы для выжимки оливкового масла в Милете и Хиосе. Когда наступила пора выжимки оливок, он резко поднял цены на прессы и в короткое время разбогател. Фактически Аристотель говорил о проблеме извлечения квазиренды, которую обсуждают и в современной теории. В статье [Клейн, Кроуфорд, Алчян 2003] приводится похожий пример возникновения квазиренды в результате временного квазимонопольного положения участников сделки: необходимость быстро собрать пер-

³ Что такое картель и как с ним бороться. Федеральная антимонопольная служба. 2017. (https://fas.gov.ru/system/presentations/attachments/2017/10/17/original/БОЛЬШАЯ_ПРЕЗЕНТАЦИЯ_Что_такое_картель_%282017%29%281%29.pdf).

сики, пока они не испортились, позволяет работникам требовать экстренного повышения заработной платы.

В Древней Греции свобода торговли не наблюдалась и на практике [Kotsiris 1988]. Из-за нехватки зерна государство регулировало его импорт: было запрещено хранить груз и скупать зерно, а каждый продавец должен был торговать по «разумным» ценам, пропорциональным затратам. Торговцы старались обойти ограничения, в том числе распуская слухи (о войне, гибели судов), чтобы обосновать повышение цен, что приводило к государственному преследованию.

Отдельно следует рассмотреть практику Древнего Рима и роль римского права [Акимова, Леус 2021]. Римская империя проходила через жесткое регулирование цен, торжество свободы торговли, демонополизацию и активный рост государственных монополий. С другой стороны, римское право отличалось низким уровнем кодификации: регулирование для граждан и неграждан Рима различалось, как и толкование юристами. Тем не менее, римская традиция значительно повлияла на развитие данного направления мысли. Во-первых, в римском праве были закреплены различные формы ограничения конкуренции: сговор о ценах, демпинг, принудительное удаление продавцов, искусственная задержка торговых судов и т.д. Законодательство предусматривало ответственность за злоупотребление рыночной властью, в том числе для юридических лиц. Регулирование товаров дифференцировалось в зависимости от их социальной значимости. В первую очередь государство контролировало оборот зерна. Например, согласно Юлиеву закону о снабжении хлебом, даже рабы и женщины имели право подавать жалобы (в других случаях они не имели такого права).

Некоторые исследователи [Temin 2012] отмечают, что в целом Римскую империю можно отнести к рыночной экономике: рыночные механизмы и баланс спроса и предложения в ней преобладали над распределительными механизмами. Вместе с тем практика регулирования цен и рынков со стороны государства была неоднозначной.

С одной стороны, в качестве примера можно привести закон Гая Гракха (123 г. до н. э.), который предоставил каждому гражданину право ежемесячно покупать из общих запасов определенное количество пшеницы по цене примерно в два раза ниже рыночной. В современной экономике можно найти примеры похожей логики. Например, Американская программа льготной покупки продуктов (SNAP, Supplemental Nutrition Assistance Program) предусматривает систему талонов для малоимущих. С другой стороны, закон о снабжении хлебом Октавиана Августа (18 г. до н. э.) соблюдал правила рыночного ценообразования. Он запретил регулировать цену зерна, а Совет декурионов общины утратил право продавать зерно по ценам ниже рыночных.

В то же время в римской традиции наблюдались проблемы регулирования. В законах и в публицистике осуждалась практика придерживать товар, чтобы торговать им по более высокой цене в период дефицита. Например, юрист Ульпион категорически осуждал утаивание урожая, из-за чего нарушается «справедливое» ценообразование. В современной логике такие меры по максимизации прибыли не считают преступными.

Фундаментальная проблема, которую исследователи активно обсуждают и сегодня [Шаститко 2012], связана с тем, что государство, применяя систему ограниченного доступа, способно пресекать монополизацию со стороны частных лиц, однако ему сложно самому удержаться от монополизации рынка. В Римской империи данная проблема проявилась наглядно. Так, в периоды частых кризисов императоры пытались исправить финансовое положение не только очевидными методами (повышение налогов или порча монеты), но и продавая монопольные права на торговлю. В результате борьба государства с нелегальными монополиями вполне могла сочетаться с активным расширением

легальных монопольных практик. Кардинальное решение проблемы в 483 г. предложил император Зенон, который утвердил Эдикт против монополий. Он подтвердил отмену всех незаконных и одновременно законных монополий (права на которые были куплены) и запретил применять такую практику в будущем.

В история Рима были и примеры командных методов управления экономикой, которые на много веков опередили социалистические эксперименты. Так, император Диоклетиан, пытаясь обуздать инфляцию в расстроенном хозяйстве, издал эдикт, который зафиксировал цены на более 1 тыс. товаров. Также были установлены объемы заработной платы и суровые наказания за нарушения – вплоть до смертной казни. Эдикт Диоклетиана провозгласил: «Мы должны обуздать безграничную и яростную жадность, которая, не думая о человечестве, спешит к своей выгоде. Мы – защитники человеческого рода – согласились, что правосудие должно вмешаться в качестве арбитра... На рынках неумеренные цены настолько распространены, что необузданная страсть к наживе не ослабевает от изобилия предложения... Поэтому мы постановили установить максимум, чтобы, когда где-либо проявляется неистовство высоких цен, скупость могла быть остановлена пределами нашего закона»⁴.

Эдикт не мог быть исполнен в должной мере, вызвав огромный рост теневых продаж. Он был отменен в 305 г. после отречения императора, но остался в истории как наглядный пример попыток бороться не с причинами проблем, но с их последствиями – ростом цен.

Классическая политическая экономия: конкурентный рынок против феодальной монополии

Фундаментальную роль в становлении теории антимонопольного регулирования сыграла классическая политическая экономия. Она установила принципы свободной торговли *laissez-faire*, демомополизации, минимизации регулирования. До ее формирования в Европе доминировали меркантилистские представления. В частности, их сторонником был английский экономист Томас Ман (1571–1641), автор труда «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства». Тем не менее, такие практики нельзя считать закреплением протекционизма в современном понимании. Конкуренция была ограничена более фундаментально. В условиях феодальной раздробленности протекционизм вполне мог выражаться в ограничении «импорта» из соседнего города. Как отмечает американский экономист Р. Хайлбронер [Хайлбронер 2008], в 1550 г. купцам приходилось уплачивать пошлину 31 раз при доставке товаров между Базелем и Кельном.

Широко распространились и жесткие правила для «местных» торговцев. Права мелких предпринимателей были ограничены, но и привилегированные торговцы сталкивались с сильным административным давлением. Высокие цены и норма прибыли считалась аморальными, вплоть до публичного раскаяния со стороны торговца. По мнению австрийского экономиста Й. Шумпетера [Шумпетер 2001], меркантилизм не стоит трактовать как узкую экономическую концепцию. Следует учитывать геополитические реалии: в ситуации перманентной «войны всех против всех» борьба с импортом могла приносить не только выгоды, но и убытки для враждебного соседа. Ярким символом такой политики стал министр финансов и фактический глава правительства при Людовике XIV Ж.-Б. Кольбер (1619–1683). В 1667 г. Кольбер закрепил протекционистские

⁴ The Edict of Diocletian: A Case Study in Price Controls and Inflation. Mises Institute. 12.04.2018. (<https://mises.org/library/edict-diocletian-case-study-price-controls-and-inflation>).

принципы новым таможенным тарифом. Также он форсировал принудительную индустриализацию, примеры которой часто встречаются в истории (в том числе в советской России). Большие королевские мануфактуры, которые создавал Кольбер, могли быть экономически эффективны с учетом их масштаба и государственных льгот. С другой стороны, такие мануфактуры были несовместимы с рыночной конкуренцией: они создавались как монополии, доход от которых получали государь или придворные. Так, против мануфактуры в Алансоне, которая получила монополию выделки кружев, протестовали независимые ремесленники [Добролюбский 1939].

Тем не менее, положение привилегированных коммерсантов в такой системе также было незавидным. Например, торговцев, у которых находили не соответствующую государственным нормам шерстяную ткань, привязывали к позорному столбу с рулоном ткани на шею.

Ярким примером монополии была и Ост-Индская компания [Фурсов 2001]. На протяжении 200 лет (с 1600 г.) она обладала монопольными правами не только в сфере торговли, но и в государственном управлении в Индии. Несмотря на неоднократные попытки разрушить монополию (дерегуляция в 1694 г., создание альтернативной компании в 1698 г.) и общественную критику, компания продолжала практику бюрократического капитализма. В Британии наглядно проявилось, насколько тяжело разрушить созданную монополию. Так называемые купцы-авантюристы получили монопольное право на экспорт сукна в 1406 г. В 1688 г. королевский указ Вильгельма и Марии допустил независимых купцов в эту сферу, но за последующие сто лет независимые купцы так и не смогли поколебать позиции бывших монополистов [Маркова 2011].

Либеральная революция в экономической мысли, совершенная А. Смитом и классиками, была основана на значительном фундаменте. В тот период нравственная критика монополий становилась все острее, ограничение конкуренции превращалось в символ феодальных злоупотреблений. Реформ требовали и в прессе, и с трибуны парламента, и в трудах памфлетистов.

Например, в начале XVII в. депутат Палаты общин Э. Сэндис отметил, что монополией необходимо считать не только случаи единственного продавца, но и все случаи непропорционально малого количества продавцов. Современная теория не согласилась бы с такой категоричной позицией: например, согласно представлениям Чикагской школы, интенсивная конкуренция на рынке формируется в ситуации наличия небольшого количества продавцов при отмирании слабых неэффективных фирм [Авдашева и др. 2006]. Однако определение Сэндиса говорит о резко негативном общественном отношении к монополии, которая превратилась в синоним несправедливости и злоупотребления властью.

Французский публицист Ф. Бастиа (1801–1850) написал знаменитый сатирический памфлет, в котором призывал поддерживать производителей свечей, ламп и уличных фонарей, которые страдали от разрушительной конкуренции⁵. В нем говорится: «Господам членам палаты депутатов!.. Мы страдаем от разорительной конкуренции со стороны соперника, который, по-видимому, работает в условиях, намного превосходящих наши, для производства света, что наводняет им внутренний рынок по невероятно низкой цене; как только он появляется, наши продажи прекращаются...». Речь в петиции шла о борьбе с таким «соперником», как Солнце.

Большой вклад в борьбу с монополизацией внесли и физиократы. Так, французский экономист Ф. Кенэ (1694–1774) предложил доктрину максимизации прибыли при совершенной конкуренции, которая в некотором смысле предшествовала логике «невиди-

⁵ Candlestick makers' Petition. Bastiat.org. (<http://bastiat.org/en/petition.html>).

мой руки» А. Смита. Государственный деятель и экономист А.Р.Ж. Тюрго (1727–1781) [Faccarello, Silvant 2023] активно боролся с ремесленными цехами, которые сдерживали конкуренцию, хотя и потерпел в этом неудачу. Старшие мастера цехов блокировали инновации и инициативы, которые могли поколебать статус-кво и ослабить их монопольные позиции, поэтому ограничение власти цехов было важным этапом защиты рыночной конкуренции.

Как отмечает Й. Шумпетер, и в период решительного разворота общественной мысли в сторону конкуренции и демополизации звучали предложения учитывать особые случаи [Шумпетер 2001]. Высказывались предположения о том, что монопольная цена не обязательно будет превышать конкурентную цену (что ставит вопрос о противоречиях эффективности и справедливости для монополий, который подробно рассматривала британский экономист Д. Робинсон). Также подчеркивалось, что ограничения свободной торговли допустимы в торговой войне против нецивилизованных стран, которые сами злоупотребляют меркантилистскими мерами [Смит 2019].

Автор труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» [Смит 2019], экономист А. Смит (1723–1790) внес фундаментальный вклад в идеи экономического либерализма и минимального вмешательства государства в экономику. В то же время Смит считает исключительно нравственное осуждение монополий пережитком аристократических привилегий. Он говорит о том, что монополия сокращает выпуск и увеличивает цены, а экономический рост будет иметь позитивные следствия только в условиях интенсивной конкуренции. «Невидимая рука» рынка также может эффективно распределять ресурсы, инвестиции и труд только в ситуации, когда рынок формируют миллионы единоличных решений небольших продавцов и покупателей. Государственное или монополистическое присутствие на рынке исказит работу «невидимой руки» и не позволит достичь общественного блага. Данную логику в XX в. в своих трудах развивали австро-британский экономист Ф. фон Хайек и его единомышленники. Тем не менее американский экономист Р. Хайлбронер [Хайлбронер 2008] отметил, что метафора «невидимой руки» может быть достаточной для мира атомистической конкуренции Смита мелких производителей Англии XVIII в. Однако по мере перехода к рынкам, все более далеким от ситуации совершенной конкуренции (олигополия, монополистическая конкуренция), такая «рука» уже не способна проводить эффективное регулирование.

Эффективное разделение труда по Смицу также нельзя использовать в ситуации монополизации. Оно требует увеличения масштаба рынков, что требует радикально уничтожать протекционистские барьеры.

Однако у Смита сохранялась и моральная аргументация [Итуэлл и др. 2009]: для него монополия противоречит справедливости и равенству, которые монарх должен обеспечить для всех своих подданных. Экономист выделял и справедливые временные монополии: например, случаи изобретательной активности (в данную категорию он включал и собственную активность – написание книг). Таким образом, в какой-то мере Смита можно считать и основоположником теории патентного права и даже одним из первооткрывателей «шумпетерианской» гипотезы (польза временного монопольного права для стимулирования инновационной активности). Также Смит фактически оправдывал Навигационный акт [Collins 2022], принятый по инициативе Кромвеля в 1651 г. для борьбы с доминированием Голландии на море. Акт ввел исключительное право английских кораблей на ввоз товаров неевропейских стран; кроме того, экипаж должен был состоять преимущественно из британских подданных. С точки зрения Смита, акт имел политическое значение, а вопросы могущества страны и обороны важнее экономической эффективности. В дальнейшем эту позицию скептически оценивал немецкий экономист Ф. Лист.

По его мнению, Смит в логике своей теории не мог признать очевидную экономическую пользу Навигационного акта, поэтому был вынужден прибегнуть к политической аргументации.

Среди ключевых идеологов конкуренции и свободной торговли следует также выделить Д. Рикардо (1772–1823), который отмечал, что именно конкуренция снижает стоимость товаров до издержек производства, естественной цены. Рикардо также расширял логику конкуренции и с точки зрения борьбы с протекционизмом. В 1815 г. он издал памфлет «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», в котором выступил против хлебных законов, которые запрещали дешевый импорт и были выгодны для землевладельцев.

Широкую известность получила теория сравнительных преимуществ Рикардо. По мнению экономиста, даже если у страны нет абсолютных преимуществ в производстве блага, она все равно должна использовать свои сравнительные преимущества и выгоды от свободной торговли. Пример из «Начал политической экономики и налогообложения» (1817 г.) про английское сукно и португальское вино и выгоды от свободы торговли подробно рассмотрен в [Блауг 1994, 112].

Отдельно стоит отметить Дж.С. Милля (1806–1873), который указал, что лишь благодаря принципу конкуренции политическая экономия имеет право претендовать на научный характер. Он выделил отдельную главу «О конкуренции и обычаях» в своем основном труде «Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии», который на протяжении десятилетий использовали как базовый ученик (его вытеснила только работа А. Маршалла).

Тем не менее Милль отмечал, что бывают случаи, когда конкуренция не приводит к максимизации общественного благосостояния. Для них необходимо делать исключения из стандартных рекомендаций. Милля можно назвать основоположником теории естественной монополии [Огнерубова 2009]. Как указывал автор, попытки создать альтернативные сети инфраструктуры (например, для водопровода) приводят к растрате ресурсов, поэтому в таких случаях предпочтителен вариант монополизации, а не конкуренции. Милль не столько давал обоснование сложившейся монополии, сколько критиковал избыточную конкуренцию в этой сфере. В настоящее время, как правило, предлагается более жесткий подход к естественным монополиям, в том числе из них выделяют потенциально конкурентные сегменты, чтобы минимизировать ущерб для общественного благосостояния [Питтман 2002].

Также следует отметить, что в одном случае Милль в некотором смысле приветствовал сговор – речь идет о борьбе профсоюзов за повышение заработной платы. Сегодня такое соображение кажется тривиальным, но у классиков-либералов идея свободного (справедливого) ценообразования распространялась не только на цены товаров, но и на цену труда. Соответственно, либералы нередко критиковали профсоюзы, так как либерализм плохо сочетается с рабочим движением. Однако Милль, который фактически представлял альтернативу и классической либеральной, и развивающейся социалистической мысли, склоняясь к первому направлению [Taylor 2016], позволял себе умеренную поддержку профсоюзной борьбы. Эта борьба была очень длительной. В Англии только в 1824 г. были отменены некоторые законы, которые ограничивали роль профсоюзов. Существенная либерализация в сфере профсоюзного регулирования произошла только в 1871 и 1875 гг.

Диалектическая роль конкуренции в марксистской и социалистической мысли

Отдельно стоит рассмотреть сложное отношение марксизма и социализма к проблемам конкуренции и монополии, которое было обусловлено как экономическими, так и идеологическими причинами. К. Маркс уделил существенное внимание данной тематике в труде «Капитал». Проблема конкуренции и монополизации стала важнейшим направлением дискуссий при развитии марксизма в XX в. [Wheelock 1983].

Интересно отметить, что впервые понятие олигополии ввел еще автор «Утопии» Т. Мор (1478–1535). Однако отношение к конкуренции у социалистов часто было настроенным, если не сказать враждебным. Они рассматривали ее не как способ смягчить недостатки капиталистической системы, но как важный фактор и причину пороков.

Социалисты-утописты (Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон) критиковали концепцию *laissez-faire*, считая, что свободная конкуренция приводит в результате к росту монополизации, угнетению рабочих и к перманентным кризисам [Андерсон 2018]. Французский философ Ш. Фурье надеялся, что капиталистическая конкуренция сменится соревнованием, которое сохранит преимущества конкуренции (эффективность), но избавится от ее недостатков (антагонизм, монополизация). Радикально выступал против конкуренции французский философ А. Сен-Симон, который представлял общественный идеал как Госплан: государство должно было на основе планирования решать, что и в каких объемах необходимо производить и каким образом распределять произведенное.

В работе «Лекции о человеческом счастье» (1825 г.) социалиста-утописта и последователя Р. Оуэна Дж. Грея (1798–1850) присутствует специальная глава о конкуренции, но называется она «Конкуренция как граница производства». Автор отмечает, что данное явление порождает бедность, которая влечет человека в мир скорби и окружает его с детства горестями. Отчаянные поступки, на которые толкает нищета, происходят из-за конкуренции⁶. Грей, как и другие социалисты, рассматривает как конечную цель построение солидарного общества на основе самоорганизации и взаимопомощи. В данном контексте конкуренция рассматривается как источник антагонистического взаимодействия, конфликтов и морального падения.

Практически такие же идеи формулирует и Ф. Энгельс (1820–1895) в труде «Положение рабочего класса в Англии» 1845 г.: «конкуренция есть наиболее полное выражение господствующей в современном гражданском обществе войны всех против всех. Эта война за жизнь, за существование и на смерть протекает не только между различными классами общества, но и между отдельными членами этих классов...» [Энгельс 1955]. Как сатирически отмечает Энгельс, конкуренция толкает людей на ложь: продавец стремится как можно сильнее приукрасить качества товара, покупатель отрицает очевидные достоинства товара в надежде на скидку.

Энгельс не просто отвергает конкуренцию с моральной точки зрения: по его мнению, она неэффективна. Когда производители знают потребности потребителей, могут организовать производственный процесс и распределить производство между собой, можно избежать негативных последствий конкуренции в виде перманентных кризисов. Энгельс приходит к выводу, что принципиальные дисбалансы капитализма (в том числе кризисы перепроизводства, которые опровергали закон Сэя о балансе спроса и предложения) вызваны конкуренцией и не могут быть преодолены без отказа от нее. Он отмечает, что

⁶ Подробнее см.: Общая теория конкурент-менеджмента. Энциклопедия маркетинга. 26.09.2005. (https://www.marketing.spb.ru/lib-around/science/competing_management.htm)

от монополии легко перейти к конкурентному состоянию, а от него – к новой монополизации. В своей работе «Наброски к критике политической экономии» автор указывает, что всякий участник конкурентного процесса заинтересован в монополизации, и рано или поздно это желание осуществляется. С другой стороны, монополия не может бесконечно быть в безопасности: ее постоянно пытаются разрушить, в том числе с помощью нелегальных практик (например, контрабанды).

Среди социалистов, которые терпимее относились к конкуренции, можно отметить французского политического мыслителя П-Ж. Прудона (1809–1865). Он пытался совместить социализм с идеалами личной свободы. Прудона называли романтиком за попытки сохранить систему конкуренции мелких производителей (мелкобуржуазное производство с точки зрения марксистов). На схожих позициях стояли также швейцарский историк С. де Сисмонди (1773–1842) и российские народники (отчасти). В «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. к мелким производителям отношение было суровым: «Они... не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» [Маркс, Энгельс 1973].

Прудон отвергает чрезмерную конкуренцию, которую он сравнивал с дуэлью, но отмечает, что ее нельзя устранить (как и свободу). Необходимо равновесие, регулирование конкуренции. Прудон решительно выступает против монополий, приравнивая их деятельность к грабежу. Он также говорит о том, что монополизация неизбежна в условиях интенсивной конкуренции: чем сильнее конкуренция, тем неизбежнее монополия (похожих взглядов придерживалась Чикагская школа).

В трудах К. Маркса (1818–1883) диалектическое развитие капитализма подразумевает, что по мере его развития растет и тенденция к саморазрушению, которая в конечном счете позволит перейти к следующим формациям (социализм, коммунизм). В этой ситуации возникает двойственное отношение к некоторым вопросам: марксисты признают усугубление ситуации (падение доходов и занятости для рабочих [Sweezy 1990]), но могут воспринимать его диалектически – как необходимое (и желательное) явление с точки зрения приближения смены формации. Конкуренция в данных процессах играет роль разрушительного начала, которое заставляет фабриканта накапливать капитал в чрезмерных объемах – например, инвестируя в новое оборудование для повышения производительности труда. Однако при накоплении капитала снижается норма прибыли. Данная тенденция подрывает будущее капитализма, но фабриканты не могут принять независимое решение отказаться от этой тенденции из страха проиграть в конкурентной борьбе. Ее частью выступает и усиливающаяся эксплуатация рабочих.

Базовая гипотеза марксизма заключается в эффективности планирования (пусть даже не на уровне государства, а на уровне отрасли), а не конкуренции. Соответственно, снижение конкуренции и рост концентрации можно воспринимать в контексте эффективности. Марксисты рассматривали частные монополии и как прообраз будущих государственных монополий. В те времена значимого антимонопольного регулирования не существовало (так, в США оно стало развиваться уже после появления монополии Рокфеллера в нефтяной отрасли), а значит, монополизация отраслей считалась неизбежной. В трактовке марксистов эта неизбежность – позитивный сигнал: частные монополисты создали эффективные структуры, остается их национализировать и обратить их эффективность на пользу обществу.

«Манифест Коммунистической партии» [Маркс, Энгельс 1973] предлагает развитым государствам фактически монопольные меры для ключевых секторов:

- централизация кредита в руках государства через учреждение национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией;

- централизация всего транспорта в руках государства;
- увеличение количества государственных фабрик, орудий производства, расчистка земель под пашню и их улучшение по общему плану.

В социалистической мысли возникали и альтернативные концепции между либеральной конкуренцией и государственным монополизмом по Марксу. Сформировался феномен ассоцианистского социализма, который ставил акцент на конкуренции между ассоциациями рабочих. Так, немецкий философ Ф. Лассаль (1825–1864) предлагал, чтобы государство субсидировало производственные социалистические объединения – в том числе посредством льготного кредита. Таким образом они смогут вытеснить частные коммерческие фирмы в конкурентной борьбе. Согласно концепции экономиста К. Марло (псевдоним К.Г. Винкельблеха (1810–1865)), большую часть промышленности следует национализировать, оставшиеся же независимые отрасли должны перейти именно к корпоративной организации.

Тем не менее попытки создать предприятия на основе ассоциаций рабочих в рыночной среде (эксперименты Р. Оуэна и другие коммуны), как правило, заканчивались банкротством и разорением.

* * *

Уже в античности общество сталкивалось практически со всеми проблемами антимонопольной политики, которые обсуждаются и сегодня: монополии, сговор, демпинг, квазирента, невозможность эффективного антимонопольного регулирования в ситуации государственных монополий, разрушительные последствия государственного регулирования цен. Вместе с тем античная экономическая мысль, которая негативно относилась к монополиям (отвергая ее по нравственным соображениям), все же не смогла развить идеи защиты конкуренции. Негативное отношение к торговле в целом и тем более к спекуляциям (эту оценку можно применить к широкому кругу сделок) не позволили мыслителям этого периода признать роль конкуренции в снижении цен и защите общественного благосостояния.

Фундаментальную роль в становлении теории конкуренции сыграла классическая политическая экономия. Ответив на общественный запрос, она развенчала представление о монополии как привилегии. Также данное направление предложило концепцию факторов экономического роста («невидимая рука рынка», разделение труда, специализация), которые могут сформироваться только при свободной конкуренции. Вместе с тем и период становления классической политэкономии был временем сложных дискуссий о возможности успешной монополистической модернизации (от политики Кольбера до Ост-Индской компании), об обоснованности исключений из принципа конкуренции (патентная защита, торговая война). Британский опыт наглядно продемонстрировал, насколько сложно разрушить сложившуюся монополию.

Особая позиция относительно монополий сформировалась в социалистической мысли. Предпринимались попытки (в том числе в течениях ассоцианистского социализма или экономического романтизма) предложить модель конкуренции рабочих или мелких независимых производителей, которые сближали социализм с либеральным представлением. Однако марксистский мейнстрим пошел по другому пути. Марксисты обвинили конкуренцию в эксплуатации работников, хищнической «войне всех против всех», признали ее источником перманентных кризисов и неэффективной формой управления. В рамках этого направления мысли монополия выступает фактором экономического развития, только с заменой монополистов-буржуа на чиновников.

Такие выводы весьма далеки от положений современной экономической теории. Тем не менее не следует отвергать все опасения марксистов. Социалистическая мысль, не учитывая важнейшую роль конкуренции в эффективности и защите свобод, продемонстрировала потенциальную мрачную изнанку конкуренции: социал-дарвинистское соревнование с многочисленными негативными эффектами. В современном мире легко представить случаи, когда логика выигрыша в конкурентной борьбе толкает предпринимателя на оппортунистические действия, злоупотребления и отказ от социальных обязательств. Выводы о том, что важно защищать конкуренцию, одновременно минимизируя ее негативные эффекты, можно считать наследием в том числе и социалистической мысли. Вклад в развитие теории антимонопольного регулирования более поздних экономических школ планируется рассмотреть в последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авдашева С., Шаститко А., Кузнецов Б. (2006) Конкуренция и структура рынков: что мы можем узнать из эмпирических исследований о России // Российский журнал менеджмента. № 4. С. 3–22.
- Avdasheva S., Shastitko A., Kuznetsov B. (2006) Konkurencija i struktura rynkov: chto my mozhem uznat' iz jempiricheskikh issledovanij o Rossii [Competition and Market Structure: What Can We Learn from Empirical Research about Russia]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. no. 4, pp. 3–22. (In Russ.)
- Автономов В., Ананьин О., Макашева Н. (2010) История экономических учений. М.: ИНФРА-М. 784 с.
- Avtonomov V., Ananin O., Makasheva N. (2010) *Istorija ekonomicheskikh uchenij* [History of Economic Thought]. Moscow: INFRA-M. 784 p. (In Russ.)
- Акимова М.А., Леус В.А. (2021) Истоки антимонопольного регулирования в римском праве // Правовая политика и правовая жизнь. № 2. С. 180–192.
- Akimova M.A., Leus V.A. (2021) Istoki antimonopol'nogo regulirovanija v rimskom prave [The Origins of Antitrust Regulation in Roman Law]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'*. no. 2, pp. 180–192. (In Russ.)
- Андерсон К.М. (2018) Роберт Оуэн и зарождение доктрин кооперативизма // Русская политология. № 1. С. 61–71.
- Anderson K.M. (2018) Robert Owen i zarozhdenie doktrin kooperativizma [Robert Owen and the Birth of the Doctrines of Cooperativism]. *Russkaja politologija*. no. 1, pp. 61–71. (In Russ.)
- Блауг М. (1994) Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. Ред.: В.С. Автономов, Е.М. Майбурд. М.: Дело Лтд. 719 с.
- Blaug M. (1994) *Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive* [Economic Thought in Retrospect]. Translation from English. Ed(s): V.S. Avtonomov, E.M. Mayburd. Moscow: Delo Ltd. 719 p. (In Russ.)
- Добролюбский К. (1939) Кольбер и его экономическая политика // Исторический журнал. № 9. С. 124–130.
- Dobrolyubsky K. (1939) Kol'ber i ego jekonomicheskaja politika [Colbert and His Economic Policy]. *Istoricheskij zhurnal*. no. 9, pp. 124–130. (In Russ.)
- Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П. (2009) Невидимая рука рынка. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 388 с.
- Eatwell J., Milgate M., Newman P. (2009) *Nevidimaja ruka rynka* [The Invisible Hand of the Market]. Moscow: HSE Publishing House. 388 p. (In Russ.)
- Клейн Б., Кроуфорд Р.Дж., Алчян А.А. (2003) Вертикальная интеграция, присваиваемая рента и конкурентный процесс заключения контрактов // Вехи экономической мысли. Том 5. С. 318–366.

Klein B., Crawford R.J., Alchian A.A. (2003) Vertikal'naja integracija, prisvaivaemaja renta i konkurentnyj process zaključenija kontraktov [Vertical Integration, Appropriated Rent and Competitive Contracting Process]. *Vehi jekonomičeskoj mysli*. vol. 5, pp. 318–366. (In Russ.)

Маркова С.П. (2011) К истории английской торговой компании «Merchant Adventurers» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3.

Markova S.P. (2011) K istorii anglijskoj torgovoj kompanii "Merchant Adventurers" [To the History of the English Trading Company "Merchant Adventurers"]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija*. no. 3. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. (2016) Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии. М.: ИТРК. 68 с.

Marx K., Engels F. (2016) *Principy kommunizma. Manifest Kommunističeskoj partii* [Principles of Communism. Manifesto of the Communist Party]. Moscow: ITRK. 68 p. (In Russ.)

Огнерубова Т.А. (2009) Эволюция теории естественной монополии // Вестник ТГУ. № 2. С. 281–285.

Ognerubova T. A. (2009) Jevoljucija teorii estestvennoj monopolii [The Evolution of the Theory of Natural Monopoly]. *Vestnik TGU*. no. 2, pp. 281–285. (In Russ.)

Питтман Р. (2002) Вертикальная реструктуризация инфраструктурных отраслей в странах с переходной экономикой // Экономическая школа. Аналитическое приложение. № 1. С. 7–39.

Pittman R. (2002) Vertikal'naja restrukturalizacija infrastrukturyh otraslej v stranah s perehodoj jekonomikoj [Vertical Restructuring of Infrastructure Industries in Countries with Transitional Economies]. *Jekonomičeskaja shkola. Analitičeskoe prilozhenie*. no. 1, pp. 7–39. (In Russ.)

Смит А. (2019) Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: АСТ. 640 с.

Smith A. (2019) *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: AST. 640 p. (In Russ.)

Фурсов К.А. (2001) Ост-Индская Компания: История великого олигарха // Новое время. № 2-3. С. 40–43.

Fursov K.A. (2001) Ost-Indskaja Kompanija: Istorija velikogo oligarha [East India Company: The Story of a Great Oligarch]. *Novoe vremja*. no. 2-3, pp. 40–43. (In Russ.)

Хайлблонер Р.Л. (2008) Философы от мира сего. М.: КоЛибри. 432 с.

Heilbloner R.L. (2008). *Filosofy ot mira sego* [The Worldly Philosophers]. Moscow: KoLibry. 432 p. (In Russ.)

Шашитко А.Е. (2012) Отменить нельзя развивать // Общественные науки и современность. № 5. С. 41–53.

Shashitko A.E. (2012) Otmenit' nel'zja razvivat' [Cancel Cannot Be Developed]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 41–53. (In Russ.)

Шумпетер Й.А. (2001) История экономического анализа: В 3-х томах. Пер. с англ. Ред.: В.С. Автономов. СПб: СПб. гос. у-т экономики и финансов, Высшая школа экономики. 1670 с.

Schumpeter J.A. (2001) *Istorija jekonomičeskogo analiza: V 3-h tomah* [History of Economic Analysis: In 3 Volumes]. Ed(s): V.S. Avtonomov. Saint-Petersburg: SPb. state Department of Economics and Finance, Higher School of Economics. 1670 p. (In Russ.)

Энгельс Ф. (1955) Положение рабочего класса в Англии // В: Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Политиздат. С. 17–438.

Engels F. (1955) Polozhenie rabochego klassa v Anglii [The Condition of the Working Class in England]. In: Marx K., Engels F. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 2. Moscow: Politizdat. Pp. 231–517. (In Russ.)

Ядгаров Я.С. (2016) История экономических учений: Учебник. 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: ИНФРА-М. 480 с.

Yadgarov Ya.S. (2016) *Istorija ekonomicheskikh uchenij: Uchebnik. 4-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe* [History of Economic Doctrines: Textbook. 4th Edition, Revised and Supplemented]. Moscow: INFRA-M. 480 p. (In Russ.)

Collins G.M. (2022) Adam Smith on the Navigation Acts and Anglo-american Imperial Relations // History of Political Thought. Vol. 43. No. 2. Pp. 273–304.

Faccarello G., Silvant C. (2023) Turgot, Graslin and Sensationist Political Economy // In: A History of Economic Thought in France. Vol. 1: The Age of Enlightenment. London, New York: Routledge. Pp. 117–55.

Kotsiris L.E. (1988) An Antitrust Case in Ancient Greek Law // The International Lawyer. Vol. 22. No. 2. Pp. 451–457.

Sweezy P.M. (1990) Monopoly Capitalism // In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. Marxian Economics. London: The New Palgrave. Palgrave Macmillan. Pp. 297–303.

Taylor Q. (2016) John Stuart Mill, Political Economist: A Reassessment // The Independent Review. Vol. 21. No. 1. Pp. 73–94.

Temin P. (2012) The Roman Market Economy. Princeton: Princeton University Press. 320 p.

Wheelock J. (1983) Competition in the Marxist Tradition: Its Changing Nature in Relation to the Monopoly Stage of Capitalism and to the Operation of the Law of Value. University of Glasgow. 336 p.

Информация об авторе

Макаров Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории инфраструктурных и пространственных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Адрес: 119034, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, 9-й корпус. Старший преподаватель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125167, Россия, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2. E-mail: andreymakarovh@mail.ru

About the author

Andrey V. Makarov, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Laboratory for Infrastructure and Spatial Research IPEI, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 119034, 84/9 Vernadsky Ave., Moscow, Russia. Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125167, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, Russia. E-mail: andreymakarovh@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.06.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 25.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

УДК 338.12

DOI: 10.31857/S0869049924030028
EDN: WJQDFA

Оригинальная статья / Original article

Развитие экономики в контексте взаимосвязи технологий, капитала, человека и общества

© Е.В. КРАСОВА

Красова Елена Викторовна, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Россия), elena_krasova@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-7847-0385

Поиск источников и проблем экономического развития – важное направление макроэкономической теории. Изучение особенностей развития в контексте взаимосвязи технологий, капитала, человека и общества способствует пониманию причинно-следственных связей технологических, экономических и социальных изменений в обществе. Проведен анализ основных этапов трансформации мировой экономики от первой промышленной революции, рассмотрен механизм экономического развития как совокупности циклических колебаний и нециклических воздействий, а также выявлена специфика текущего этапа, систематизированы взгляды на дальнейшую траекторию развития мировой экономики.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономический рост, устойчивое развитие, технологический уклад, капитал, общество, траектория развития

Цитирование: Красова Е.В. (2024) Развитие экономики в контексте взаимосвязи технологий, капитала, человека и общества // Общественные науки и современность. № 3. С. 21–35. DOI: 10.31857/S0869049924030028, EDN: WJQDFA

Economic Development in the Context of Technology, Capital, Man and Society Interconnection

© E. KRASOVA

Elena V. Krasova, Vladivostok State University (Vladivostok, Russia), elena_krasova@rambler.ru.
ORCID: 0000-0001-7847-0385

Abstract. The search for sources and problems of economic development is an important area of macroeconomic theory, within which identifying the specifics of current and future development is a pressing theoretical issue. Studying the features of development in the context of the relationship between technology, capital, man and society helps to improve the understanding and management of the cause-and-effect chain of sequences of technological, economic and social changes in society. The main stages of development of the world economy since the first industrial revolution are studied, the mechanism of economic development as a set of cyclical fluctuations and non-cyclical influences is examined, the characteristics and specifics of the current stage of development of the world economy are analyzed and views on its future trajectory are systemized.

Keywords: economic development, economic growth, sustainable development, technological structure, capital, society, development trajectory

Citation: Krasova E.V. (2024) Economic Development in the Context of Technology, Capital, Man and Society Interconnection. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 21–35. DOI: 10.31857/S0869049924030028, EDN: WJQDFA (In Russ.)

Траектория развития мировой экономики – одна из центральных тем в общественных науках. Ее неизменная актуальность обусловлена, с одной стороны, необходимостью расширенного воспроизводства системы материального жизнеобеспечения людей, с другой стороны, многочисленностью факторов, влияющих на этот процесс. Развитие экономики происходит последовательно, но не поступательно, не линейно, поэтому возникает необходимость раскрыть его механизм, выявить специфику каждого этапа, определить его направленность.

Вопросы экономического развития во всем их многообразии присутствуют в исторической ретроспективе мировой науки. Со второй половины XX в. подход к анализу долгосрочного экономического роста в основном связан с концепцией устойчивого развития, под которым понимают уровень удовлетворения текущих потребностей, не ставящий под угрозу благополучие будущих поколений¹. Поиск источников устойчивого развития во многом обусловлен турбулентностью мировой экономики, проявления которой – неравномерность динамики производительности труда и темпов роста производства, волатильность мирового спроса и цен на ресурсы, дифференциация уровня технологического прогресса, острота многих социальных проблем, ухудшение состояния окружающей среды и т.д. За период с 1970 г. капиталистический мир пережил шесть рецессий, наиболее сильные из которых известны как финансовый кризис 2008–2009 гг. и пандемия 2020 г. И сейчас ряд западных экономик пребывает в состоянии неопределенности.

¹ UN: What is Sustainable Development? Sustainable Development Goals. The United Nations. (<https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2023/08/what-is-sustainable-development/>).

Глобальные вызовы породили многочисленные теории, концепции, подходы, объясняющие экономическое развитие влиянием определенных факторов и условий. Многие теории сохраняют актуальность и нуждаются в дальнейшей разработке и проверке предлагаемых гипотез. Однако хозяйственная практика уже сегодня нуждается в понятных и корректных инструментах управления социально-экономическими процессами, что требует систематизации и универсализации подходов. Цель настоящего исследования – актуализация наиболее распространенных представлений об этапах, механизме, траекториях развития мировой экономики в контексте взаимосвязи технологических, экономических и социальных процессов.

Обзор основных теорий и подходов

Современный научный мейнстрим опирается на инновационную (инновационно-технологическую) парадигму, в рамках которой в качестве обоснования экономического развития выступает внедрение в общественное производство инноваций – новых элементов, видов, методов и способов производства, повышающих его эффективность и конкурентоспособность. Данная парадигма уходит корнями в теорию нововведений Й. Шумпетера, который рассматривал инновации в качестве внутреннего источника энергии экономической системы и соединил таким образом мир техники и бизнеса [Schumpeter 1934]. К настоящему времени сложилась совокупность альтернативных теорий, которые описывают механизмы мирового развития посредством череды взаимосвязанных научно-технических, производственных, институциональных, социальных и управленческих преобразований, выводящих общество на новый уровень.

Появлению и разработке данных теорий наука обязана многим ученым, в том числе К. Марксу (теория экономических формаций) [Маркс 1959], Н.Д. Кондратьеву (длинные волны экономической конъюнктуры) [Kondratiev 1935], Й. Шумпетеру (теория созидательного разрушения) [Schumpeter 1934], Дж. Арриги (теория циклов накопления капитала) [Arrighi 2006], В.И. Пантину (теория эволюционных циклов) [Пантин 2008], Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотову (теория технико-экономических ценозов) [Бадалян, Криворотов 2019], С.Ю. Глазьеву, К. Перес и М. Хирооки (теория технологических укладов) [Глазьев 2016; Perez 2002; Hirooka 2006], А.Э. Айвазову (периодическая система мирового развития) [Айвазов 2013] и другим. Следует отметить также идеи культурно-мировоззренческого детерминизма в экономическом развитии (Д. Норт и другие) [North 2010] и концепцию «конституционных» (управленческих) циклов В.А. Осипова [Osunov 2020].

Каждый ученый акцентирует внимание на отдельных системообразующих признаках и описывает механизм преобразований, используя различные категории структурной динамики – изменения, сдвиги, кризисы, трансформации, уклады, циклы, штормы и т.д. Так, Й. Шумпетер рассматривает инновации и роль инноваторов, Дж. Арриги – капитал и циклы его накопления, Л.Г. Бадалян – дисбаланс численности населения и ресурсов, С.Ю. Глазьев – технологические и институциональные изменения, К. Каратани – смену мирового товара и способов обмена [Каратани 2012]. Д. Норт выделяет систему культурно-исторических стимулов, способствующих творческому труду и инновациям, В.А. Осипов – управленческий базис, т. е. приоритеты и качество национального менеджмента.

Данные теории позволяют выделить следующие базовые элементы экономического развития: технологии как ведущее средство производства, источник роста производительности труда; капитал как главный заказчик, потребитель технологий; человек, с одной стороны, как носитель рабочей силы, т. е. пассивный ресурс, с другой стороны, как творец, создатель, преобразователь, т. е. активный ресурс; общество как система взаимосвязей

и взаимодействий людей в процессе хозяйствования. Данная тетрада – технологии, капитал, человек и общество – выступает как единая и полная совокупность социально-экономических отношений, выходящая за пределы производства и потребления. Она затрагивает разнообразные материальные, культурно-мировоззренческие, коммуникационные, личностные и другие аспекты жизнедеятельности людей, во многом формируя их образ жизни, деятельность, обучение, отдых, т. е. проникая во все сферы общественного бытия и сознания.

Периодизация развития мировой экономики

Представим этапы развития мировой экономики, от первой промышленной революции, традиционно связываемой с началом активного развития капитализма, до начала XXI в. Вслед за А.Е. Айвазовым и С.Ю. Глазьевым, предложившими современную периодизацию развития западной экономики на основе технологических укладов, обозначим в качестве критериев развития содержательные характеристики элементов инновационного процесса: технологии (ключевые изобретения), капитал (доминантные ресурсы и способы производства) и человек (место человеческого ресурса в общественном производстве) (табл. 1).

Периодизация развития на основе теории технологических укладов схематично, но наглядно показывает движение мировой экономики от этапа к этапу, в то время как действительность отражает определенную условность и размытость границ укладов, переплетение и сочетание признаков различных укладов. Неслучайно перечень периодов в таблице оканчивается пятым технологическим укладом, несмотря на то что в научной литературе можно встретить четкие характеристики шестого уклада. Так, согласно Б.Н. Кузыку и Ю.В. Яковцу, постиндустриальная цивилизация, соответствующая пятому и шестому технологическим укладам, охватывает период с начала XXI в. до начала XXIII в. [Кузык, Яковец 2006]. В наши дни развитие экономики происходит настолько разнопланово и противоречиво, а общественные отношения настолько углубились и усложнились, что затруднительно идентифицировать текущий уклад и текущую экономическую траекторию. Чтобы разобраться в этом, рассмотрим механизм развития экономики.

Механизм развития капиталистической экономики

Согласно классической политэкономии, цель капиталистической экономики – накопление капитала. Закон капиталистического накопления, сформулированный К. Марксом, продолжает действовать: меняются условия, среда, ресурсная база, формы, направления движения капитала, но сущность последнего остается неизменной. Сегодня наибольшей экономической властью обладают международные корпорации, которые аккумулируют значительную часть финансово-промышленного капитала. Попытки обозначить смену эпохальной тенденции в сторону от капитализма² спорны, поскольку во многом не находят своего подтверждения на практике.

Между капиталом и технологиями существует органичная связь. Стремящийся к саморазрастанию капитал концентрируется в сферах с наибольшей производительностью труда, которую могут обеспечить только новые технологии, и это влечет за собой ускорение капитализации высокотехнологичных отраслей. Рост производства в таких отраслях происходит до пределов, установленных уровнем развития технологий в рамках действующего технологического уклада. Именно поэтому техногенное общество (техногенная экономика) нередко

² Например, в сторону постиндустриального общества, «посткапитализма», «общества посттруда» и т.п.

Таблица 1

Table 1

Технологические уклады мировой экономики (1770–2020 гг.)

Technological modes of the world economy (1770–2020)

Уклад	Ключевые изобретения	Главный ресурс	Характеристики производства	Особенности использования человеческого ресурса в производстве
Первый (1770–1830)	Прядильная машина	Природный: земля, вода, ветер, дерево	Голландская эпоха: экономический национализм. Ремесленное, мануфактурное производство. Ручной и механизированный труд	Преобладание физического труда. Низкая ценность образования. Высокая эластичность предложения труда, низкие заработные платы
Второй (1830–1880)	Паровой двигатель	Каменный уголь	Британская эпоха: фритредерский империализм. Появление фабрик, машинное производство. Развитие угледобычи, транспорта (судоходство, железные дороги)	Простой и универсальный характер профессиональных навыков, низкая значимость знаний и образования. Высокая эластичность предложения труда, низкие заработные платы
Третий (1880–1930)	Электродвигатель	Электроэнергия	Продолжение британской эпохи. Развитие тяжелой промышленности: производство стали, автомобилестроение, кораблестроение, создание военной техники, продолжение транспортного строительства. Появление конвейеров, научной организации труда, становление менеджмента как науки	В целом, простой и универсальный характер профессиональных навыков. Знания и способности имеют ограниченное значение для производства. Становление институтов профподготовки, систем охраны труда и медобслуживания персонала
Четвертый (1930–1970)	Двигатель внутреннего сгорания, реактивный двигатель, ядерный реактор, радиосвязь, компьютер	Нефть	Американская эпоха. Развитие конвейерного производства, энергетики, многоотраслевой структуры промышленности, авиации, космонавтики. Научно-техническая революция середины XX в. Массовое и серийное производство	Возрастание роли знаний, умений и квалификации в качестве ресурса. Способности человека рассматриваются как источник интенсификации производства. Дифференциация оплаты труда по образовательно-квалификационному уровню
Пятый (1970–2020)	Микроэлектроника, информационные технологии, Интернет	Компьютерные системы, коммуникации	Продолжение американской эпохи: расширение объема и ассортимента производства. Информационная революция конца XX – начала XXI в.: компьютеризация, связь, программное обеспечение, Интернет. Развитие финансового, потребительского и посреднического секторов	Знания, способности, опыт человека признаны фактором производства. Инвестиции в человеческий капитал (образование и здравоохранение) считаются основополагающими. Развитие институтов образования различного уровня

Источники: [Айвазов 2013; Глазьев 2016].
 Sources: [Aivazov 2013; Glazyev 2016].

рассматривают в литературе как часть или даже синоним капиталистического общества, хотя с точки зрения понятийного аппарата это самостоятельные научные категории.

Теории циклов накопления капитала Дж. Арриги, технологических укладов С.Ю. Глазьева, технико-экономических ценозов Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотова наглядно демонстрируют логику и хронологию формирования технологических, экономических и социально-культурных общественных условий на основе расширения и миграции капитала. В сфере общественного производства раскрывается заложенный в технологиях потенциал повышения производительности труда. Накопленный за счет роста производительности капитал предъявляет спрос на ресурсы, поддерживающие такое накопление, и, по сути, определяет направления и возможности дальнейшего развития экономики. Ключевые технологии как «полюсы роста» устанавливают требования к качественным характеристикам человеческих ресурсов, поэтому специфика жизненного уклада и труда людей в значительной степени обусловлена динамикой технологических и адаптированных к ним экономических процессов. Формируются соответствующие друг другу технологическая, экономическая, управленческая парадигмы и парадигма общественного развития (рис. 1).

Человек как хозяйствующий субъект подстраивается под эти изменения, меняется сам и способствует изменениям в обществе. Общественные трансформации проходят путь от блока I к блоку IV и возвращаются к блоку I, от которого снова осуществляются по этому же механизму, но только на другом уровне. В конце каждого уклада происходит неизбежное торможение развития из-за исчерпания потенциала технологического и основанного на нем экономического роста, а «роль переключателя с повышательной волны на понижательную играет предпринимательская прибыль» [Акаев, Садовничий 2016, 883]. Сокращению прибыли способствует падение спроса и темпов производства. Понижательная волна сопровождается уходом капитала в непроизводительные сектора, снижением занятости и доходов, ростом социальной напряженности. Ученые говорят о наступлении «технологического пата», т. е. паузы в поступательном развитии экономики, которая характеризуется турбулентностью и нестабильностью. По мнению немецкого экономиста Г. Менша, капиталистическая экономика не может автоматически генерировать устойчивое развитие, поскольку базисные инновации распределены во времени неравномерно и дискретно [Mensch 1979].

Следует отметить, что сама по себе неравномерность распределения инноваций во времени является источником цикличности, т. е. конъюнктурных колебаний, которые можно спрогнозировать и компенсировать мерами макроэкономической политики. Вместе с тем причина затяжных спадов и устойчивых социальных диспропорций лежит несколько глубже механизма инновационного запаздывания и связана с целевыми установками капиталистической экономики, ориентированной в большей степени на концентрацию капитала и получение прибыли, нежели на благо всего общества. Внедрение технологических решений и раскрытие производственных возможностей зависит не столько от их истинного потенциала, сколько от ожидаемой выгоды, уровень которой влияет на распределение ресурсов и произведенного продукта.

В рамках каждого уклада особенно бурно развивается не экономика в целом, а ряд высокотехнологичных отраслей, которые обеспечивают максимальную отдачу; остальные отрасли тоже развиваются, но более медленно или даже остаются в пределах предыдущего уклада. В результате возникает многоукладность экономики, для которой характерна неравномерность территориально-отраслевого развития, что ограничивает темпы роста общей производительности и дифференцирует страны (территории) по уровню развития. Усугубляют ситуацию и события так называемой «реальности–ненормальности», т. е. санкции, техногенные катастрофы, конфликты, диверсии и другие внешние вмешательства в естественный ход событий, отражающие, по мнению некоторых ученых, «истори-

Рисунок 1. Механизм развития экономики (в рамках одного технологического уклада)

Figure 1. The economy development mechanism (within a technological mode)

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

ческий откат в экономическом развитии, нисхождение по уровням технологии производства, ухудшение качества жизни» [Хубиев 2023, 103].

Таким образом, развитие капиталистической экономики – это результат циклических колебаний и нециклических воздействий, рассматриваемых в динамике, сочетании друг с другом, в условиях территориально-отраслевой неравномерности развития и высокой значимости интересов капитала. Цикличность, несмотря на наличие спадов, объективно встроена в общий восходящий тренд развития экономики: технологический прогресс обеспечивает поэтапный переход на все более высокие уровни развития. Нециклические воздействия труднопредсказуемы и в большей степени зависят от субъективных интересов и инкрементальных решений, принимаемых независимо или даже вопреки целям всеобщего развития, что может отрицательно воздействовать на экономический рост.

Уникальное для наличного технологического потенциала сочетание факторов роста и факторов, этот рост ограничивающих, следует учитывать при определении текущей

траектории развития. В частности, когда речь заходит о шестом технологическом укладе, главным условием его наступления называют активное финансирование и внедрение NBIC-технологий, которые позволяют «резко ускорить экономическое развитие, увеличить продолжительность жизни и повысить ее качество» [Косакин 2022, 5]. Однако ускорить социально-экономическое развитие способен лишь параллельный и взаимообусловленный рост производительности и платежеспособности, торможение которого как раз и наблюдается в последние годы вследствие усиления неравномерности развития и деструктивных явлений нециклического характера. Ускорение экономического развития и откат в экономическом развитии, улучшение качества жизни и ухудшение качества жизни – эти процессы происходят, наблюдаются и исследуются одновременно, и их различные проявления по-разному влияют на общественный прогресс. Итоговый эффект заведомо остается неопределенным и в значительной степени зависит от силы нециклических воздействий.

К вопросу о текущем этапе развития

Можно предположить, что сегодня мировая экономика по-прежнему функционирует в условиях пятого технологического уклада с его тенденцией к цифровизации. Вопреки распространенному мнению о наступлении в XXI в. высокотехнологичной постиндустриальной экономики с преобладанием интеллектуального и творческого труда, цифровые технологии пока не привели к ожидаемому взрывному росту производительности труда и всестороннему раскрытию человеческого потенциала. Рост прибыли и концентрация капитала в высокотехнологичных отраслях сопровождают усиление дифференциации в доходах и возрастание бедности, а развитие знаний и повышение уровня образованности не способствуют качественному улучшению рабочих мест и установлению меритократических принципов управления.

По данным Всемирного банка, среднегодовые темпы роста мировой экономики за период 2015–2023 гг. составили 2,7%, что меньше, чем, к примеру, в 1960-х, 1970-х, 1980-х гг. (5,3%, 3,7%, 3,3% соответственно). Темпы роста дифференцированы по группам стран, но меняются однонаправленно. Производительность труда, рассчитанная как отношение мирового ВВП к численности всех занятых, демонстрирует за последние 65 лет неоднородную динамику: в период 1960–1973 гг. были зафиксированы наибольшие темпы прироста производительности – 1,9%, в 1974–1991 гг. – 1,6%, 1992–2007 гг. – 1,8%, 2008–2018 гг. – 0,8%³. В 2018–2023 гг. производительность труда характеризовалась большой неравномерностью, связанной с колебаниями объемов мирового производства и занятости, и сегодня «рост производительности труда вернулся к медленным темпам, характерным для предыдущего десятилетия»⁴. Российские ученые высказывали схожее мнение: «Сейчас мы не наблюдаем ни резкого ускорения производительности труда (скорее, дело обстоит с точностью до наоборот), ни признаков кардинальной ломки привычного образа жизни людей» [Капелюшников 2015, 113].

Технологический базис шестого уклада, основанный на NBIC-технологиях, сложился, но трудно предположить, в какой степени он будет реализован для нужд человечества. Сам факт наличия технологий еще не означает ускорения экономического роста, наличие ресурсов еще не гарантирует их эффективного использования. Технологии могут быть внедрены, навыки – сформированы, массовый творческий труд возможен и необходим, но

³ Рассчитано на основе данных Всемирного банка: Перспективы мировой экономики. 12.05.2024. (<https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>).

⁴ ILO: World Employment and Social Outlook. Trends 2024. Executive Summary (2024) International Labour Organization. Geneva: ILO pub. (<https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2024>).

«современные формы капитала, прежде всего финансового, не могут обеспечить его достойное (вызывающее прогресс производительности труда и человеческих качеств) использование» [Бузгалин 2018, 19–20]. В 2024 г., как предполагают, будет наблюдаться дальнейшее замедление темпов развития мировой экономики – до 2,4%, чему способствуют мировая инфляция, ослабление торговых и инвестиционных связей. Конфликты интересов затрудняют международное сотрудничество, имеющее, по мнению экспертов, ключевое значение для решения глобальных социально-экономических и экологических проблем⁵.

Не снижается и острота социальных проблем. Специалисты Международной организации труда подчеркивают, что на протяжении 2021–2024 гг. нарастает значимость проблем дефицита достойных рабочих мест, роста численности занятых, живущих за чертой бедности (таковых в 2022 г. насчитывалось 6,4% от работающего населения планеты), социальной несправедливости. «Неравенство в распределении произведенного продукта усиливается. На протяжении 2005–2020 гг. доля доходов от трудовой деятельности в мире постоянно снижалась... Технологическое развитие в цифровой экономике идет стремительными темпами, однако его плоды достаются не всем... Цифровые инновации пока еще не привели к перераспределению производительности в масштабах всей экономики, результатом которого стали бы рост занятости и экономический подъем. Напротив, <они> вызвали перекосы в распределении рабочих мест в пользу нескольких высокотехнологичных отраслей, усугубляя неравенство и ведя к замедлению совокупной производительности»⁶. Появление в странах с низким уровнем дохода ряда инновационных товаров, таких как мобильные телефоны, Интернет, телевидение, лекарства, некоторые виды промышленного и бытового оборудования и т.д., сложно назвать результатом развития стран и технологий как таковых: скорее, это итог неравноценного обмена с более развитыми странами и благотворительной деятельности. Низкий уровень потребления в бедных странах ярко контрастирует с потреблением в развитых странах, сочетаясь с внутристрановой дифференциацией доходов. Бедность называют уже не столько экономической, сколько цивилизационной проблемой человечества [Федоренко 2006].

Таким образом, пока нет оснований говорить о скором переходе на более высокий уровень экономического развития, связанный с очередным технологическим скачком. Мировая экономика обладает большим потенциалом, но его использование сдерживают противоречия общественных отношений, обусловленные капиталистической формой хозяйствования. Что касается дальнейшей траектории, то многообразие разнонаправленных процессов в экономике обусловило возникновение целого ряда гипотез, прогнозов, мнений по этому вопросу.

Альтернативы дальнейшего развития мировой экономики

Анализ и систематизация существующих взглядов позволила выделить основные альтернативные варианты развития мировой экономики.

Продолжение текущих тенденций развития. Дальнейшее внедрение информационно-коммуникационных и цифровых технологий при сохранении принципов капиталистического накопления расширяет потенциал извлечения прибыли из наиболее перспективных сфер деятельности, которыми остаются потребительский и посреднический секторы – онлайн-торговля, финансы, социальные сети, услуги, развлечения и т.п. Несмотря на постепенное проникновение технологий во многие отрасли, рост производительности

⁵ На основе материалов Всемирного банка: Перспективы мировой экономики. 12.05.2024. (<https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>).

⁶ ILO: World Employment and Social Outlook. Trends 2024. Executive Summary (2024) International Labour Organization. Geneva: ILO pub. (<https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2024>).

труда в базовых, реальных секторах экономики, таких как энергетика, промышленность, сельское хозяйство и т.д., будет отставать от производительности в IT-секторе из-за более высокой капиталоемкости, более низкой оборачиваемости средств и инвестиционных лагов, что усилит территориально-отраслевую неравномерность развития. Выиграют главным образом крупные и средние (капиталообеспеченные) предприятия за счет экономии затрат живого труда и увеличения онлайн-продаж, а также малые предприятия, встроенные в устойчивые цепочки создания стоимости.

Цифровые технологии продолжают менять образ жизни и деятельность людей, конвергенция профессиональных и личностных качеств усиливается. За человеком постепенно закрепляется роль носителя человеческого капитала с заданным необходимым набором навыков. Вопреки распространенному мнению о росте конкуренции между работодателями за работников, в высокодоходных отраслях усиливается конкуренция именно между работниками (имея в виду их интеллектуальный и творческий потенциал), которые стремятся приложить свои силы в корпоративных рамках с базовым набором социальных гарантий. Гибкие формы занятости вынуждают работников самостоятельно решать проблемы своего обеспечения, нести все социальные риски. В отраслях материального производства по-прежнему будет наблюдаться нехватка рабочих рук на фоне сохранения структурных диспропорций на рынке труда.

Различные аспекты модели «информационного» (или «цифрового») капитализма стали предметом рассмотрения многими учеными и практиками, среди которых А.В. Бузгалин, А. Горц, Дж. Грэнтэм, Р.И. Капелюшников, Р. Кийосаки, А.И. Колганов, М. Лазаратто, Т. Пикетти, Т. Терранова, Г. Стэндинг и другие. Эксперты усматривают в экономическом развитии признаки рецессии, связанные с теми или иными факторами: сверхконцентрацией капитала, низкой производительностью, социальным неравенством, несовершенством макроэкономической политики. «Технологии искусственного интеллекта развиваются в контексте открытости и либерализма... Предполагается, что <они> делают работу более интересной, но они, скорее, вызывают беспокойство, так как централизуют власть и ресурсы, воспроизводят и усиливают различные структуры доминирования» [Berlinski 2024]. Продвижение технологий от пятого к шестому укладу в условиях концентрации капитала и социального неравенства ведет не к прогрессу общества как таковому, а к продвинутой форме капитализма, в результате чего социально-экономические проблемы текущего периода сохраняют, а возможно, и усилят свою актуальность. Стимулирование инноваций, вопреки ожиданиям, не поможет достичь устойчивости в развитии и решить проблему волатильности темпов роста, поскольку проявления цикличности станут острее, а влияние нециклических факторов – жестче.

Вместе с тем при условии формирования многополярного мира можно допустить развитие ряда полюсов роста с сильной внутренней экономикой, что позволит нивелировать влияние внешних деструктивных воздействий и более равномерно распределить экономическую власть на планете. Концепция многополярного мира становится одним из актуальных сценариев цивилизационного развития, в котором увязаны воедино технологии, военно-политическая система, экономика и общество.

Ускоренное инновационно-технологическое развитие. Данная модель акцентирует неизбежность ускорения темпов научно-технического прогресса и закрепляющуюся «зависимость экономики, социума и отдельной личности от высокорисковых NBIC-технологий, которые станут основными строительными блоками инновационно-технологической цивилизации будущего» [Казанцев и др. 2014, 7].

Последствия ускорения НТП трактуют двояко. Одни эксперты, ориентируясь на большой потенциал NBIC-технологий в части цифровизации, роботизации и биоинженерии,

верят в возможность быстрой трансформации реальности, значительного роста производительности труда во всех сферах, коренного улучшения качества жизни, работы и отдыха. Ученые говорят о формировании ноономики – особой организации общества, основанной на качественно новом уровне материального производства [Бодрунов 2018]. «Конечно, в древних обществах были достижения, многие из которых превосходят те, что свойственны XX веку... <Но> лишь во второй половине XX века индустриальная революция наконец решила глобальную задачу – накормить людей. С голодом в подавляющем большинстве стран мира было покончено... Постиндустриальное общество рождается, вытесняя старый индустриальный уклад... Необходимо осознание новых форм жизни, нового уклада» [Новиков 2008, 8, 134]. «Технологическое изобилие», «рай для незанятых» и «устойчивые общие блага» стали признаками посткапиталистического будущего, а отсутствие потребности в рабочих местах – вполне реальной перспективой [Хайнс 2019].

Отношение к устойчивому развитию при данном подходе несколько различается. С одной стороны, технологии трактуют как условие перехода к устойчивому развитию, преодоления цикличности. «Параметры высокотехнологичности и инновационности будут конструировать нашу цивилизацию на принципах цивилизационной системы высокой сложности и самоорганизации... конвергенция и синергия NBIC-технологий могут в значительной степени оказать поддержку в преодолении и смягчении глобальных кризисов XXI в.» [Казанцев и др. 2014, 7, 13]. С другой стороны, технологии выступают признаком сильной повышательной волны цикла в шестом технологическом укладе: «Благодаря мощному синергетическому эффекту NBIC-технологий прогнозный технологический уровень в экономике США окажется гораздо выше, чем трендовый. Это обеспечит значительный рост производительности труда как по всей экономике, так и в инновационных отраслях, что сулит капиталистам огромные прибыли» [Акаев, Садовничий 2016, 895].

Других ученых, напротив, не столько вдохновляют, сколько удручают возможности NBIC-технологий. Они рассматривают человеческий мозг и искусственный интеллект как два конкурирующих начала, мирный и взаимовыгодный симбиоз между которыми затруднен. Массовая технологическая безработица, неподготовленность людей к работе в «оцифрованной экономике», постоянный психологический стресс, мутация человека, трансгуманизм – примерный перечень прогнозируемых на обозримое будущее социальных бедствий. Р. Курцвейль, М. Форд, Ф. Фукуяма и некоторые другие ученые опасаются не традиционных проблем, связанных с инновационным развитием, а исчезновения человека как биологического вида в результате тотальной технологизации жизни [Kurzweil 1999; Форд 2016; Фукуяма 2005].

Гуманистическое развитие. Здесь акцент сделан на достижении материального и духовного благополучия человека. Речь идет не о каких-либо утопических формах общества типа ноономики, ноосферизма, креативной экономики с ее массовым творческим трудом или «экономики счастья». Гуманистическая экономика – это особый формат общественных отношений, в которых благо человека – основной критерий результативности хозяйственной деятельности. Человек в этом случае – не столько средство обеспечения экономического роста, сколько ценность, потребности которой требуют максимально возможного удовлетворения [Федоренко 2006]. В процессе труда должны быть применены человеческие способности, что обеспечивает мотивацию к труду и самореализации, а мастерство и профессионализм становятся важными критериями уровня оплаты труда и качества жизни. Ряд ученых усматривает в способностях человека источник устойчивого развития, в связи с чем расширено концептуальное обеспечение понятий «благополучие», «процветание», «труд», «человеческое развитие», которые в этой парадигме основаны в большей степени на возможностях и свободе людей, нежели на конкуренции и мобильности рабочей силы [Schumacher 1973; Sen 2013; Cammack 2017].

Совершенствование технологий и накопление капитала фигурируют здесь в качестве инструментов для расширения общественного производства, удовлетворяющего и потребности людей, и нужды экономики. «Научные знания сами по себе не представляют силы, которая разовьет общество и повлияет на развитие экономики, только совместное творчество образования, культуры, нравственных ценностей человека сможет улучшить жизнь общества и повысить качество экономического роста» [Селищева, Кан 2015, 5]. Гуманистический подход выступает необходимым условием для успешного решения социальных проблем и преодоления социально-экономических противоречий. В частности, те страны, которые, будучи капиталистическими, поставили во главу угла не только рост прибыли, но и благополучие населения, сумели достичь хороших результатов и в экономике, и в обеспечении качества жизни (примером могут служить Дания, Швейцария, Швеция и некоторые другие страны).

Перечисленные варианты видения будущего развития особенно часто встречаются в научной литературе, но не исчерпывают спектр возможных подходов. С точки зрения устойчивого развития наиболее предпочтительный вариант – гуманистическая экономика, но он же и самый труднореализуемый, так как требует изменения подходов к управлению экономикой в направлении от узкопрагматических до социально эффективных, смены целевых ориентиров – от накопления прибыли к повышению благополучия всех групп общества. В текущих условиях наиболее реальным представляется первый из указанных вариантов в силу продолжающейся активной концентрации капитала во многих развитых и развивающихся странах. С большой вероятностью в условиях глобальной конкуренции основные усилия развитых стран будут сосредоточены на защите интересов собственного капитала, в то время как развивающиеся страны будут следовать принципам догоняющего развития технологий как источника роста производительности экспортоориентированного производства и сделают акцент на социальной политике для стимулирования платежеспособности своего населения.

* * *

1. Анализ научных взглядов на ретроспективу мировой экономики в период активного развития капитализма позволяет утверждать, что критерием многих периодизаций и классификаций является технологический фактор, выступающий источником и стимулом соответствующих экономических, управленческих и социальных преобразований. Технологии, капитал, человек и общество органично включены в теоретические модели экономического развития в качестве базовых элементов.

2. Механизм развития экономики включает в себя циклические колебания и нециклические воздействия, сочетает факторы роста и факторы, сдерживающие рост. В силу технологического прогресса экономика увеличивает потенциал производительности и накапливает ресурсную базу (капитал плюс человеческие ресурсы), что дает стимул для роста производства и уровня доходов на повышательной волне экономического развития. В то же время деструктивные нециклические воздействия на экономику влекут за собой сокращение спроса, производства и, как следствие, снижение темпов развития. Капиталистическая форма хозяйствования накладывает отпечаток на ход циклических и нециклических процессов: с одной стороны, она стимулирует технологический прогресс и эффективность производства, с другой стороны, усугубляет проблемы территориально-отраслевой неравномерности развития и социального неравенства. Конфликты интересов, как внутри стран, так и между ними, тормозят поступательное движение мировой экономики, которая сегодня по-прежнему функционирует в условиях пятого технологического уклада, периодически демонстрируя рецессивную динамику.

3. Существующие взгляды на дальнейшее экономическое развитие можно условно разделить на три направления: продолжение текущих тенденций развития, ускоренное инно-

вационно-технологическое развитие и гуманистическое развитие. Предпочтительный, но и самый труднореализуемый вариант – гуманистическая экономика. Можно предположить, что в ближайшем будущем наиболее реально продолжение современных тенденций, что предполагает, с одной стороны, дальнейшее распространение цифровых технологий и рост капитализации связанных с IT секторов, с другой стороны, сохранение остроты социальных проблем и разнородных конфликтов интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Айвазов А.Э. (2013) Периодическая система мирового капиталистического развития // Кондратьевские волны. № 2. С. 84–123.
- Ayvazov A.E. (2013) Periodicheskaya sistema mirovogo kapitalisticheskogo razvitiya [Periodic System of World Capitalistic Development]. *Kondrat'yevskie volny*. no. 2, pp. 84–123. (In Russ.)
- Акаев А.А., Садовничий В.А. (2016) Замкнутая динамическая модель для описания и расчета длинной волны экономического развития Кондратьева // Вестник Российской академии наук. Т. 86. № 10. С. 883–896.
- Akayev A.A., Sadovnichiy V.A. (2016) Zamknutaya dinamicheskaya model' dlya opisaniya i raschota dlinnoy volny ekonomicheskogo razvitiya Kondrat'yeva [A Closed Dynamic Model to Describe and Calculate the Kondratiev Long Wave of Economic Development]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. vol. 86, no. 10, pp. 883–896. (In Russ.)
- Арриги Дж. (2006) Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени (Пер. с англ.). М.: Территория будущего. 472 с.
- Arrigi G. (2006) Dolgiy dvadtsatyi vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times]. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)
- Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. (2019) История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: URSS. 288 с.
- Badalyan L.G., Krivorotov V.F. (2019) *Istoriya. Krizisy. Perspektivy. Novyi vzglyad na proshloye i budushcheye* [History. Crises. Perspectives. A New Look at the Past and the Future]. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Бодрунов С.Д. (2018) Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Bodrunov S.D. (2018) *Noonomika* [Noonomics]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsia. (In Russ.)
- Бузгалин А.В. (2018) Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономики. № 2. С. 10–38.
- Buzgalin A.V. (2018) Pozdny kapitalizm i yego predely: dialektika proizvoditel'nykh sil i proizvodstvennykh otnosheniy [The Late Capitalism and its Limits: the Dialectics of Productive Forces and Production Relations]. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. no. 2, pp. 10–38. (In Russ.)
- Глазьев С.Ю. (2016) Мировозрастные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. Т. 52. № 2. С. 3–29.
- Glaz'yev S.Yu. (2016) Mirokhozaystvennye układy v global'nom ekonomicheskom razvitii [National Economy Structures in the Global Economic Development]. *Ekonomika i matematicheskiye metody*. vol. 52, no. 2, pp. 3–29. (In Russ.)
- Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубальтер Д.А., Руденский О.В. (2014). NBIC-технологии. Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М. 384 с.
- Kazantsev A.K., Kiselev V.N., Rubvalter D.A., Rudensky O.V. (2014). *NBIC-tekhnologii. Innovatsionnaya tsivilizatsiya XXI veka* [NBIC Technologies. Innovative Civilization of the XXI Century]. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Капелюшников Р.И. (2015) Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. № 5. С. 104–133.

- Kapelyushnikov R.I. (2015) Ideya «vekovoy stagnatsii»: tri versii [The Idea of Secular Stagnation: Three Versions]. *Voprosy ekonomiki*. no. 5, pp. 104–133. (In Russ.)
- Каратани К. (2012) Революция и повторение // Логос. № 2 (86). С. 114–133.
- Karatani K. (2012) Revolyutsiya i povtoreniye [Revolution and Repetition]. *Logos*. no. 2 (86), pp. 114–133. (In Russ.)
- Косакян Н.Л. (2022) Шестой технологический уклад как реальная возможность выхода из кризиса пятого технологического уклада // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 4 (124). С. 5–11.
- Kosakyan N.L. (2022) Shestoy tekhnologicheskij uklad kak real'naya vozmozhnost' vykhoda iz krizisa pyatogo tekhnologicheskogo uklada [Sixth technological setup as a real opportunity for surmounting the crisis of fifth technological setup]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*. no. 2 (4 (124)), pp. 5–11. (In Russ.)
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. (2006) Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М.: Институт экономических стратегий. 1416 с.
- Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. (2006) *Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushcheye* [Civilizations: Theory, History, Dialogue, Future]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategiy. (In Russ.)
- Маркс К. (1959) К критике политической экономии. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 13. С. 7–771.
- Marx K. (1959) *K kritike politicheskoy ekonomii* [Critique of political economy]. Soch., 2-ye izd. Moscow: Politizdat. vol. 13, pp. 7–771. (In Russ.)
- Новиков А.М. (2008) Постиндустриальное образование. М.: Эгвес. 136 с.
- Novikov A.M. (2008) *Postindustrial'noye obrazovaniye* [Post-industrial Education]. Moscow: Egves. (In Russ.)
- Осипов В.А. (2020) Цикличность смены парадигм управления экономикой России в XX веке. Владивосток, Изд-во ВГУЭС. 200 с.
- Osipov V.A. (2020) *Tsiklichnost' smeny paradigm upravleniya ekonomikoy Rossii v XX veke* [Cyclic Change of Russian Economy Governance Paradigms in the XX Century]. Vladivostok, VGUES. (In Russ.)
- Пантин В.И. (2008) Первая половина XXI века: «эпоха турбулентности» в мировом развитии // История и современность. № 2. С. 3–9.
- Pantin V.I. (2008) Pervaya polovina XXI veka: «epokha turbulentnosti» v mirovom razvitii [The First Half of the XXI Century: The «Era of Turbulence» in the World Development]. *Istoriya i sovremennost'*. no. 2, pp. 3–9. (In Russ.)
- Селищева Т.А., Кан Е.Н. (2015) Информация как нематериальный фактор экономического роста // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. № 2. С. 1–8.
- Selishcheva T.A., Kan Ye.N. (2015) Informatsiya kak nematerial'nyi faktor ekonomicheskogo rosta [Information as non-material factor of economic growth]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*. no. 2, pp. 1–8. (In Russ.)
- Федоренко Н.П. (2006) Гуманистическая экономика. М.: Экономика. 188 с.
- Fedorenko N.P. (2006) *Gumanisticheskaya ekonomika* [Humanistic economics]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Форд М. (2016) Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина-нон-фикшн. 430 с.
- Ford M. (2016) *Roboty nastupayut: Razvitiye tekhnologiy i budushcheye bez raboty* [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow: Al'pinanon-fikshn. (In Russ.)
- Фукуяма Ф. (2005) Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак. 588 с.
- Fukuyama F. (2005) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: Yermak. (In Russ.)
- Хайнс Э. (2019) Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. Т. 13. № 1. С. 19–30.

- Hines A. (2019). Kak podgotovit'sya k «bezrobotnomu» budushchemu [Getting Ready for a Post-work Future]. *Forsayt*. no. 13 (1), pp. 19–30. (In Russ.)
- Хубиев К.А. (2023) Россия в координатах новой реальности (ненормальности) // Вопросы политической экономии. № 3. С. 102–115.
- Khubiyev K.A. (2023) Rossiya v koordinatakh novoy real'nosti (nenormal'nosti) [Russia in the coordinates of a new reality (abnormality)]. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. no. 3. pp. 102–115. (In Russ.)
- Berlinski E., Morales J., Sponem S. (2024) Artificial imaginaries: Generative AIs as an advanced form of capitalism. *Critical Perspectives on Accounting*, 99, 102723.
- Cammack P. (2017) The UNDP, the World Bank and human development through the world market. *Development Policy Review*, 35 (1), 3–21.
- Hirooka M. (2006) *Innovation dynamism and economic growth. A nonlinear perspective*. Cheltenham, UK; North Hampton, MA, USA: Edward Elgar.
- Kondratiev N.D. (1935) The long waves in economic life. *Review of Economics and Statistics*, 17 (7), 105–115.
- Kurzweil R. (1999) *The age of spiritual machines: when computers exceed human intelligence*. NY: Viking Press.
- Mensch G. (1979) *Stalemate in technology: innovations overcome the depression*. Cambridge, Massachusetts, 1979.
- North D.C. (2010) *Understanding the Process of Economic*. Princeton, NJ: Change Princeton University Press.
- Perez C. (2002) *Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and golden ages*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Schumacher E.F. (1973) *Small Is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered*. London: Vintage.
- Schumpeter J.A. (1934) *Theory of economic development*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Sen A.K. (2013) The ends and means of sustainability. *Journal of Human Development and Capabilities*, no. 14 (1), pp. 6–20.

Информация об авторе

Красова Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Институт международного бизнеса, экономики и управления Владивостокского государственного университета. Адрес: 690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41. E-mail: elena_krasova@rambler.ru

About the author

Elena V. Krasova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Institute of International Business, Economics and Management, Vladivostok State University. Address: 690014, 41, Gogol St., Vladivostok, Russia. Email: elena_krasova@rambler.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.09.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 09.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА THE CLIMATE AGENDA

Оригинальная статья / Original article

Климатическая повестка дня как долгосрочный приоритет России

© О.Н. БАБУРИНА, Г.В. КУЗНЕЦОВА, Г.В. ПОДБИРАЛИНА

Бабурина Ольга Николаевна, ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова» (Новороссийск, Россия), olgababurina@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1618-0483

Кузнецова Галина Владимировна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Россия), gkuznet3@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5370-9732

Подбиралина Галина Викторовна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Россия), galvp@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1281-0508

Низкоуглеродное развитие и адаптация к изменениям климата становится одним из центральных трендов в долгосрочной экологической стратегии России. Обосновано, что изменения в российском законодательстве подтверждают неизменность курса страны на участие в мировой климатической повестке и поиск новых возможностей для экономического роста. Разработаны предложения, которые позволят сохранить зеленую повестку в российской экономике. В частности, предложено внедрять новые формы международного сотрудничества, подключаться к Зеленой коалиции нового шелкового пути, активизировать участие бизнеса в этой сфере и др.

Ключевые слова: климатические изменения, Россия, Цели устойчивого развития, зеленая экономика

Цитирование: Бабурина О.Н., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В. (2024) Климатическая повестка дня как долгосрочный приоритет России // Общественные науки и современность. № 3. С. 36–49. DOI: 10.31857/S0869049924030039, EDN: WJKNCF

The Climate Agenda as a Long-term Priority for Russia

© O. BABURINA, G. KUZNETSOVA, G. PODBIRALINA

Olga N. Baburina, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk, Russia), olgababurina@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1618-0483

Galina V. Kuznetsova, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), gkuznet3@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5370-9732

Galina V. Podbiralina, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), galvp@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1281-0508

Abstract. The importance and urgency of low-carbon development and adaptation to climate change are becoming one of the central trends in long-term environmental strategy of Russia. It is concluded that the changes taking place in Russian legislation are confirming the country's unchanged course to participate in the global climate agenda and search for new opportunities for economic growth (including sustainable development and the green economy). Proposals have been developed to mitigate threats to the implementation of the green agenda in the Russian economy. In particular, it is proposed to introduce new forms of international cooperation, such as active involvement in the Green Coalition of the New Silk Road, as well as increased participation of business in this and other areas.

Keywords: climate change, Russia, Sustainable Development Goals, green economy

Citation: Baburina O.N., Kuznetsova G.V., Podbiralina G.V. (2024) The Climate Agenda as a Long-term Priority for Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 36–49. DOI: 10.31857/S0869049924030039, EDN: WJKNCF (In Russ.)

Мировая неустойчивость, локальные и глобальные кризисы ныне разворачиваются на фоне непрекращающихся попыток международного сообщества выработать меры противодействия возникающим рискам. Важным шагом в этом направлении стали Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ГА ООН) в 2015 г. Среди приоритетов – противодействие глобальному потеплению путем устранения причин антропогенного характера. Этот курс был окончательно закреплён в Парижском соглашении по климату в 2015 г.

Несмотря на данные меры, мировое сообщество не добилось значительных успехов в адаптации к глобальным климатическим вызовам и рискам природных бедствий, что «во многом обусловлено и недостатками формирующейся системы ответных действий на международном, национальном и местном уровнях» [Никитина, Пожилова 2023]. Особенно остро климатические изменения проявляются в Арктике. Решение этой проблемы требует активного сотрудничества циркумполярных государств, которые входят в Арктический совет [Никитина, Пожилова 2022].

Новым шагом в данном направлении стал прошедший в ноябре 2023 г. климатический саммит COP (Conference of the Parties), на котором развитые и развивающиеся страны подтвердили свою приверженность добиться к середине XXI в. «углеродной нейтральности» с помощью ужесточения условий национальных климатических целей. В первую очередь речь идет об отходе от использования углеродного топлива и переходе к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ).

Данную тему весьма чувствительно воспринимают в России ввиду ее статуса «энергетической державы»: в основе экономического процветания страны лежит именно

добыча ископаемого топлива. Вместе с тем для России сейчас важно принимать скорейшие меры по борьбе с выбросами и переходу на принципы зеленой экономики. Россия ответственна за 4,8% выбросов парниковых газов, занимая пятое место в мире по этому показателю после Китая (29,2% всех выбросов в мире в 2022 г.), США (11,2%), Индии (7,3%) и ЕС-27 (6,7%) (рис. 1) [Crippa, Guizzardi et al. 2023, 4–5]. В рейтинге Green Future Index (т.н. Индекс зеленого будущего) Массачусетского технологического института, который фиксирует достижения стран в исполнении климатической повестки, Россия в 2023 г. заняла 70-е место. Данный показатель гораздо ниже, чем у других стран БРИКС: Бразилия занимает 38-ю позицию, Индия – 50-ю, Китай – 27-ю, ЮАР – 25-ю¹. Очевидно, что Россия в этой области отстает от очень многих стран мира, в том числе и от партнеров по БРИКС.

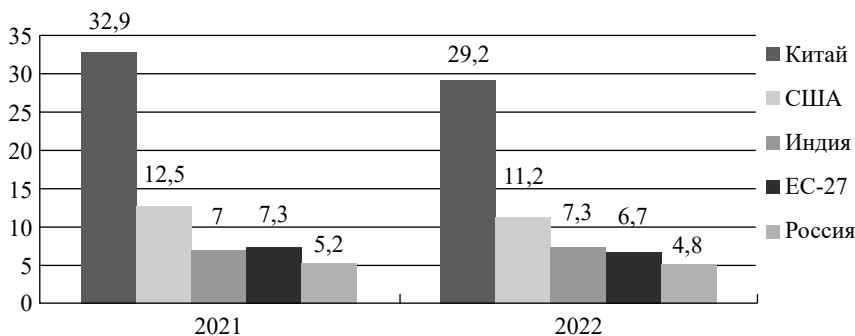

Рисунок 1. Страны-лидеры по выбросам CO₂, 2021–2022 гг., %

Figure 1. Leading countries in CO₂ emissions, 2021–2022, %

Источник: составлено по [Crippa, Guizzardi et al. 2022–2023, 4–5].

Source: compiled from [Crippa, Guizzardi et al. 2022–2023, 4–5].

В то же время температура в России повышается в 1,7 раза быстрее, чем в мире в целом: на 0,49 градуса по Цельсию за 10 лет. С 1981 г. каждое десятилетие в России было теплее предыдущего, а из 10-и самых теплых 9 лет пришлось на XXI в. Самыми высокими темпами разворачивается потепление в Арктике: на 0,71 градус по Цельсию за десять лет². Такого рода вызовы заставляют государство и бизнес более ответственно относиться к окружающей среде.

Основная цель исследования – определить приоритеты Российской Федерации в области климатической повестки дня, а также рассмотреть возможные направления экономического развития страны, которые будут сочетать в себе инструменты традиционной экономики и альтернативные пути развития без вреда для окружающей среды.

¹ Green Future Index 2023. MIT Technology Review. (<https://www.technologyreview.com/2023/04/05/1070581/the-green-future-index-2023>).

² Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. СПб.: Наукоемкие технологии. 2022. 124 с. (https://www.meteorf.gov.ru/upload/pdf_download/compressed.pdf?ysclid=lj1orr5gss538299884).

Материалы и методы

Процесс исследования обусловлен характеристикой политики и экономики России. С одной стороны, она обладает огромным пластом проектов и стратегий по достижению зеленого роста, которые отвечают запросам времени. С другой, в России устоялась ресурсоориентированная модель экономики, а также существует комплекс проблем, которые формируют барьер в противостоянии современным вызовам и угрозам.

Методологической и теоретической основой исследования стали комплексный и системный подходы, методы сравнительного и ситуационного анализа и синтеза, аналитической группировки, графические методы, группировки и обобщения, экспертные оценки.

Теоретические разработки основаны на научных исследованиях в области мировой экономики и экономики РФ, внешнеэкономического сотрудничества по вопросам зеленого курса и его адаптации к императивам климатической нейтральности, проблемам углеродного регулирования, декарбонизации экономики и пр. [Никитина, Пожилова 2022; Ланьшина, Логинова, Стоянов 2021; Рогинко 2021, 2023 и др.]

Результаты

Учитывая важность и остроту глобальной экологической проблемы, Россия уже в 90-е гг. XX в. начала интегрироваться в международную климатическую повестку. В первую очередь был подписан ряд международных соглашений, среди которых можно выделить Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК)³, Киотский протокол⁴, Парижское соглашение по климату⁵ и другие международные договоры по климату.

Например, Россия принимала участие в неформальной коалиции членов «Группы-20» – «Зонтичной группе»⁶. В настоящее время в ней участвуют Австралия, Канада, Исландия, Израиль, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Украина и США. В 2023 г. к коалиции присоединилась Великобритания. После февраля 2022 г. большинство стран-участниц Зонтичной группы отказались координировать свои действия с Россией в вопросах по снижению выбросов парниковых газов и климатической повестке в целом. В ответ Россия вышла из коалиции, что лишило ее возможности участвовать в постоянном консультационном формате на площадке РКИК.

Тем не менее, в настоящее время Россия расширяет сотрудничество в области климата с другими странами, среди которых государства Персидского залива, БРИКС и ШОС. Однако данные страны разнятся по уровню своей приверженности зеленой повестке, о чем свидетельствует сравнение показателей на примере стран БРИКС (табл. 1). Россия по уровню энергоемкости производства и объемам выбросов CO₂ не относится к катего-

³ Российская Федерация подписала РКИК 12 июня 1992 г., Федеральный Закон о ратификации РКИК подписан Президентом Российской Федерации 4 ноября 1994 г. Федеральный закон «О ратификации рамочной Конвенции ООН об изменении климата» от 04.11.1994 № 34-ФЗ (последняя редакция). Консультант плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15721/).

⁴ Россия подписала Киотский протокол 11 марта 1999 г.

⁵ Подписано 22 апреля 2016 г.

⁶ Зонтичная группа была создана после Третьей Конференции Сторон (Киото, 1997 г.) по инициативе Российской Федерации в качестве противовеса Европейскому союзу. Источник: см., например, Климатическая сеть Кыргызстана (КСК). (<https://infoik.net.kg/index.php/item/82-segodnya-5-dekabrya-v-ramkakh-cop18-cmp8-otkrylsya-segment-vysokogo-urovnya?date=2004-7-1>).

рии благополучных стран. В среднем по миру эти показатели составляют 4,7 МДж/ВВП по ППС и 8,2 т соответственно. Одновременно в России практически отсутствуют инвестиции в зеленую экономику на фоне вполне ощутимых вложений в Китае и даже Индии и Бразилии. По данным Росстата, инвестиции в природоохранные мероприятия составляют не более 1% от инвестиций в основной капитал⁷.

Таблица 1

Отдельные показатели развития зеленой экономики и планы достижения углеродной нейтральности стран БРИКС

Table 1

Selected indicators of green economy development and plans to achieve hydrocarbon neutrality of the BRICS countries

Страна	ВВП по ППС, трлн долл.	Энергоемкость экономики МДж/ВВП по ППС	Выбросы CO ₂ на душу населения, т	Срок достижения углеродной нейтральности, год	Инвестиции в зеленую экономику, млрд долл.
Бразилия	3,43	3,93	2,3	2050	12
Россия	4,81	8,10	8,4	2060	–
Индия	10,19	4,28	1,5	2070	14
Китай	27,31	6,31	8,4	2060	266
ЮАР	0,87	8,03	6,5	2050	–

Источник: цитируется по [Чиркин 2023, 113–124].
Source: quoted from [Chirkin 2023, 113–124].

Таким образом, чтобы сотрудничество имело положительные результаты, России и другим запаздывающим странам необходимо перестраивать экономическую модель развития и гармонизировать собственные климатические повестки с лучшими зарубежными практиками.

Россия может улучшить ситуацию с зеленой повесткой, активно участвуя в Международной коалиции зеленого развития (International Green Development Coalition, BRIGC). Ее инициировал Китай в 2019 г. в рамках проекта «Пояс и Путь» (BRI). Во-первых, в настоящее время Россия не участвует во многих подобных коалициях. Во-вторых, BRIGC становится основной платформой международного сотрудничества в области зеленого развития, усиливая потенциал экологического управления в странах-участницах коалиции и содействуя выполнению Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. (ЦУР). Исходя из целей BRIGC, заинтересованные стороны (это относится и к России) могут максимизировать свои усилия по зеленому развитию в рамках коалиции⁸.

⁷ Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в 2020 году. Федеральная служба государственной статистики. (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRseY8Jp/inv_osn2020.pdf).

⁸ Roundtable on BRI Green Development and the General Assembly of BRI International Green Development Coalition Held in Beijing. BRI International Green Development Coalition. 2023-05-31. (http://en.brigc.net/Pictures/202305/t20230531_132377.html).

В настоящее время климатическая повестка выступает приоритетным направлением в экономическом развитии России. Как отмечается в ряде исследований, «определенная нормативно-правовая база для развития страны в рамках климатической повестки дня и формата ответственного инвестирования в России имеется» [Baburina, Kuznetsova et al. 2023]. С 2002 г. в стране действует Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁹, в котором зафиксирована обязанность субъектов экономической деятельности платить за выбросы загрязняющих веществ и хранение отходов производства, а также подтверждены намерения государства поддерживать инициативы в области охраны окружающей среды.

В последующие годы был принят ряд других нормативных документов. Среди них можно выделить Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»¹⁰, а также Восьмое национальное сообщение Российской Федерации, представленное в соответствии со статьями 4 и 12 Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и статьей 7 Киотского протокола¹¹. Данные документы отражают приверженность страны положениям Парижского соглашения и ЦУР. В первую очередь речь идет о вопросах поддержания экологического равновесия, снижения выбросов загрязняющих веществ, парниковых газов и энергосбережения. Также выделены зеленые проекты в качестве приоритетных объектов для инвестиций.

Следует отметить и законы № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»¹² и № 34-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов в отдельных регионах РФ»¹³, изданные в 2021–2022 гг. Они установили целевые показатели сокращения выбросов в основных отраслях экономики, включая нефтегазовую. Также действует Закон № 89-ФЗ от 24.06.1998 г. «Об отходах производства и потребления» (последняя редакция в 2023 г.), который ввел понятия «вторичные ресурсы» и «вторичное сырье», а также установил нормативы обращения с вторичными ресурсами и запрет на их захоронение. Постановление Правительства РФ № 1587 (ред. от 11.03.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» определило порядок выпуска зеленых облигаций [Соколова, Лукьянчук 2023, 517–529]. Банк России может способствовать работе на данном направлении, внедрив показатель углеродной нейтральности в денежно-кредитную политику, а также предоставив преимущества инвесторам в зеленые облигации [Данилов 2022, 18].

В данном исследовании перечислена небольшая часть законодательных документов, которые формируют основу нормативно-правовой базы по охране окружающей среды

⁹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=ij1twlwamo954635250).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации». Консультант плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/).

¹¹ Восьмое национальное сообщение Российской Федерации, представленное в соответствии со статьями 4 и 12 Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и статьей 7 Киотского протокола. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Москва. 2022 г. (https://unfccc.int/sites/default/files/resource/NC-8_BR-5_rus.pdf).

¹² Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 № 296-ФЗ (последняя редакция). Консультант плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/).

¹³ Федеральный закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» от 06.03.2022 № 34-ФЗ (последняя редакция). Консультант плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411051/).

и развития ESG-инвестирования в России. Особо следует выделить Стратегию социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.¹⁴, Стратегию экологической безопасности РФ на период до 2025 г.¹⁵, Энергетическую стратегию на период до 2035 г.¹⁶. В 2022 г. было принято 28 документов, связанных с охраной окружающей среды и декарбонизацией. Начатый в 2019 г. национальный проект «Экология» (2019–2024 гг.) включает в себя 10 федеральных проектов. Общая цель перечисленных документов – достичь углеродной нейтральности при устойчивом росте экономики¹⁷.

Обновленная Климатическая доктрина РФ, которая должна сменить аналогичный документ 2009 г., была утверждена 26 октября 2023 г. Она признает антропогенное влияние на изменение климата и констатирует, что меры реагирования на неблагоприятные климатические изменения государств и мирового сообщества недостаточно эффективны. Климатическая доктрина указывает, что необходимо адаптироваться к этим изменениям и принимать меры по смягчению воздействия человека на природу. Доктрина была принята в преддверии очередного раунда COP28 в Дубае, она впервые ставит перед Россией цель достичь углеродной нейтральности (равновесие выбросов и поглощений CO₂) к 2060 г.¹⁸.

Итоговый документ Международного климатического саммита ООН COP28, который прошел в ноябре-декабре 2023 г. в Дубае, утвердил постепенный переход от ископаемого топлива к альтернативным источникам энергии и важную роль «переходного» ископаемого топлива – природного газа. Страны-участницы приняли на себя обязательства троекратно увеличить объем возобновляемой энергии и вдвое ускорить среднегодовые темпы повышения энергоэффективности к 2030 г.¹⁹ Впервые за 28 лет международных переговоров большинство стран мира согласилось на переход от ископаемого топлива (как главного фактора изменения климата) к возобновляемым источникам энергии. Следующая Конференция ООН по климату пройдет в ноябре 2024 г. в Баку.

По состоянию на 2023 г. в России принято 53 документа, которые относятся к климатической повестке дня и декарбонизации; 30 документов – к теме зеленой экономики и ESG принципов; 16 документов – по устойчивому развитию и ответственному инвестированию²⁰. Согласно оценкам ВЭБ РФ, рынок зеленого финансирования в России в ближайшие годы должен был возрасти до 600 млрд руб.²¹

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/).

¹⁵ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/).

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р (ред. от 28.02.2024) «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/).

¹⁷ Национальный проект «Экология». Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. (https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/natsionalnyy-proekt-ekologiya/).

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460556/); Чугунов А. Углеродно нейтральное действие. Коммерсантъ. 30.10.2023. (<https://www.kommersant.ru/doc/6310338>).

¹⁹ COP28: Key outcomes agreed at the UN climate talks in Dubai. CarbonBrief. 13 December 2023. (<https://www.carbonbrief.org/cop28-key-outcomes-agreed-at-the-un-climate-talks-in-dubai/>).

²⁰ ИНФРАГРИН. Ежегодный доклад ESG: декарбонизация и зеленые финансы России 2022. Экспертное агентство «Открытые коммуникации». 2023. (https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_Russia_2023.pdf).

²¹ В ВЭБ.РФ ожидают роста рынка «зеленых» облигаций в РФ в ближайшие годы до 600 млрд рублей. ТАСС. 27 апреля 2021. (<https://tass.ru/ekonomika/11250487>).

Вместе с тем совершенствование нормативной базы не повлияло на рост внимания бизнеса к этой области. Согласно исследованию компании ИНФРАГРИН, инвестиции в зеленую экономику неустойчивы и не показывают существенного роста (в 2020 г. они составили 152 млрд руб. (рис. 2), что соответствует 1% общего объема инвестиций в основной капитал и 0,2% от ВВП).

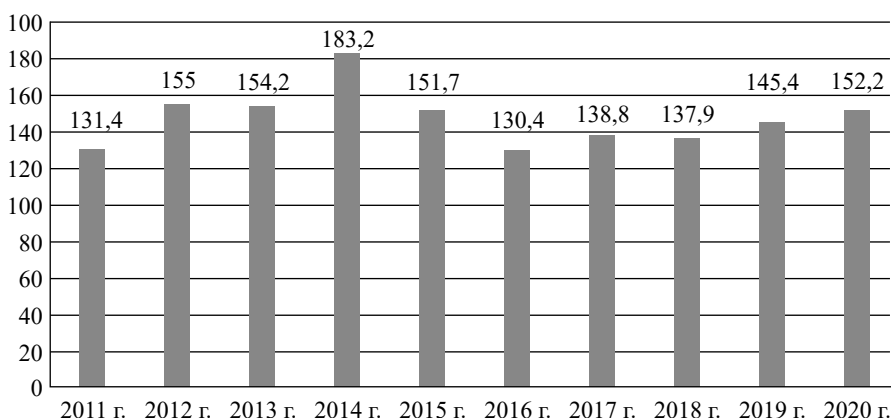

Рисунок 2. Динамика зеленых инвестиций, 2011-2020 гг., млрд руб.

Figure 2. Dynamics of green investments, 2011-2020, billion rubles.

Источник: составлено по ИНФРАГРИН: Ежегодный доклад ESG, декарбонизация и зеленые финансы России 2022. Экспертное агентство «Открытые коммуникации». 2023. (https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_Russia_2023.pdf).

Source: compiled from INFRAGRIN. Annual Report: ESG, Decarbonization and Green Finance of Russia 2022. Expert Agency "Open Communications". 2023. (https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_Russia_2023.pdf).

Такая ситуация вполне объяснима: в силу высокой значимости топливно-сырьевой составляющей в экономической структуре страны невозможно соответствовать амбициозным целям глобальной декарбонизации. Кроме того, перспектива введения углеродного налога на импорт сырьевых и химических товаров в ЕС привела к тому, что ряд представителей органов власти и бизнеса стали воспринимать политику устойчивого развития и климатическую повестку дня не как системный риск, а как навязанный, недружественный и чужеродный концепт²².

Данная проблема перекликается с отсутствием объективного восприятия климатической повестки обществом²³. События февраля 2022 г. вытеснили ее из числа приоритетов отечественного бизнеса. Согласно исследованию агентства «Михайлов и партнеры», из 17 тыс. респондентов 40% заявили о снижении своего бюджета на цели устойчивого развития в 2022 г. 50% компаний из опрошенных разработали ключевые документы в области

²² ИНФРАГРИН. Ежегодный доклад ESG, декарбонизация и зеленые финансы России 2022. Экспертное агентство «Открытые коммуникации». 2023. (https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_Russia_2023.pdf).

²³ Николаев Н. Новая мировая климатическая повестка как способ сдерживания России. Парламентская газета. 21.05.2021. (<https://www.pnp.ru/social/novaya-mirovaya-klimaticheskaya-povestka-kak-sposob-sderzhivaniya-rossii.html>).

устойчивого развития, и только треть из них приняла конкретные целевые показатели. Компании, которые собирались подготовить такие документы в 2023–2024 гг., отложили эту работу на два года²⁴. Вместе с тем многие предприятия к 2023 г. стали активнее внедрять принципы устойчивого развития, объясняя это тем, что в изменившихся условиях следует использовать все возможные инструменты, чтобы усиливать свои позиции на доступных для российского бизнеса внешних рынках. Согласно оценкам экспертов, рынок обращающихся ESG-облигаций может возрасти до 385 млрд руб.

Нельзя отрицать, что на политику «озеленения» отечественной экономики отрицательное воздействие оказывают западные санкции. До 2022 г. разрабатывалось несколько важных проектов с участием иностранного капитала в области металлургии и энергетики на базе возобновляемых источников, а также в других областях. Они позволили бы России совершить существенный прорыв в выполнении задач климатической повестки и добиться мирового лидерства по некоторым направлениям. Примером такого проекта было совместное производство французской компанией Air Liquide и Росатомом «голубого водорода» методом паровой конверсии метана с улавливанием CO₂. Предполагалось, что к 2030 г. уровень ежегодного производства составит 100 тыс. т²⁵. Также можно привести пример компании IKEA, которая вложила в РФ 272 млн долл. США в строительство электростанций на базе солнечной энергии мощностью 160 МВт. В России 14 гипермаркетов IKEA работали от солнечных батарей, ТЦ «Мега», а также дистрибуционное подразделение IKEA в России полностью перешли на возобновляемую энергию, что давало отечественному бизнесу своего рода сигнал о необходимости и экономической целесообразности перехода на новые технологии. С 2022 г. многие иностранные компании уходят с российского рынка, выводят технологии и капиталы, прекращают проекты. Так, Liquide приостановила все инвестиции; Shell, Chevron, ExxonMobil, BP и Equinor ввели запрет на инвестиции в энергетический сектор России, отказались от предыдущих проектов [Экономическая политика России... 2023, 128–133].

Как отмечают эксперты, несмотря на то что произошедшие события существенно ограничили декарбонизацию России, российские компании сократили бюджеты на 22%, однако они сохранили долгосрочные цели по снижению выбросов. Возрастает количество проектов в сфере возобновляемых источников энергии (более 60% новых генерирующих мощностей приходится на солнечную и ветровую энергию). Особое внимание уделяется возможностям развития водородной отрасли как одного из ключевых направлений декарбонизации промышленности и энергетики [Родыгина, Мусихин, Сотников 2023, 73–87]. Российский спрос на водородное топливо к 2030 г. составит около 200 тыс. т в год, что говорит о намерениях продвигать водород как один из наиболее экологически чистых видов топлива [Линник, Фалыхова 2023, 33–39]. Кроме того, в Энергетической стратегии поставлена цель нарастить экспорт водорода до 2 млн т к 2035 г. Здесь важно следовать рациональной стратегии декарбонизации экономики: низкоуглеродное развитие следует рассматривать в совокупности с инвестиционной политикой и политикой обеспечения технологического суверенитета²⁶.

²⁴ Катасонова Ю. Галиева Г. Будущее рынка устойчивого финансирования: шок прошел – вернулись к росту. Эксперт. 12.04.2023. (https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_2023/).

²⁵ «Росатом» запланировал начать производство водорода к 2024 году. Интерфакс. 2 сентября 2021. (<https://www.interfax.ru/business/788085>).

²⁶ ИНФРАГРИН. Ежегодный доклад ESG, декарбонизация и зеленые финансы России 2022. Экспертное агентство «Открытые коммуникации». 2023. (https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_Russia_2023.pdf).

Анализируя климатические обязательства России, нельзя не коснуться аналогичных документов в США. С приходом к власти президента Дж. Байдена в США резко возросла активность по подписанию исполнительных указов, касающихся климатической повестки. 19 февраля 2021 г. Соединенные Штаты официально стали полноправным членом Парижского климатического соглашения. Процедура вступления в договор заняла всего один месяц, в то время как выход – три года. Дж. Байден назвал изменение климата «экзистенциальной угрозой», а также провозгласил «общегосударственный подход к тому, чтобы поставить изменение климата в центр внутренней, национальной безопасности и внешней политики». Высказывается мнение, что такое рвение к экологическим обязательствам вызвано экономическим подъемом Китая и России: «климатическая повестка – прекрасный инструмент разорения оппонентов, к тому же подкрепленный неким подобием глобального консенсуса, скрепленного Парижским соглашением, из которого, как отмечалось, гораздо сложнее выйти, чем в него войти» [Рогинко 2021]. Однако следует отметить, что «попытка США поставить климатическую повестку во главу угла внутренней и внешней политики США пока не привела к значимым практическим результатам» [Рогинко 2023].

Обсуждение

Вопросы перехода к зеленой экономике и достижения углеродной (климатической) нейтральности становятся центральной стратегической задачей наиболее передовых государств мира. Они также вызывают интерес у аналитиков и экспертов, которые ищут и пытаются обосновать новую парадигму экономического развития в рамках концепции ЦУР на базе зеленого перехода.

Помимо требований к промышленности по масштабной декарбонизации, эксперты обращают внимание на необходимость шире внедрять принципы циклической экономики, в том числе за счет роста объемов переработки отходов и производства на их базе электроэнергии и тепла. Другой важный объект дискуссии – трансформация сельского хозяйства как важного источника выбросов CO₂ в атмосферу и загрязнения почвы. Отдельное внимание эксперты уделяют вопросам развития низкоуглеродных технологий и внедрению инноваций [Ланьшина, Логинов, Стоянов 2023, 98–125]. Тема практического воплощения зеленого курса экономики и адаптации ее отдельных сфер к императивам климатической нейтральности широко отражена в различных публикациях, что формирует вокруг нее значительный информационный шум.

Вместе с тем много споров и расхождений в оценке вызывает Климатическая доктрина России. С одной стороны, эксперты констатируют наличие прогресса, с другой – отмечают неочевидность избранных приоритетов. Одни полагают, что углеродная нейтральность – служебная цель, необходимая для борьбы с изменениями климата, а упомянутая в доктрине «технологическая нейтральность» позволяет учитывать спорные с точки зрения экологии атомную и гидроэнергетику при оценке достижений РФ. Однако самые большие сомнения возникают в вопросе о том, повлечет ли документ за собой реальные климатические действия. В частности отмечается, что амбициозная задача производства и даже экспорта в больших объемах водорода затушевывает тот факт, что речь идет главным образом о водороде, который производят из ископаемого топлива или за счет электроэнергии АЭС. В мире же сейчас основное внимание уделяется развитию зеленого водорода, производимого путем электролиза воды с использованием электроэнергии ВИЭ²⁷.

²⁷ Чугунов А. Углеродно нейтральное действие. Коммерсантъ. 30.10.2023. (<https://www.kommersant.ru/doc/6310338>).

Критике подвергается и весьма незначительный прогресс России в области солнечной и ветряной энергии. Отмечается, что сфера зеленого строительства находится в начальной стадии. Успехи в электрификации автотранспорта существенны только в Москве, в то время как подавляющее большинство городов России не может себе это позволить в силу недостатка финансирования²⁸.

Выводы и рекомендации

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. Важно продолжать развивать климатическую повестку дня и не прекращать инициировать международное сотрудничество в этой области. Целесообразно также активнее подключиться к Международной коалиции зеленого развития (BRIGC). Такой подход позволит РФ сосредоточиться на приоритетных аспектах климатической политики. Кроме того, появится доступ как к наиболее актуальной информации о деятельности потенциальных партнеров и ближайших конкурентов, так и как дополнительным ресурсам.

Следует активизировать международное сотрудничество в области совместных проектов в климатической сфере и по развитию чистых технологий. Некоторые конкретные предложения в этой области уже начинают появляться. Так, Деловой совет предпринимателей Россия-Бразилия предложил создать общую карбоновую биржу для торговли квотами. С учетом того, что две страны обладают третью всех лесов в мире (главным элементом поглощения углерода из атмосферы), подобный проект мог бы иметь не только политическую и социальную значимость, но и коммерческий успех. Он определенно отвечал бы современным запросам общества²⁹.

Что касается государственных органов РФ, то им следует продолжать совершенствовать законодательство в области противодействия климатическим изменениям и придавать ему большую практическую направленность, поскольку положения многих нормативных актов носят преимущественно общий характер. Данная особенность позволяет как бизнесу, так и государственным органам обходить многие требования.

Бизнесу следует активизировать работу по адаптации своей деятельности к принципам устойчивого развития. В условиях сокращения ресурсов (в т.ч. финансовых и человеческих) и осложнения условий для внешнеэкономической деятельности следование ЦУР становится важным преимуществом в конкурентной борьбе за рынки и ресурсы. В частности, это особенно актуально на рынке морских перевозок. На долю морского транспорта приходится около 90% мировой торговли. Международная морская организация (ИМО) выдвинула жесткие требования по снижению выбросов парниковых газов для морских судов, что позволит снизить загрязнение окружающей среды. Данную задачу решают, повышая энергоэффективность судов, внедряя новые технологии и применяя топливо с низким или нулевым содержанием углерода [Бабурина и др. 2022].

В целом необходимо активизировать внедрение зеленых технологий во все сферы экономической и социальной жизни страны. Среди них – зеленый водород, зеленое строительство, экологичный автотранспорт, элементы циклической экономики, ВИЭ и др. направления, которые соответствуют запросам общества и трендам развития четвертой промышленной революции.

²⁸ Смертина П., Никитина О. Батареи заряжат от бюджета. Коммерсантъ. 20.02.2023. (<https://www.kommersant.ru/doc/5839457>).

²⁹ Россия и Бразилия могут создать совместную карбоновую биржу. Химия и бизнес. 07.12.2023. (<https://chem-bus.ru/blog/2022/02/18/rossiya-i-braziliya-mogut-sozdat-sovmestnuyu-karbonovuyu-birzhu/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабурина О.Н., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В., Хекерт Е.В. (2022) Мировая торговля и международные морские перевозки в условиях новых геоэкономических рисков // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 50–66. <https://doi.org/10.31857/S0869049922030042>
- Baburina O.N., Kuznetsova G.V., Podbiralina G.V., Khekert Ye.V. (2022) *Mirovaya trgovlya i razvitiye morskikh perevozok v usloviyakh novykh geoeconomicheskikh riskov* [World Trade and International Maritime Transportation under New Geo-Economic Risks]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 50–66. <https://doi.org/10.31857/S0869049922030042> (In Russ.)
- Данилов Ю.А. (2022) Коалиции за устойчивые финансы и устойчивое развитие // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.31857/S0869049922010038>
- Danilov YU.A. (2022) *Koalitsii za ustoychivyye finansy i ustoychivoye razvitiye* [Coalitions for Sustainable Finance and Sustainable Development]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 7–21. <https://doi.org/10.31857/S0869049922010038> (In Russ.)
- Ланьшина Т.А., Логинова А.Д., Стоянов Д.Е. (2021) Переход крупнейших экономик мира к углеродной нейтральности: сферы потенциального сотрудничества с Россией // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 16. № 4. С. 98–125. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-04-05>
- Lan'shina T.A., Loginova A.D., Stoyanov D.Ye. (2021) *Perekhod vedushchikh ekonomik mira k uglerodnoy neytral'nosti: sfera garantirovannogo sotrudnichestva so stranami Evropy* [Transition of the World's Largest Economies to Carbon Neutrality: Areas of Potential Cooperation with Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. vol. 16, no. 4, pp. 98–125. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-04-05> (In Russ.)
- Линник Ю.Н., Фаляхова Е.Д. (2023) Водородная энергетика и перспективы ее развития // *Вестник университета*. № 4. С. 33–39. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-33-39>
- Linnik Ju.N., Faljahova E.D. (2023) *Vodorodnaya jenergetika i perspektivy ee razvitiya* [Hydrogen Energy and Prospects for Its Development]. *Vestnik universiteta*. no. 4, pp. 33–39. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-33-39> (In Russ.)
- Никитина Е.Н., Пожилова Н.А. (2023) Последствия изменения климата: адаптационное управление для снижения глобальных рисков // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 48–59. <https://doi.org/10.31857/S0869049923060047>
- Nikitina Ye.N., Pozhilova N.A. (2023) *Posledstviya izmeneniya klimata: adaptatsionnoye upravleniye dlya snizheniya global'nykh riskov* [Climate Change Impacts: Adaptive Management to Reduce Global Risks]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 48–59. <https://doi.org/10.31857/S0869049923060047> (In Russ.)
- Никитина Е.Н., Пожилова Н.А. (2022) Управление устойчивым развитием в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 10. С. 93–101. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-93-101>
- Nikitina Ye.N., Pozhilova N.A. (2022) *Upravleniye ustoychivym razvitiyem v Arktike* [Sustainable Development Management in the Arctic]. *Mirovaya ekonomika i razvitiye otnosheniy*. vol. 66, no. 10, pp. 93–101. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-93-101> (In Russ.)
- Соколова А.А., Лукьянчук Ю.В. (2023) Развитие ESG-инвестирования в России и в мире // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. Т. 13. № 3А. С. 517–529. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.59.76.084>
- Sokolova A.A., Luk'janchuk Ju.V. (2023) *Razvitie ESG-investirovaniya v Rossii i v mire* [Development of ESG Investment in Russia and Globally]. *Ekonomika: vchera, segodnja, zavtra*. vol. 13, no. 3A, pp. 517–529. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.59.76.084> (In Russ.)
- Рогинко С.А. (2021) Климатический поворот США: цели и средства // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.31857/S086904990014921-5>

Roginko S.A. (2021) Klimaticheskii povorot SSHA: tseli i sredstva [U.S. Climate Pivot: Goals and Means]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 53–65.
<https://doi.org/10.31857/S086904990014921-5> (In Russ.)

Рогинко С.А. (2023) «Зеленая» повестка Дж. Байдена: лозунги и реалии // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 56–71. <https://doi.org/10.31857/S0869049923020041>

Roginko S.A. (2023) “Zelenaya” povestka Dzh. Baydena: lozungi i realii [J. Biden’s “Green” Agenda: Slogans and Realities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 56–71.
<https://doi.org/10.31857/S0869049923020041> (In Russ.)

Родыгина Н.Ю., Мусихин В.И., Сотников А.В. (2023) Современные тенденции и перспективы развития водородной энергетики в ФРГ // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 11. С. 73–87. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-11-73-87>

Rodygina N.Ju., Musihin V.I., Sotnikov A.V. (2023) Sovremennyye tendencii i perspektivy razvitiya vodorodnoy jenergetiki v FRG [Current Trends and Prospects of Hydrogen Energy Development in the Federal Republic of Germany]. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*. no. 11, pp. 73–87.
<https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-11-73-87> (In Russ.)

Чиркин С.А. (2023) Развитие зеленой экономики Бразилии и экономические интересы России // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 11. С. 113–124.
<https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-11-113-124>

Chirkin S.A. (2023) Razvitiye zel'noy ekonomiki Brazili i ekonomicheskie interesy Rossii [Brazil's Green Economy Development and Russia's Economic Interests]. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*. no. 11, pp. 113–124. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-11-113-124> (In Russ.)

Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции ИЭОПП СО РАН и ИНП РАН (Россия, г. Белокуриха, 24–25 марта 2022 г.) (2022) Т. 4. Ред.: А.О. Баранов, А.А. Широков. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 180 с. <https://doi.org/10.36264/978-5-89665-367-7-2022-005-180>

Ekonomicheskaya politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom vzaimodeystvii: materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii IEOPP SO RAN i INP RAN (Rossiya, g. Belokurikha, 24–25 marta 2022 g.) [Economic Policy of Russia in the Inter-sectoral and Spatial Dimension: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference IEOPP SO RAS and INP RAS (Russia, Belokurikha, March 24-25, 2022)] (2022) Vol. 4. Ed(s): A.O. Baranov, A.A. Shirov. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN. 180 p. <https://doi.org/10.36264/978-5-89665-367-7-2022-005-180> (In Russ.)

Baburina O., Kuznetsova G., Podbiralina G. (2023) Climate Agenda and ESG Principles' Application to Russian Realities // *E3S Web Conf.* Vol. 431. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202343107004>

Crippa M., Guizzardi D., Banja M., Solazzo E., Muntean M., Schaaf E., Pagani F., Monforti-Ferrario F., Olivier J., Quadrelli R., Risquez Martin A., Taghavi-Moharamli P., Grassi G., Rossi S., Jacome Felix Oom D., Branco A., San-Miguel-Ayaz J., Vignati E. (2022) CO₂ Emissions of all World Countries – JRC/IEA/PBL 2022 Report, EUR 31182 EN. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Информация об авторе

Бабурина Ольга Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория, экономика и менеджмент», ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова». Адрес: 353900, Россия, г. Новороссийск, пр. Ленина, 93. E-mail: olgababurina@mail.ru

Кузнецова Галина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова). Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер. 36. E-mail: gkuznet3@gmail.com

Подбиралина Галина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова). Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер., 36. E-mail: galvp@mail.ru

About the author

Olga N. Baburina, Doctor of Sciences (Economics), Assistant Professor, Professor, Department of the Economic Theory, Economics and Management, Admiral Ushakov Maritime State University. Address: 353900, 93 Lenin Avenue, Novorossiysk, Russia. E-mail: olgababurina@mail.ru

Galina V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics. Address: 117997, 36 Stremyanny Lane, Moscow, Russia. E-mail: gkuznet3@gmail.com

Galina V. Podbiralina, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics. Address: 117997, 36 Stremyanny Lane, Moscow, Russia. E-mail: galvp@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.01.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.04.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

УДК 329.052

DOI: 10.31857/S0869049924030046
EDN: WJHQDI

Оригинальная статья / Original article

«Зеленая партия Соединенных Штатов»: становление и выход в большую политику

© Т.Л. РОВИНСКАЯ

Ровинская Татьяна Леонидовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), mirtania@gmail.com. ORCID 0000-0003-4939-3653

Рассмотрен долгий и сложный процесс становления в США единой «Зеленой партии» (с 1984 по 2001 г.), а также ее дальнейшая политическая судьба в роли «третьей партии»¹ вплоть до утверждения к президентским выборам 2012 г. «Нового зеленого курса» как главной идеологической и предвыборной платформы. Цель исследования – выявить особенности политической стратегии и тактики американских «Зеленых», результатом которых стал их выход на новый уровень политической борьбы в роли альтернативной оппозиционной политической силы по отношению к обеим партиям американского истеблишмента – Демократической и Республиканской. Тема особенно актуальна, поскольку в США демократы во главе с президентом Дж. Байденом полностью перехватили «зеленую» повестку и присвоили себе предвыборную программу «Зеленой партии».

Ключевые слова: Зеленая партия Соединенных Штатов, Зеленое движение, «третья партия», климатическая повестка, экологическая политика, выборы, Новый зеленый курс, Демократическая партия, Барак Обама

Цитирование: Ровинская Т.Л. (2024) «Зеленая партия Соединенных Штатов»: становление и выход в большую политику // Общественные науки и современность. № 3. С. 50–63. DOI: 10.31857/S0869049924030046, EDN: WJHQDI

¹ «Третьей партией» в США называют любую зарегистрированную политическую партию, кроме двух основных – Демократической и Республиканской.

The Green Party of the United States: Establishment and Entry into Big Politics

© T.L. ROVINSKAYA

Tatiana L. Rovinskaya, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), mirtania@gmail.com. ORCID 0000-0003-4939-3653

Abstract. The article considers the long and complicated history of the Green Party in the United States (from 1984 to 2001), as well as its further political role as a «third party» – up to the establishment of the Green New Deal as its main ideological and election platform for the 2012 presidential elections. This topic is of interest due to the fact that, amid the global relevance of «green» political and economic agenda in the 21st century, the environmental parties are meant to play a special role – let alone in the country that claims leadership in the field of environmental (primarily, climate) policy. In this context, the situation that the Green Party in the United States is in a secondary position and does not have a decisive influence on real politics, looks all the more illogical. The specifics of the American Greens' political strategy and tactics are analyzed, which allowed to reach a new level of political struggle as an alternative and oppositional political force towards both establishment parties – the Democratic Party and the Republican Party. Nevertheless, the Democrats led by President J. Biden have intercepted the Green Party's preelection program and won the 2020 elections with it. This testifies to strategic mistakes made by the American Greens and casts doubt on their future political fate.

Keywords: Green Party of the United States, Green Movement, «third party», climate agenda, environmental policy, elections, Green New Deal, Democratic Party, Barack Obama

Citation: Rovinskaya T.L. (2024) The Green Party of the United States: Establishment and Entry into Big Politics. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 50–63. DOI: 10.31857/S0869049924030046, EDN: WJHQDI (In Russ.)

Сегодня, в условиях актуализации «зеленой» политической и экономической повестки во всем мире, существенно возрастает значение экологических партий. Заметные политические успехи ряда «зеленых» партий в странах Западной Европы (особенно в Германии) заставляют задуматься о судьбе экологической партии в самой крупной и влиятельной стране Запада – США, тем более что в настоящее время именно Соединенные Штаты претендуют на ведущую роль в борьбе с глобальным потеплением и стремятся возглавить глобальный процесс «зеленого транзита» (переход к низкоуглеродной/безуглеродной энергетике путем отказа от ископаемого топлива²).

Исторически американское экологическое движение действовало в рамках некоммерческих неправительственных организаций (НКО), и лишь в 1980-е гг. возникло первое партийное объединение «Зеленых». Здесь будет рассмотрено растянувшееся на несколько десятилетий становление единой американской «Зеленой партии», проблемы и сложности на этом пути.

Цель исследования – выявить особенности политической стратегии и тактики американских «Зеленых», результатом которых стал их выход в большую политику в роли «тре-

² Ископаемые виды топлива (уголь, нефть и природный газ) дают при использовании в качестве источников энергии выбросы парниковых газов (углекислого газа, метана и др.) в атмосферу Земли, что считается ведущим антропогенным фактором в процессе изменения климата.

тей партией». Это имеет ключевое значение для понимания характера и степени влияния «Зеленой партии» на политическую жизнь США в наши дни.

Политическая траектория ранних «Зеленых» в США: борьба за единство

До появления собственно экологических партий в Соединенных Штатах существовало Зеленое движение – гражданские группы активистов и неправительственных организаций, которые не принимали участия в реальной политике, действуя в рамках охранительно-консервационистского движения³. С конца XIX в. вплоть до 1970-х гг. государственная природоохранная политика в США также следовала духу консервационизма: это подразумевало в первую очередь сохранение в нетронutom виде дикой природы (лесов, вод и почв), регулирование охоты и рыболовства. В 1970–1980-е гг. вопросы сохранения окружающей среды находились в ведении обеих партий истеблишмента – Демократической и Республиканской. Политическая ситуация резко изменилась с приходом к власти в 1981 г. президента-республиканца Р. Рейгана: с этого времени представители Республиканской партии во власти демонстрировали сугубо прагматический подход к охране окружающей среды, руководствуясь прежде всего экономическими интересами. При Рейгане на ключевые для экологической политики государственные посты были назначены убежденные антиэкологи⁴. Назначения вызвали негативную реакцию значительной части гражданского общества, поскольку идеи экологизма были весьма популярны, и это дало толчок формированию «зеленых» политических сил.

В 1984 г. по инициативе представителей американского антиатомного движения возникла первая экологическая партия на уровне штата – «Зеленая партия Мэна» (*Maine Green Party*). Попытки сформировать экологическую партию национального масштаба продолжались много лет параллельно с усилиями по концептуализации «зеленой» политики. Вдохновляющими примерами послужили недавно образованные экологические партии ФРГ, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Особую роль сыграла партия «Зеленых» Западной Германии (*Die Grünen*), которая в 1983 г. впервые прошла в Бундестаг. Основатель и идеолог немецких «Зеленых» Петра К. Келли, долгое время жившая и учившаяся в США, успешно применила опыт американских социальных движений для создания альтернативной «зеленой» партии в Западной Германии, а затем благословила создание аналогичной партии в самих Соединенных Штатах. В отзыве на вышедший в марте 1984 г. труд калифорнийских ученых «Зеленая политика: глобальное обещание» [*Spretnak, Capra 1984*], посвященный истории создания немецкой экологической партии, Келли обратилась «к американским читателям, которые хотят понять, что именно находится в сердце альтернативной политики Зеленой партии»⁵.

³ «Зеленое движение» (*Green Movement*) в США возникло приблизительно в середине XIX в., объединив представителей основных течений американского экологизма (инвайронментализма) – консервационистов (*Conservationist Movement*), охранителей (*Preservationism*) и экологов (*Greenism*). Консервационисты выступали за сохранение природных ресурсов ради нынешнего и будущих поколений (антропоцентрический подход), в то время как охранители – за сохранение природы ради самой природы, независимо от потребностей людей (биоцентрический подход); экологи предлагали компромиссную модель взаимодействия общества и природы с учетом объективных естественно-научных закономерностей.

⁴ Джеймс Г. Ватт – на пост министра внутренних дел, Э. Горсач – на должность руководителя Агентства по охране окружающей среды (U.S. Environmental Protection Agency, US EPA).

⁵ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

Уже в августе 1984 г. в г. Сент-Поль (Миннесота) состоялась конференция, где было основано движение «Зеленая политика» (*Green Politics movement*) и приняты его первые документы. Первоначально его называли «Комитетами по переписке» (*Committees of Correspondence, CoC*) – в честь патриотических гражданских групп, активных со времен Войны за независимость США. В 1989 г. национальный «Зеленый съезд» сменил это название на «Зеленые комитеты по переписке» (*Green Committees of Correspondence, GCoC*), которое сохранялось до августа 1991 г.⁶

На первой конференции 1984 г. был также утвержден документ «10 ключевых целей» новой организации. Цели после изменений и дополнений приняли следующий вид: «демократия снизу» (*Grassroots Democracy*), «социальная справедливость и равные возможности» (*Social Justice & Equal Opportunity*), «экологическая мудрость» (*Ecological Wisdom*), «ненасилие» (*Non-Violence*), децентрализация (*Decentralization*), «экономика местного уровня» (*Community-Based Economics*), «феминизм и равенство полов» (*Feminism & Gender Equality*), «уважение к разнообразию» (*Respect For Diversity*), «личная и глобальная ответственность» (*Personal & Global Responsibility*), «фокус на будущем и устойчивости» (*Future Focus & Sustainability*)⁷. Эти цели были сформулированы под влиянием четырех принципов немецких «зеленых» (экология, социальная справедливость, демократия снизу и ненасилие), зафиксированных в их программе 1980 г.⁸, и стали квинтэссенцией политической философии американских «зеленых». Именно «10 целей» стали основой для последующего объединения локальных организаций в единую национальную партию.

Первый общенациональный Зеленый съезд состоялся в июле 1987 г. (г. Амхерст, Массачусетс) под лозунгом «Создание Зеленого движения – национальная конференция для новой политики». Он стал площадкой для знакомства и обмена опытом между «Зелеными» и представителями других общественных движений по всей стране. В августе того же года в г. Канзас состоялось заседание Межрегионального комитета «зеленых», посвященное определению их политической стратегии: здесь был начат процесс «Стратегические и политические подходы в ключевых областях» (*Strategy and Policy Approaches in Key Areas, SPAKA*) – коллективная выработка общей «Зеленой программы» на демократической основе, с вовлечением в нее максимально возможного количества низовых организаций и активистов. В последующие два года от представителей гражданского общества поступило 190 предложений, которые были разделены на 19 тематических областей: энергетика, лес и лесное хозяйство, формы жизни, использование материалов и обращение с отходами, вода, качество воздуха, общий экономический анализ, финансы, землепользование, политика, социальная справедливость, экофилософия, духовность, образование, продовольствие и сельское хозяйство, здравоохранение, мир и ненасилие, организация сообществ, стратегия. Целью проекта было создать политическую платформу будущей партии. Он дал толчок образованию множества местных «зеленых» групп по всей стране. Второй общенациональный «Зеленый съезд» в июне 1989 г. (г. Юджин, Орегон) был посвящен непосредственно разработке политической (и электоральной) платформы на основе собранных с помощью SPAKA предложений. Важным итогом этой работы стало утверждение политической стратегии: достижение победы значительного количества «зеленых»

⁶ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

⁷ Our 10 Key Values. Green Party US. (https://www.gp.org/ten_key_values).

⁸ Das Bundesprogramm. Die Grünen. (https://web.archive.org/web/20120122061907/http://www.boell.de/downloads/stiftung/1980_Bundesprogramm.pdf).

кандидатов прежде всего на местном уровне и лишь после этого – выход на уровень штата и федеральный уровень⁹.

В то же время внутри «зеленого» сообщества происходила борьба между сторонниками создания полноценной политической партии (*party first*) и приверженцами концепции антипартии, которые выступали за сохранение локального характера «Зеленого движения», против его выхода в большую политику в качестве политической партии (*movement first*).

В течение последующих лет сторонники партийно-политического будущего «Зеленых» вели активную борьбу за голоса избирателей, которая в ряде случаев увенчалась успехом уже в начале 1990-х гг. Эта борьба строилась на противопоставлении политической программы «Зеленых» бездействию двух основных политических партий США в вопросах не только охраны окружающей среды как таковой, но и ее воздействия на жизнь и здоровье людей. «Зеленые» предложили общественности свои «10 ключевых целей» как свод прогрессивных идей, которые не фигурировали в программах традиционных партий и стали новым словом в политике и общественном устройстве¹⁰. Если в 1985–1989 гг. на местном уровне баллотировались 25 «зеленых» кандидатов (в основном в сельской местности в отдельных штатах) и семь из них были избраны, то в 1990–1991 гг. в выборах по всей стране участвовало уже 37 кандидатов от «зеленых» и 17 одержали победу¹¹.

На начало 1990-х гг. приходится и более серьезные успехи. Так, в 1990 г. Аляска стала первым штатом, где «Зеленые» попали в избирательный бюллетень¹², и их кандидат Дж. Сайкс получил 3,4% голосов на выборах губернатора штата. М. Лоренц от «Зеленой партии Калифорнии» (*Green Party of California, GPCA*) стала первым зарегистрированным «зеленым» кандидатом в Конгресс США и получила 1% поддержки в округах Вентура/Санта-Барбара (что для молодой партии местного уровня было значительным успехом). В 1991 г. на Аляске К. Уиверлинг от «Зеленых» была избрана мэром г. Кордова¹³.

Внутри объединения не утихала идеологическая борьба вокруг его статуса – политической партии или же общественного движения. Имели место также острые структурные противоречия: в частности, руководство проекта *SPAKA*, работавшее над созданием единой платформы будущей партии, подвергалось резкой критике со стороны «Левой зеленой сети» (*Left Green Network, LGN*) во главе с Х. Хокинсом и других групп.

В августе 1991 г. на четвертом национальном «Зеленом съезде» (г. Элкинс, Западная Вирджиния) дебаты в русле «партия против движения» развернулись с новой силой. В результате «Зеленые комитеты по переписке» были реорганизованы: «Зеленое движение» и «Зеленая партия» теперь действовали как части единой организации. Новое объединение получило название «Зеленые/Зеленая партия США» (*The Greens/Green Party USA, G/GPUSA*), хотя в реальности оно не стало консолидирующей структурой для действовавших в стране экологических партий. Несогласная с этим часть «Зеленых» в 1992 г. сформировала альтернативную организацию – «Зеленую политическую сеть» (*Green*

⁹ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

¹⁰ Mindy Lorenz – Green Candidate for U.S. Congress (1990). YouTube. 05.07.2007. (<https://www.youtube.com/watch?v=snLIUHDxdfs>).

¹¹ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

¹² History. Green Party. Ballotpedia. (ballotpedia.org/Green_Party).

¹³ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

Politics Network, GPN), одной из целей которой было создать Конфедерацию независимых зеленых партий штатов. Каждая из созданных структур претендовала на роль будущей единой национальной «Зеленой партии» США. При этом новые экологические партии, формировавшиеся на уровне штатов, не выражали заинтересованности в объединении, где они не были представлены.

В 1992 г. впервые большое количество кандидатов от «зеленых» участвовало в выборах по всей стране – 93 кандидата в 13 штатах (из них особенно много в Калифорнии – 44); 12 кандидатов одержали победу (из них 11 в Калифорнии). В частности, на Гавайях Л. Мартин получила 13,7% голосов на выборах в Сенат США (этот рекорд до сих пор не побит ни одним «зеленым» кандидатом)¹⁴.

В течение 1992 г. еще четыре «зеленые» партии штатов получили избирательный статус (*ballot status*) – в Аризоне, Калифорнии, Нью-Мексико и на Гавайях, а в 1993 г. – в Колорадо¹⁵. В феврале 1993 г. в г. Санта-Моника (Калифорния) состоялась встреча «зеленых» партий Запада, организованная шестью успешными партиями. Стало очевидно, что во многих штатах «зеленые» партии предпочитали действовать независимо от формирующихся общенациональных «зеленых» объединений, самостоятельно участвуя в выборах¹⁶.

1995 год считается водоразделом в истории американских «зеленых», поскольку тогда два течения внутри «Зеленого движения» сумели объединиться для формирования национальной структуры нового типа, к которой за короткое время примкнули многие экологические партии штатов.

«Зеленая политическая сеть» занялась организацией совместных встреч «третьих партий» США. В июне 1995 г. состоялась первая Конференция «третьих партий» в Вашингтоне (округ Колумбия), где участвовали 27 партий (включая «зеленых»). По итогам Конференции была принята «Общая базовая декларация» (*Common Ground Declaration*), ставшая своего рода коллективным манифестом и стратегией американских «третьих партий»: в частности, подписанты выступили за систему пропорционального представительства партий в органах власти, финансовую реформу для обеспечения всем партиям равных условий на выборах, свободный и честный доступ граждан к голосованию. Несколько пунктов декларации были посвящены вопросам экологической и экономической устойчивости (*Ecological and Economic Sustainability*)¹⁷.

В июле того же 1995 г. «Зеленая партия Нью-Мексико» организовала Национальный съезд «зеленых» в г. Альбукерке с целью поделить опыт своей успешной избирательной кампании 1994 г., которую широко освещали в прессе. Ее кандидат К. Мур был избран в городской совет г. Санта-Фе. На выборах губернатора/вице-губернатора штата Нью-Мексико 1994 г. кандидаты от «зеленых» Р. Мондрагон и С. Шмидт получили 10,4% голосов и оказались на третьем месте после кандидатов от Республиканской и Демократической партий. Л. Гарсиа завоевал 32% голосов в борьбе за пост казначея штата¹⁸. По итогам выборов «Зеленая партия Нью-Мексико» стала первой «крупной партией» (*major party*) из независимых партий, а ее избирательная кампания была признана одной из наи-

¹⁴ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

¹⁵ Ранее (с 1990 г.) этим статусом располагала только «Зеленая партия Аляски».

¹⁶ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

¹⁷ The Common Ground Declaration. (<https://www.ibiblio.org/spc/tp96/cgd.html>).

¹⁸ Election Results. Green Candidates. (<https://web.archive.org/web/20021113225512/http://www206.pair.com/calgreen/elections/races.php?raceId=1424>).

более эффективных в США за десятилетия. Примечательно, что «Зеленая партия США» (*GPUSA*) была приглашена на съезд на равных с остальными экологическими партиями, и это полностью нивелировало ее претензии на роль объединяющей структуры. Еще до начала мероприятия С. Шмидт подготовил «Организационный план для 40 штатов» (*40-State Green Organizing Plan*), который был поддержан съездом. План был посвящен объединению усилий экологических партий по формированию «зеленой» альтернативной политической силы, которая смогла бы заполнить вакуум, образовавшийся в результате неолиберального крена администрации Б. Клинтона.

В 1996 г. «зеленые» впервые приняли участие в президентских выборах. Их кандидатом в нескольких штатах стал популярный адвокат и прогрессист¹⁹ Р. Нейдер (который не был членом какой-либо экологической партии страны). Кандидатом в вице-президенты Нейдер выбрал известную эоактивистку индейского происхождения В. ЛаДьюк. Нейдер и ЛаДьюк были номинированы для участия в президентских выборах на первом в истории США «Зеленом съезде по выдвижению кандидата в президенты» (август 1996 г., г. Лос-Анджелес). На выборах пара Нейдер–ЛаДьюк набрала около 700 тыс. (0,7%) голосов избирателей в 22 штатах. Это послужило стимулом для дальнейшего развития «зеленых» партий штатов и их участия в выборах. По итогу 1996 г., выборы выиграли 24 «зеленых» кандидата из 82 по всей стране. Кроме того, в г. Арката (Калифорния) был создан первый в мире «Зеленый городской совет»²⁰.

В ноябре 1996 г. была основана «Ассоциация зеленых партий штатов» (*Association of State Green Parties, ASGP*), объединившая партии 13 штатов. Ее целью было содействие развитию экологических партий штатов и их последующему объединению в национальную «Зеленую партию». Одновременно с Ассоциацией был создан информационный бюллетень «Зеленые страницы» (*«Green Pages»*)²¹ – официальное издание партии и сегодня.

С 1997 по 1999 г., по мере формирования новых «зеленых» партий штатов, возникла серьезная конкуренция между первоначальным объединением *G/GPUSA* и новой *ASGP* за новые партии. Однако достаточно быстро стало очевидно, что большая часть партий штатов предпочитала Ассоциацию; росло количество «зеленых», поддерживающих создание полноценной общенациональной партии. К лету 1999 г. членами *ASGP* уже были партии 32 штатов. Попытки сотрудничества и объединения двух противоборствующих структур не увенчались успехом.

В 2000 г. «Ассоциация зеленых партий штатов» снова выдвинула Р. Нейдера и В. ЛаДьюк для участия в президентских выборах. На съезде в г. Денвер (Колорадо) в июне 2000 г. была одобрена первая национальная платформа «Зеленой партии»²² (впоследствии она стала основополагающей платформой единой партии), которая базировалась на «10 ключевых целях». Этот документ сыграл решающую роль в плане значительного расширения электората «зеленых», послужив для широкой общественности своего рода презентацией партии как новой жизнеспособной альтернативы двум крупнейшим партиям страны.

¹⁹ Прогрессивизм в США – реформаторское движение начала XX в., ставшее ответной реакцией на модернизацию экономики и общества, в частности, на появление крупных корпораций и коррупцию в политике. К XXI в. прогрессивизм приобрел черты экологизма (инвайронментализма) и движения за социальную справедливость [*Progressivism. The Columbia Encyclopedia*. 6th ed. (<https://web.archive.org/web/20080629030845/>)].

²⁰ Rensenbrink J. Early History of the United States Green Party, 1984–2001. May 15, 2017. (<https://www.greenpolicy360.net/mw/images/Early-History-of-the-US-Green-Party-by-JR.pdf>).

²¹ Green Pages. Green Party of the United States. (<https://gp.us.org/committees/green-pages/>).

²² 2000 Platform. Green Party of the United States. (<https://gp.us.org/committees/platform/2000-platform/>).

В 1999–2000 гг. США захлестнули массовые уличные протесты: так называемая Битва за Сиэтл (*Battle for Seattle*) против встречи Всемирной торговой организации в Сиэтле (ноябрь–декабрь 1999 г.)²³, демонстрации *A16* против Всемирного банка и Международного валютного фонда в Вашингтоне (апрель 2000 г.), выступления *R2K*²⁴ и *D2K*²⁵ за гражданские права во время спонсируемых крупными корпорациями национальных съездов Республиканской и Демократической партий в Филадельфии и Лос-Анджелесе (август–сентябрь 2000 г.)²⁶. Протесты придали предвыборной кампании Р. Нейдера и В. Ладьюк дополнительный импульс, поскольку представители «зеленых» принимали в них активное участие. В ноябре 2000 г. их имена появились в 44 избирательных бюллетенях штатов, в итоге кандидаты набрали 2883105 (2,74%) голосов³¹. Именно эти голоса не позволили победить демократическому кандидату-инвайронменталисту А. Горы²⁷. Всего в выборах по стране участвовало рекордное количество «зеленых» кандидатов – 281, из которых 48 одержали победу. Выборы 2000 г. легитимизировали американских «зеленых» как новую серьезную политическую силу и способствовали укреплению партии путем дальнейшего объединения.

На встрече *ASGP* в июле 2001 г. (г. Санта Барбара, Калифорния) Ассоциация проголосовала за изменение своего названия на «Зеленую партию Соединенных Штатов» (*Green Party of the United States, GPUS*). Благодаря организованной пресс-конференции это долгожданное событие получило широкое освещение в прессе.

8 ноября 2001 г. Федеральная избирательная комиссия США признала за *GPUS* статус национального комитета (*National Committee status*) «Зеленой партии», который был ей официально присвоен позднее в том же году и сохраняется за ней по настоящее время. Это событие считается официальным началом политической жизни общенациональной «Зеленой партии» в США как экосоциальной партии.

Таким образом, американские «зеленые» (сторонники партийно-политического пути развития «Зеленого движения») 17 лет боролись за создание единой партии, что позволило им выйти на новый уровень политической борьбы. Менее многочисленное крыло, выступавшее за сохранение формата движения, проиграло внутрипартийную борьбу и перестало оказывать серьезное влияние на дальнейшую судьбу объединения.

²³ От 30 до 50 тыс. демонстрантов добились закрытия встречи ВТО в Сиэтле, выступив против глобальных соглашений о свободной торговле. В протестах приняли участие более 300 различных организаций под руководством «Сети прямого действия» (Direct Action Network) [Rosenberg P. From the “Battle in Seattle” to Donald Trump: Remember when the anti-globalists were left-wing radicals? Salon. 11.12.2016. (<https://www.salon.com/2016/12/11/from-the-battle-in-seattle-to-donald-trump-remember-when-the-anti-globalists-were-left-wing-radicals/>)].

²⁴ Порядка 12 тыс. участников «Марша единства 2000» (Unity 2000 March) в Филадельфии выступили за нарушаемое Республиканской партией право на аборт. В марше приняли участие члены «Зеленой партии», феминистки, представители меньшинств и др. [Unity 2000 March Brings 12,000 to Philadelphia. Feminist Majority Foundation. (<https://feminist.org/news/unity-2000-march-brings-12000-to-philadelphia/>)].

²⁵ Более 10 тыс. демонстрантов провели «Марш мумий» (Mumia March) в знак протеста против политики Демократической партии в отношении многочисленных экологических проблем, расовой и экономической справедливости [Cooper L. (2000) Los-Angeles: Assessing D2K Protests // Against the Current (a Socialist Journal). No. 89 (November/December). (<https://againstthecurrent.org/atc089/p1568/>)].

²⁶ Обе демонстрации организовала «Коалиция R2D2K» (R2D2K Coalition), в которую входили «Сеть R2K» (R2K Network) и «Сеть D2K» (D2K Network) [Montgomery D. GOP to Get an Earful of Opposing Views. Washington Post, 21.07.2000. (<https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2000/07/21/gop-to-get-an-earful-of-opposing-views/39321d5c-a219-40c8-9cc7-04ea456aab3b/>)].

²⁷ 2000 Presidential General Election Results. (<https://uselectionatlas.org/RESULTS/national.php?year=2000>).

«Зеленые» США в роли «третьей партии»

Формирование единой общенациональной партии кардинально изменило положение «зеленых» в американской политической системе, превратив их в одну из значимых «третьих партий» (по отношению к двум крупнейшим). Этот статус не только открывал новые возможности политического продвижения, но и ставил более высокую планку, требовал новых подходов.

С точки зрения структуры «Зеленая партия» отличается от других общенациональных партий США тем, что не избирает одного председателя: руководящий комитет состоит из семи сопредседателей, казначея и секретаря²⁸.

Особенность американской электоральной системы состоит в том, что, хотя «третьи партии» не могут составить реальную политическую конкуренцию двум крупнейшим партиям, они способны оттянуть голоса от одной из них, и это в случае острой борьбы решает исход выборов в пользу другой. Поскольку «Зеленая партия» относится к левым и идеологически ближе Демократической партии, она может оттянуть на себя часть ее электората, что играет на руку Республиканской партии.

В течение первых двух десятилетий XXI в. электоральная активность «зеленых» поддерживалась на высоком уровне, хотя и с некоторыми колебаниями. Кандидаты от объединенной «Зеленой партии» и аффилированных с ней «зеленых партий» штатов ежегодно выигрывали выборы различного уровня: в 2001 г. – 63 (из 283 кандидатов), 2002 г. – 82 (из 506), 2003 г. – 65 (из 277), 2004 г. – 76 (из 432 г.), 2005 г. – 56 (из 203), 2006 г. – 72 (из 384), 2007 г. – 43 (из 154), 2008 г. – 56 (из 305), 2009 г. – 53 (из 151), 2010 г. – 53 (из 363), 2011 г. – 28 (из 112), 2012 г. – 48 (из 309), 2013 г. – 54 (из 147), 2014 г. – 50 (из 281), 2015 г. – 43 (из 130), 2016 г. – 49 (из 317), 2017 г. – 76 (из 211), 2018 г. – 38 (из 314), 2019 г. – 49 (из 151), 2020 г. – 42 (из 238), 2021 г. – 56 (из 120), 2022 г. – 37 (из 159), 2023 г. – 25 (из 57)²⁹.

За это время кандидатов от «зеленых» избирали на должности мэра (*Mayor*), выборного окружного администратора (*County Commissioner*), городского модератора (*Town Moderator*)³⁰, мирового судьи (*Justice of the Peace*), окружного судьи (*Circuit Court Judge*), судебного пристава (*Constable*), окружного клерка (*County Clerk*)³¹, муниципального клерка (*Township Clerk*), инспектора по выборам (*Inspector of Election, Judge of Elections*), члена городского управления (*Selectman*), городского аудитора (*City Auditor*), налогового инспектора (*Tax Assessor-Collector*), заместителя апелляционного совета по зонированию (*Zoning Board of Appeals Alternate*) и ряд других³².

Среди местных органов управления, куда избирали представителей «зеленых» после объединения партии, – природоохранные, территориальные, финансовые, образовательные и многие другие структуры, в том числе: Палата представителей штата (*State House of Representatives*), управляющий совет (*Governing Board*), городской совет (*City/Town/Common/Borough Council*), городское управление (*Select Board*), городское собрание (*Town Meeting*), управление образования (*Education Board*), комитет по обра-

²⁸ Green Party. Leadership. Ballotpedia. (https://ballotpedia.org/Green_Party).

²⁹ Summary of Green Candidates. View Races by Year. GPUS Elections Database. (<https://www.gpelections.org/?t=2000>).

³⁰ Должностное лицо, председательствующее на городском собрании, а в некоторых случаях – на других муниципальных собраниях.

³¹ Отвечает за проведение выборов, ведет регистрацию смертей, браков, рождений, выдавая соответствующие документы. В небольших округах с небольшим штатом чиновников – основное должностное лицо.

³² Victories. GPUS Elections Database. (<https://www.gpelections.org/election-history/victories/>).

зованию (*School Committee*), окружной попечительский совет по образованию (*School District Board of Trustees*), местный совет по образованию (*Local School Council*), бюджетный комитет (*Budget Committee*), комиссия по бюджету и налогообложению (*Board of Estimate and Taxation*), апелляционная комиссия комитета по налогообложению (*Board of Assessment Appeals*), бюджетный консультативный комитет (*Budget Advisory Committee*), окружной наблюдательный совет (*County Board of Supervisors*), районный совет (*Neighborhood Council*), консультативная районная комиссия (*Advisory Neighborhood Commission*), поселковое попечительское правление (*Village Board of Trustees*), группа планирования (*Planning Group*), бюро регистрации избирателей (*Registrar of Voters*), управление водными ресурсами (*Water Board*), совет директоров водохозяйственного окружного управления (*Water District Board of Directors*), пожарный округ (*Fire Protection District*)³³, библиотечный совет (*Library Board*), агентство общественного транспорта (*Transportation District*), мелиоративный округ (*Soil and Water Conservation District*)³⁴, управление парками и зонами отдыха (*Parks and Recreation Board*), парковая комиссия (*Park Commission*), конгресс по охране природы (*Conservation Congress*) и др.³⁵ Таким образом, кандидаты от «Зеленой партии» претендовали и избирались на должности и в органы управления далеко не только экологического профиля согласно выработанной ранее стратегии продвижения «по восходящей» (от более низкого к более высокому уровню). До сегодняшнего дня представители «зеленых» еще ни разу не были избраны в высший законодательный орган власти США (Конгресс). Однако отдельные кандидаты от партии в Палату представителей Конгресса и в Сенат получали значительную долю голосов избирателей (31,35% в Палату представителей в 2016 г.³⁶ и 81,4% в Сенат в 2012 г.³⁷).

Значимые успехи новой объединенной партии на выборах были достигнуты уже в первые годы после ее создания. Так, в 2002 г. кандидат от «Зеленой партии Мэна» Дж. Эдер получил рекордные 65% голосов и был избран в палату представителей штата Мэн, а в 2004 г. – переизбран на второй срок. В тот период он был самым высокопоставленным выборным должностным лицом от «зеленых» в США, и в 2003 г. читатели издания *Portland Phoenix* назвали его лучшим политиком Портленда³⁸. В 2003 г. член Генеральной ассамблеи штата Нью-Джерси М. Ахерн, избранный в 2002 г. от Демократической партии, перешел в «Зеленую партию», став, таким образом, еще одним ее высокопоставленным представителем в органах власти³⁹.

2004 год – год президентских выборов – стал для объединенных «зеленых» серьезным вызовом. Годом ранее в партии начались дебаты о предвыборной стратегии, причем «зеле-

³³ Районное ведомство пожарной охраны.

³⁴ Общественная организация, занимающаяся охраной, рациональным использованием и развитием земельных и водных ресурсов.

³⁵ Victories. GPUS Elections Database. (<https://www.gpelections.org/election-history/victories/>).

³⁶ Top Results – US House, two-way races. GPUS Elections Database. (<https://www.gpelections.org/election-history/top-results-us-house-two-way-races/>).

³⁷ Office: Federal U.S. Senate. GPUS Elections Database. (<https://www.gpelections.org/offices/federal-us-senate/>); Joseph DeMare Runs for U.S. Senate, 2012. GPUS Elections Database. (<https://www.gpelections.org/races/joseph-demare-runs-for-u-s-senate-2012/>).

³⁸ John Eder. Green Politics. (https://greenpolitics.fandom.com/wiki/John_Eder#2002_election_to_Maine_House_of_Representatives).

³⁹ Green Assemblyman Matt Ahearn Vows Fight for Campaign Finance Reform. The Green Party of New Jersey. March 28, 2003. (https://web.archive.org/web/20070928002329/http://www.gpnj.org/press%20releases/03_01_26%20Ahearn.htm).

ные» и их потенциальный кандидат Р. Нейдер («герой» 2000 г.) испытывали давление со стороны заинтересованных групп, добивавшихся их неучастия в президентских выборах. В ответ на это летом 2003 г. была опубликована декларация «Зеленые и растущие: 2004 в перспективе» («*Green & Growing: 2004 in Perspective*»), которая, хотя и не была официальным документом партии, отражала точку зрения ее большинства. В декларации утверждалось, что предвыборная кампания 2004 г. начинается в условиях кризиса: за восемь лет администрация Клинтона–Гора (1993–2001 гг.) учредила региональные и глобальные фонды «нового корпоративного превосходства» (*NAFTA*⁴⁰, *FTA*⁴¹ и *WTO*⁴²). В результате наступила глобальная экономическая рецессия; окончание холодной войны ознаменовало начало военной агрессии США по всему миру (Панама, Ирак, Гаити, Сомали, Судан, Югославия, Колумбия, Афганистан, Филиппины); глобальное потепление и разрушение окружающей среды стали характерными чертами конца XX в., в то время как мировое сообщество продолжает смягчать стандарты снижения выбросов парниковых газов в атмосферу и сохранения биоразнообразия. В итоге единственная (оставшаяся после развала СССР. – *Прим. авт.*) супердержава оказалась в эпицентре нарастающего глобального кризиса, возникшего в результате действий и бездействия двух ее системообразующих политических партий. Текущий момент, говорилось в декларации, требует появления лидера в лице оппозиционной партии, что отвечает чаяниям миллионов американцев и жителей планеты. В связи с этим «Зеленая партия Соединенных Штатов» считала себя обязанной на выборах 2004 г. пойти гораздо дальше и взять на себя роль активной оппозиции по отношению к двум партиям истеблишмента и интересам, которым они служат⁴³.

Тем не менее Р. Нейдер в этот раз выступил как независимый кандидат. Кандидатом в президенты от «зеленых» стал Д. Кобб (адвокат из Техаса и юрисконсульт *GPUS*). По итогам выборов он получил 119 859 (0,1%) голосов в 41 штате, в то время как независимый теперь кандидат Р. Нейдер – 465 650 (0,38%) голосов в 47 штатах⁴⁴. Таким образом, дебют объединенной «Зеленой партии» на президентских выборах оказался неудачным.

Однако на локальном уровне ситуация складывалась более благоприятно. Так, в 2006 г. кандидат от «зеленых» Р. Уитни набрал 11% голосов на выборах губернатора штата Иллинойс; Т. Келли получил 21% голосов в округе штата Колорадо на выборах в Палату представителей США; член «Зеленого городского совета» г. Ричмонд (Калифорния) Г. МакЛафлин была избрана на пост мэра⁴⁵.

Создавая платформу для будущих президентских выборов 2008 г., «зеленые» выступили с требованием вывести американские войска из Ирака, за что в 2006 г. в общей сложности проголосовали около 8,7 млн американцев. Кандидаты от партии подчеркивали, что «зеленые» являются единственной политической силой, предложившей антивоенную платформу, тогда как демократы, за которых голосовали избиратели – противники войны, в Конгрессе не будут пытаться изменить агрессивную внешнюю политику президента-республиканца Дж. Буша-младшего⁴⁶.

⁴⁰ North American Free Trade Association (Североамериканская зона свободной торговли).

⁴¹ The Free Trade Area of the Americas (Зона свободной торговли Америки).

⁴² *World Trade Organization* (Всемирная торговая организация).

⁴³ “Green & Growing: 2004 in Perspective”. (<http://www.greens.org/s-r/greengrow2004.htm>).

⁴⁴ Federal Elections 2004. Federal Election Commission. P. 5. (<https://www.fec.gov/resources/cms-content/documents/federalections2004.pdf>).

⁴⁵ Greens Advance on November 7, Prepare for 2008 National Run. Green Party of the United States. (https://web.archive.org/web/20080605080335/http://www.gp.org/press/pr_2006_11_09.shtml).

⁴⁶ Там же.

В 2008 г. «Зеленая партия Соединенных Штатов» выдвинула в качестве кандидата на пост президента С. МакКинни (до в 2007 г. – член Демократической партии, а также член Палаты представителей от штата Джорджия в течение шести созывов – 12 лет). Кандидатом в вице-президенты стала общественная активистка и независимая журналистка Р. Клемента. Р. Нейдер объявил о намерении баллотироваться на президентских выборах в четвертый раз, в этом случае в паре с М. Гонсалесом (адвокат из Сан-Франциско, член «Зеленой партии»), однако не получил одобрения «зеленых» как официальный кандидат от партии. По результатам выборов МакКинни поддержали 161797 (0,12%) избирателей в 32 штатах⁴⁷, что лишь незначительно улучшило результат партии по сравнению с 2004 г.

Несмотря на то что демократы традиционно рассматривали «зеленых» как основных конкурентов за левый электорат, «зеленые» положительно восприняли победу Б. Обамы – первого в истории страны президента афроамериканского происхождения (тем более что оба кандидата от «зеленых» также были афроамериканцами). Вместе с тем тогдашний сопредседатель партии Дж. Буссьер подчеркнула, что «зеленый» императив, о котором на протяжении всей предвыборной кампании говорили кандидаты партии, лишь усилится при новой демократической администрации, поскольку за обещанные Обамой реальные перемены в стране нужно серьезно бороться, чтобы они не остались лишь предвыборными обещаниями. «Зеленые» объявили о том, что будут продолжать работу в направлении обозначенных ими приоритетов: мир (*peace*), здравоохранение (*healthcare*), справедливость (*justice*), демократия и достоинство (*democracy and dignity*) в стране и за рубежом, несмотря на то что политическая ситуация ухудшается (демократическое большинство в Конгрессе оказывало поддержку военным кампаниям предыдущей республиканской администрации Дж. Буша-мл., частным банкам на деньги налогоплательщиков, незаконной слежке за гражданами через системы коммуникации, действуя не в интересах американского народа)⁴⁸.

Во время президентской кампании 2008 г. экологическая тематика имела особое значение: демократ Б. Обама получил кредит доверия от «зеленых», и их поддержка способствовала его победе над соперником – республиканцем Дж. Маккейном [Peele, Bailey, Cain, Guy Peters 2010]. Однако именно поддержка «зелеными» кандидата от Демократической партии, которая должна была служить продвижению экологической повестки в большой политике, политическому консенсусу и повышению авторитета «Зеленой партии», стала главной стратегической и тактической ошибкой американских «зеленых».

Оба срока президентства Б. Обамы (2009–2017 гг.) характеризовались повышенным вниманием к «зеленой» повестке и рядом конкретных шагов в области государственной экологической политики. В этот же период окончательно оформилась политическая платформа и базовая стратегия «Зеленой партии» под названием «Новый зеленый курс» (*Green New Deal*), с которой кандидат от «зеленых» Дж. Стайн выходила на президентские выборы 2012 и 2016 гг.⁴⁹. После небольшого временного промежутка – четырехлетнего пребывания у власти республиканской администрации Д. Трампа (2017–2021 гг.) – Демократическая партия взялась за «зеленую повестку» с удвоенной силой и к очередным пре-

⁴⁷ FEC releases official popular vote count from 2008 presidential election. Independent Political Report. 09.08.2009. (<http://independentpoliticalreport.com/2009/08/fec-releases-official-popular-vote-count-from-2008-presidential-election/>).

⁴⁸ McKinney'08. Campaign News. (<https://web.archive.org/web/20081126225639/http://runcynthiarun.org/>).

⁴⁹ Первым американским политиком, вышедшим на выборы с «Новым зеленым курсом», был один из основателей «Зеленой партии» Х. Хоккинс, баллотировавшийся на пост губернатора штата Нью-Йорк в 2010 г.

зидентским выборам 2020 г. представила собственную версию «Нового зеленого курса», тем самым полностью перехватив разработанную «зелеными» программу и поставив под вопрос их будущее как политической партии.

Идеологическое противостояние «зеленых» и демократов, постепенно нараставшее с президентской кампании 2012 г. и вступившее в критическую фазу в 2019 г. в связи с вышеописанными событиями, находится за рамками данной работы и требует отдельного исследования. Однако проведенный анализ политического развития американской «Зеленой партии» позволяет сделать ряд выводов, объясняющих ее положение как «третьей партии», альтернативной и оппозиционной политической силы.

* * *

Будучи изначально разрозненным, американское «Зеленое движение» прошло долгий и сложный путь к единству, и лишь с 2001 г. выступает в формате не только отдельных «зеленых» партий штатов, но и единой структуры – официально действующей «Зеленой партии Соединенных Штатов». С 1990 г. «зеленые» принимают участие в выборах мэров городов, губернаторов штатов и в Палату представителей Конгресса, с 1992 г. – в Сенат, с 1996 г. – в президентских кампаниях. Кандидаты от «зеленых» неоднократно избирались на различные должности на местном уровне (в частности, мэров городов), но ни разу за свою историю не проходили в Конгресс (Палату представителей и Сенат). Максимального результата на президентских выборах «зеленый» кандидат Р. Нейдер достиг в 2000 г. (этот рекорд не побит до сегодняшнего дня), что способствовало объединению участников «Зеленого движения» в общенациональную партию в 2001 г.

Несмотря на серьезные внутренние противоречия («партия vs движение»), «зеленые» сумели создать единую политическую структуру, которая стала второй по значению из «третьих партий» США (после Либертарианской) и выступила в качестве альтернативной оппозиционной политической силы против двух партий американского истеблишмента. (При этом «зеленые» партии штатов сохраняют определенную свободу и могут действовать на местных выборах от собственного лица.)

Стремление к объединению, безусловно, способствовало выходу американских экологических объединений на новый уровень политической борьбы. Выработанная стратегия движения по восходящей (переход на более высокие уровни электоральной борьбы лишь после победы значительного количества «зеленых» кандидатов на более низких уровнях) быстро дала свои плоды и обеспечила существенное влияние «зеленых» партий в отдельных штатах (Калифорния, Нью-Мексико, Мэн и др.). Однако объединение не обеспечило представительство «зеленых» на федеральном уровне власти – в Конгрессе США. Став одной из влиятельных «третьих партий», «Зеленая партия Соединенных Штатов» разделила их судьбу: ни одной из них пока не удавалось составить реальную конкуренцию двум крупнейшим партиям страны на самом высоком уровне. Вместе с тем статус «третьей партии» позволяет влиять на результаты выборов вплоть до президентских за счет оттягивания части электората, что в некоторых случаях непосредственно определяет исход голосования.

Несмотря на эффективную стратегию политического продвижения, единая «Зеленая партия» совершила серьезную ошибку, поддержав на выборах 2008 г. «прозеленого» демократического кандидата Б. Обаму: активная экологическая политика его администрации, с одной стороны, способствовала популяризации экологических идей и превращению «зеленой» идеологии в политический мейнстрим, но, с другой, привела к тому, что Демократическая партия впоследствии присвоила себе программу «Зеленой партии»

и выиграла с ней президентские выборы 2020 г. Эта ситуация отражает основное противоречие, с которым сталкиваются «зеленые» политические силы во всем мире: продвижение «зеленой» идеологии любой ценой и второстепенное внимание к практической составляющей политической борьбы (заботе о собственной политической судьбе) может в конечном итоге подорвать политические позиции «Зеленой партии» в США и отбросить ее обратно на уровень общественного движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Peele G., Bailey C.J., Cain B., Guy Peters B. (2010) *Developments in American Politics* 6. New York, Palgrave Macmillan. 328 p.
- Spretnak Ch., Capra F. (1984) *Green Politics: The Global Promise*. New York, E.P. Dutton. 244 p.

Информация об авторе

Ровинская Татьяна Леонидовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, РФ, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: mirtania@gmail.com

About the author

Tatiana L. Rovinskaya, Candidate of Sciences (Political Science), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation. E-mail: mirtania@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 30.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.11.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

УДК 338.22

DOI: 10.31857/S0869049924030051
EDN: ZWRVKA

Оригинальная статья / Original article

Зеленая стратегия Канады как фактор противостояния глобальным вызовам

© М.В. СОЛЯНОВА

Солянова Мария Викторовна, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), solyanova.maria@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-4974-4508

Канада, как и многие другие страны, все больше фокусируется на переходе к зеленой экономике в связи с проблемами, вызванными климатическими изменениями, углеродными выбросами и возрастающей необходимостью энергосбережения. Канада – крупная страна с огромными ресурсами, которая способна эффективно развивать зеленую экономику. Комплексно исследован канадский подход к зеленой стратегии, основанной на экологически чистых технологиях и передовых методах производства. Проанализированы ключевые государственные стратегии и программы по стимулированию развития зеленых отраслей экономики, сокращению выбросов парниковых газов и борьбе с климатическими изменениями. Изучены основные проекты и инициативы, которые должны ускорить переход к возобновляемым источникам энергии и повысить уровень энергоэффективности, а также меры стимулирования экологического потребления среди населения и привлечения иностранных инвестиций в сферу зеленой экономики. Рассмотрена роль провинций, территорий и муниципалитетов в развитии зеленой экономики.

Ключевые слова: Канада, зеленая стратегия, зеленая экономика, чистые технологии, устойчивое развитие, климатические изменения, выбросы парниковых газов, энергоэффективность

Цитирование: Солянова М.В. (2024) Зеленая стратегия Канады как фактор противостояния глобальным вызовам // Общественные науки и современность. № 3. С. 64–81. DOI: 10.31857/S0869049924030051, EDN: ZWRVKA

Canada's Green Strategy as a Factor in Countering Global Challenges

© M.V. SOLYANOVA

Maria V. Solyanova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), solyanova.maria@gmail.com. ORCID: 0000-0002-4974-4508

Abstract. Canada, like many other countries, is increasingly focusing on transition to a green economy, realizing the problems associated with climate change, carbon emissions and the growing need for energy conservation. Canada is a large country with huge resources and potential for the development of a green economy. The Canadian approach to implementing a green strategy based on clean technologies and best production methods is comprehensively explored. Key government policies and programs to stimulate the development of green sectors of the economy, reduce greenhouse gas emissions and combat climate change are analyzed. The main projects and initiatives aiming to accelerate the transition to renewable energy sources and increase the level of energy efficiency, as well as measures to stimulate environmental consumption among the population and attract foreign investment in the field of green economy, were studied. The role of provinces, territories and municipalities in the development of a green economy are also discussed.

Keywords: Canada, green strategy, green economy, clean technologies, sustainable development, climate change, greenhouse gas emissions, energy efficiency

Citation: Solyanova M.V. (2024) Canada's Green Strategy as a Factor in Countering Global Challenges. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 64–81. DOI: 10.31857/S0869049924030051, EDN: ZWRVKA (In Russ.)

*«Мы находимся в начале технологической революции,
основанной на «зеленых» технологиях...»
(Генеральный секретарь ЮНКТАД Р. Гринспан)*

Введение

В последние годы научное сообщество часто применяет термин «зеленая экономика». Тем не менее, он все еще не имеет четкого толкования, – в том числе из-за того, что его смысловое наполнение продолжает развиваться. На практике широко распространена формулировка, предложенная аналитиками Программы ООН по окружающей среде: «“зеленой” считается экономика, которая приводит к повышению благосостояния людей и укреплению социальной справедливости, одновременно снижая риски для окружающей среды и дефицит экологических ресурсов»¹. Существует много версий происхождения этого термина. Большинство исследователей считают, что он исходит от понятия «экологическая экономика» (ecological economics). Одни называют основоположником термина канадского ученого-исследователя К. Холлинга [Трефилова 2021], другие – американского эколога Г.Э. Дейли [O'Neill 2023], третьи – американских экономистов А.В. Низа и Дж. Крутилла [Pearce 2002].

¹ Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. UN Environment Programme. 2010. (<https://www.unep.org/resources/report/towards-green-economy-pathways-sustainable-development-and-poverty-eradication-10>).

Несмотря на различия в определениях и толковании зеленой экономики, очевидно, что ее основа – синтез экономической и экологической политик. Ключевая задача для страны в этой модели экономики – определять потенциально новые источники роста экономики на принципах снижения вредного воздействия на окружающую среду и истощения природных ресурсов. Развитие зеленой экономики может включать в себя очень широкий диапазон мер и инициатив: традиционные экономические инструменты (налоговые платежи или субсидии); нормативно-правовые (регулирование, стандартизация и др.); не относящиеся к сфере экономики меры (информационные, просветительские и т.д.). Таким образом, развитие зеленой экономики находится на стыке разных областей государственного управления и требует междисциплинарного изучения.

С точки зрения исследования канадского подхода к зеленой экономике интерес представляет анализ стратегий, программ и планов разного уровня – федерального, провинциального и территориального. Также важно рассмотреть, как государственная политика влияет на канадское общество, и проблемы, которые остаются на повестке дня при развитии зеленой экономики в Канаде.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. существенно повлиял на экономики практически всех стран мира, в том числе Канады. В политической среде сформировалось понимание того, что развитие, ориентированное на экологически чистые технологии, инновации и услуги, которые снижают вредное воздействие на окружающую среду, способно повысить устойчивость страны перед вызовами мировой экономики.

Первой существенной проблемой на данном направлении выступает изменение климата. Канада столкнулась с серьезными последствиями изменения климата: среди них ухудшение качества воды и воздуха, снижение урожайности сельскохозяйственных культур, увеличение масштабов лесных пожаров и повышение уровня морей. Кроме того, проблема углеродных выбросов особо выражена в Канаде – одном из крупнейших производителей углерода в мире. Развитие зеленой экономики способно притормозить глобальное потепление. Данный факт побудил Канаду искать новые пути для уменьшения углеродных выбросов и улучшения качества окружающей среды. Инновационные решения, увеличение объемов производства и внедрение экологически чистых технологий повысят резистентность канадской экономики к климатическим изменениям.

Второй ключевой вызов – нехватка ресурсов. Развитие зеленых технологий позволит стране использовать ресурсы более эффективно и безопасно для окружающей среды, что будет способствовать их сохранению и долгосрочной устойчивости экономики в целом.

Третья проблема, стоящая перед Канадой, – конкуренция в мировой экономике. Зеленое развитие поможет Канаде не только сохранить темпы экономического роста, но и повысить конкурентоспособность. Чистые технологии и инновации повышают производительность и прибыльность, что увеличит инвестиционную привлекательность Канады и укрепит ее позиции на мировом рынке. Существуют различные направления повышения производительности через внедрение зеленых практик и чистых технологий:

- экологически чистые энергетические технологии. Солнечные панели и ветряные турбины могут помочь предприятиям снизить затраты на электроэнергию и высвободить ресурсы для инвестирования в другие области – производство, исследования и разработки;
- экологически чистые транспортные технологии. С их помощью предприятия способны снизить транспортные расходы и повысить их общую эффективность (например, канадская транспортная компания «TransLink» развернула парк электробусов², которые

² TransLink begins new era of bus electrification. TransLink. February 2, 2023. (<https://buzzer.translink.ca/2023/02/translink-begins-new-era-of-bus-electrification/>).

позволили компании снизить эксплуатационные расходы и улучшить экологические показатели);

- экологически чистые производственные технологии (системы замкнутого цикла, технологии вторичной переработки и др.) помогают предприятиям сократить объем отходов и снизить загрязнение окружающей среды, что помогает экономить средства и улучшать экологические показатели;
- технологии в области использования и очистки воды (повторное использование воды, рециркуляция отходов и др.) сокращают потребление воды и улучшают качество сточных вод, что помогает сократить затраты и снизить риск ущерба окружающей среде.

Предприятия, которые инвестируют в экологически чистые технологии, более привлекательны для инвесторов. Такие компании считаются более долгосрочными и инновационными, устойчивыми и безвредными для окружающей среды. Они более конкурентоспособны с точки зрения соблюдения будущих экологических норм. Зеленые технологии позволяют предприятиям не только снизить воздействие на окружающую среду, но и улучшить репутацию, а также привлечь новых клиентов. Данные выводы подтверждены исследованием, которое компания «Бостон Консалтинг Групп» (Boston Consulting Group) провела в 2017 г. Были проанализированы данные более чем 1 тыс. компаний в 24 отраслях. Установлено, что у компаний с самыми высокими экологическими показателями рыночная капитализация была на 6% выше, чем у их аналогов, а общая доходность для акционеров – на 3,7% выше³. Таким образом, зеленые инвестиции становятся не просто статьей расходов, но и источником конкурентного преимущества компании.

В связи с тем, что мировой спрос на экологически чистые технологии быстро растет, Канада, развивая и инвестируя в зеленое развитие, имеет все возможности удовлетворить этот спрос. Страна обладает рядом природных ресурсов, которые можно использовать для производства экологически чистой энергии (гидроэнергия, солнечная энергия и энергия ветра). Канада также стремится занять лидирующую роль в сфере добычи и переработки полезных ископаемых, необходимых для производства экологически чистых технологий. Правительство страны выделяет литий и кобальт как приоритетные ресурсы, так как они способны стимулировать канадский экономический рост, а также важны для развития приоритетных цепочек поставок⁴. Кроме того, Канада обладает мощной научно-исследовательской базой в секторе чистых технологий и рядом конкурентоспособных компаний, которые разрабатывают и внедряют зеленые технологии. Например, компания-производитель Bombardier разработала новую линейку энергоэффективных поездов, которые позволили ей увеличить свои продажи и долю на мировом железнодорожном рынке⁵. Инвестиции в экологически чистые технологии, такие как электропоезда и автобусы на водородном топливе, позволяют снижать воздействие на окружающую среду и удовлетворяют растущий спрос на устойчивые зеленые транспортные решения.

Зеленая экономика также укрепляет деловое сообщество, создавая новые рабочие места и развивая секторы экономики, ориентированные на выпуск экологически чистой продукции и услуг. Внедрение зеленых технологий снизит затраты на энергоносители и повы-

³ Total Societal Impact: A New Lens of Strategy. Boston Consulting Group. October 2017. (<https://media-publications.bcg.com/BCG-Total-Societal-Impact-Oct-2017.pdf>).

⁴ The Canadian Critical Minerals Strategy. Government of Canada. 2022. (<https://www.canada.ca/content/dam/nrcan-rncan/site/critical-minerals/Critical-minerals-strategyDec09.pdf>).

⁵ Bombardier Highlights Innovative Transport Solutions at the World's Largest Rail Show. Bombardier. September 18, 2012. (<https://bombardier.com/en/media/news/bombardier-highlights-innovative-transport-solutions-worlds-largest-rail-show>).

сит конкурентоспособность бизнеса, что в конечном итоге сформирует более устойчивую и процветающую экономику. Некоторые эксперты, например, призывают правительство разработать программы в сфере цифровой политики, которые непосредственно связаны с климатическими мерами. Исследователи считают, что внедрение перспективных цифровых экологически чистых решений позволит Канаде занять лидирующие позиции в мире в этой области⁶.

Канада, хотя и стремится стать одним из лидеров в сфере развития зеленой экономики и противостояния вызовам изменения климата, значительно отстает даже от своих союзников по «Большой семерке»⁷ и «Большой двадцатке»⁸. Целый ряд экспертов отмечает, что цифровая экономика способна стать катализатором развития устойчивой зеленой экономики [Cutean, Matthews, O'Neill 2022]. Другие аналитики предлагают усилить законодательство об интеллектуальной собственности⁹, а также выстроить значимые и взаимовыгодные партнерские отношения с общинами коренных народов [Jackson 2022]. В следующей части будут рассмотрены основные программы в стратегии федерального правительства по стимулированию развития зеленых секторов экономики, сокращению выбросов и борьбе с климатическими изменениями.

Федеральные программы и инициативы

Канадское правительство разработало комплексную стратегию, которая включает в себя инвестиции в возобновляемые источники энергии (гидроэнергетику, солнечную энергию, энергию ветра), проекты по повышению энергоэффективности и созданию зеленой инфраструктуры, а также по формированию политики поощрения приоритетного использования зеленых технологий, в том числе в бизнес-сообществе. В частности, разработаны программы по сокращению выбросов и содействию устойчивому развитию, в которых вводится налог на выбросы углекислого газа, внедряется национальная система ограничения выбросов и торговли ими, а также разрабатывается национальный стандарт на экологически чистые виды топлива.

Развитие зеленой экономики в Канаде тесно связано с политикой устойчивого развития. В основе государственной зеленой стратегии лежат Федеральные стратегии устойчивого развития (последняя редакция рассчитана на период 2022–2026 гг.¹⁰). В документе обозначены 17 ключевых целей, среди них – расширение доступа к чистой энергии, сокращение выбросов и достижение нулевого уровня по ним, принятие мер по борьбе с изменением климата, поддержка инноваций и зеленой инфраструктуры и др. Как и в предыдущих стратегиях, в качестве модели действий предлагается внедрять экологически чистые технологии, формировать безопасные устойчивые сообщества и продолжать обеспечивать лидерство Канады в международных инициативах по регулированию химических веществ, борьбе с загрязнением воздуха и разработке стратегий сокращения выбросов.

⁶ Digital Policy and Climate Change. FarrPoint. May 2022. (https://www.farrpoint.com/uploads/store/mediaupload/492/file/Digital_Policy_and_Climate_Change_Report_FarrPoint_2022.pdf).

⁷ 2022 EPI Results. Environmental Performance Index. (<https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi>).

⁸ Climate Change Performance Index 2021. CCPI. (<https://ccpi.org/ranking/>).

⁹ The Money is Here: Using Patents to Secure Cleantech Investment. Bereskin & Parr. December 14, 2021. (<https://www.bereskinparr.com/doc/-the-money-is-here-using-patents-to-secure-cleantech-investment>).

¹⁰ Federal Sustainable Development Strategy for Canada 2022–2026. Government of Canada. 2022. (<https://www.fdsd-sfdd.ca/downloads/2022%20to%202026%20Federal%20Sustainable%20Development%20Strategy.pdf>).

Такую модель претворяют в жизнь с помощью различных программ, которые предусматривают:

- экологически и социально ответственное освоение природных ресурсов;
- развитие науки и новых технологий, проведение научных исследований в области загрязнения воздуха и анализ механизмов управления рисками для здоровья населения;
- создание регулирующих инструкций для мер защиты от разного рода загрязнений, разработку и имплементацию законов, нормативно-правовых актов, правил по ограничению выбросов загрязняющих агентов;
- поддержку и поощрение субъектов промышленного и транспортного секторов, соблюдающих правила;
- развитие сотрудничества с провинциями и территориями для совместной разработки инициатив по управлению рисками в области защиты окружающей среды, обеспечению сокращения выбросов парниковых газов в транспортном, промышленном и энергетическом секторах;
- углубление сотрудничества с партнерами на международном уровне, в том числе в сфере управления химическими веществами и сокращения трансграничного загрязнения воздуха.

Всеобъемлющая стратегия Канады по развитию зеленой экономики представляет собой систему правительственных программ, которую исследователи называют «Зеленым новым курсом» [Соков 2022]. Среди таких программ выделяется Канадский климатический план (Canada's climate plan)¹¹, который включает в себя различные целевые инициативы по введению налога на выбросы углерода, сокращению выбросов парниковых газов, инвестированию в возобновляемые источники энергии и повышению энергоэффективности инфраструктуры. Канадское правительство прилагает значительные усилия, чтобы достичь эти цели, о чем свидетельствует ее высокая позиция в глобальном рейтинге экологической устойчивости – 14-е место из 34 стран ОЭСР с высоким уровнем дохода [Aliakbari 2023].

Канадская политика в сфере зеленой экономики стремится включить в дискуссию гражданское общество, проводя консультации со всеми провинциями и территориями, в том числе представителями коренных сообществ. Таким образом в 2016 г. была создана первая общенациональная «Панканадская рамочная программа по чистому росту и изменению климата» (Pan-Canadian Framework on Clean Growth and Climate Change)¹². Она представляет собой комплексный план федерального центра, правительств провинций и территорий по сокращению выбросов, увеличению использования возобновляемых источников энергии и повышению энергоэффективности. Ключевой мерой этой программы выступает углеродный налог, который налагают на производителей энергии и промышленные предприятия. Полученные средства направляют на развитие чистых источников энергии. Программа содержит ряд инициатив по регулированию выбросов в нефтяной и газовой промышленности. В частности, совершенствуются технологии добычи и переработки нефти и газа, что позволяет сократить выбросы парниковых газов в этих отраслях. Также по программе выделено финансирование на экологически чистые технологии и возобновляемые источники энергии.

На международном уровне канадское правительство взяло на себя обязательства согласно Парижскому соглашению по климату от 12 декабря 2015 г. Для его имплемен-

¹¹ Climate change: our plan. Government of Canada. (<https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/climate-plan.html>).

¹² Pan-Canadian Framework on Clean Growth and Climate Change. First Ministers' Meeting and Meeting with National Indigenous Leaders. 2016. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2022/eccc/En1-77-2020-eng.pdf).

тации были созданы различные фонды, например, Фонд низкоуглеродной экономики (LCEF), который предоставляет финансирование проектам по сокращению выбросов и переходу к низкоуглеродной экономике в провинциях и территориях. Фонд зеленой инфраструктуры (GIF), привлекая дополнительные инвестиции от других партнеров, поддерживает проекты в сфере экологически чистой инфраструктуры (очистка сточных вод, производство и передача экологически чистой энергии, инфраструктура твердых отходов, передача и хранение углерода).

Вместе с тем переход на зеленые технологии обозначился в Канаде еще до Парижского соглашения. Данная инициатива во многом исходила от регионов. Например, на основе апрельской Квебекской декларации 2015 г. (Declaration of the Premiers of Canada)¹³ в июле того же года провинции и территории совместно разработали программу по устойчивому энергетическому развитию – Канадскую энергетическую стратегию (Canadian Energy Strategy)¹⁴. Она стала нормативной базой для углубления регионального сотрудничества по внедрению инновационных энергетических решений. В частности, программа нацелена на развитие солнечной и ветровой энергии, улучшение энергоэффективности зданий и транспорта, а также поддерживает инвестиции в исследования и разработки чистых технологий.

В соответствии с Ванкуверской декларацией 2016 г. (Vancouver Declaration on Clean Growth and Climate Change)¹⁵ провинции и территории обязались выполнить условия Парижского соглашения, формируя конкретные инициативы в рамках Панканадской рамочной программы. В результате Канада должна достичь глобального лидерства в сфере экологически чистого роста. Те же задачи обозначены в национальной «Водородной стратегии» (Hydrogen Strategy for Canada)¹⁶, опубликованной в 2020 г. Цели инициативы – развить производство водорода с использованием экологически чистой энергии, достичь нулевого уровня выбросов к 2050 г. и выйти на лидирующие позиции в сфере возобновляемого топлива.

Эффективная государственная политика и программы позволяют стране поддерживать экономическую стабильность, в то же время снижая вредное воздействие на окружающую среду. Исследователи отмечают, что одним из ключевых факторов устойчивого развития выступают зеленые технологии, в том числе экологически чистая энергетика, основанная на возобновляемых источниках энергии [Минтаева, Голденева, Слободчикова 2021]. Канада имеет огромный потенциал для производства солнечной, ветровой и гидроэнергии. Федеральное правительство вложило миллиарды долларов в развитие возобновляемой энергетики, что позволило создать новые рабочие места и уменьшить углеродные выбросы. Кроме того, Канада – один из крупнейших потребителей энергии в мире, и повышение энергоэффективности зданий может значительно сократить потребление энергии и выбросы углерода. Также правительство активно развивает транспортную инфраструктуру на основе возобновляемых источников энергии.

¹³ Declaration of the Premiers of Canada. Government of Quebec. April 14, 2015. (<https://www.environnement.gouv.qc.ca/changementsclimatiques/sommet2015/pdf/declaration-sommetcc-ang.pdf>).

¹⁴ Canadian Energy Strategy. Government of Manitoba. July 2015. (https://www.gov.mb.ca/sd/environment_and_biodiversity/energy/pubs/canadian_energy_strategy.pdf).

¹⁵ Vancouver Declaration on clean growth and climate change. First Ministers' Meeting. Canadian Intergovernmental Conference Secretariat. March 3, 2016. (<https://scics.ca/en/product-produit/vancouver-declaration-on-clean-growth-and-climate-change/>).

¹⁶ Hydrogen Strategy for Canada. Government of Canada. December, 2020. (https://natural-resources.canada.ca/sites/nrcan/files/environment/hydrogen/NRCan_Hydrogen-Strategy-Canada-na-en-v3.pdf).

Государство разработало ряд инструментов для достижения поставленных целей, улучшения качества жизни и защиты окружающей среды, среди которых:

- канадская программа по инновационным технологиям в сфере экологически чистой энергетики (Energy Innovation Program)¹⁷, которая предоставляет средства на исследования и разработки в областях солнечной и ветроэнергетики, энергоэффективности и т.д.;
- программа «Чистая энергетика для сельских и отдаленных сообществ» (Clean Energy for Rural and Remote Communities Program, 2017 г.)¹⁸ способствует развитию возобновляемых источников энергии в отдельных регионах за счет финансовой поддержки установки солнечных и ветряных систем и внедрения мер энергоэффективности зданий;
- программа повышения энергоэффективности зданий за счет внедрения инновационных технологий – энергосберегающих ламп, утепления стен и солнечных панелей и др. (Energy Efficiency for Buildings)¹⁹;
- программа по созданию новых рабочих мест для молодых людей в природно-ресурсном секторе экономики, в том числе в области энергетики, горнодобывающей промышленности, лесном хозяйстве и производстве экологически чистых технологий (Green Jobs in Natural Resources)²⁰;
- программа мер стимулирования покупки и использования электромобилей (Canada's Action Plan for Clean On-Road Transportation) при установлении целевого порога количества продаваемых автомобилей с нулевым уровнем выбросов (20% к 2026 г., 60% к 2030 г., 100% – к 2035 г.). Программа включает механизмы субсидирования покупок электромобилей, установки зарядных станций и др.²¹.

Еще одно значительное направление политики в данном векторе – популяризация зеленых идей среди канадского населения. Разработаны и действуют различные меры по стимулированию экологичного потребления, в частности, программа «Энергоэффективность для дома». Она предоставляет канадцам финансовую поддержку для установки зеленых технологий в жилых помещениях: энергосберегающие окна и двери, а также энергоэффективные системы отопления – например, тепловые насосы и солнечные батареи (Canada Greener Homes Initiative)²².

Существуют также меры поддержки экологичных практик на федеральном и региональном уровнях. К ним можно отнести налог на выбросы углекислого газа, меры по стимулированию экологически чистого транспорта, поддержка исследований в сфере зеленых технологий и энергоэффективности, а также программы по информированию граждан и бизнеса об экологически устойчивых практиках. Меры по повышению осведомленности об экологических проблемах представляют собой важное направление политики в сфере развития зеленой экономики. Правительство начало целую просветительскую кампанию о влиянии углеродных выбросов на изменение климата и о том, какой вклад граждане могут внести в решение этих проблем.

¹⁷ Energy Innovation Program (EIP). Government of Canada. (<https://natural-resources.canada.ca/science-and-data/funding-partnerships/funding-opportunities/funding-grants-incentives/energy-innovation-program/18876>).

¹⁸ Clean Energy for Rural and Remote Communities Program. Government of Canada. (<https://natural-resources.canada.ca/reducingdiesel/>).

¹⁹ Energy efficiency for buildings. Government of Canada. (<https://natural-resources.canada.ca/energy-efficiency/buildings/20671>).

²⁰ Green Jobs in Natural Resources. Government of Canada. (<https://natural-resources.canada.ca/climate-change/canadas-green-future/green-jobs/87>).

²¹ Canada's Action Plan for Clean On-Road Transportation. Government of Canada. December 2022. (<https://tc.canada.ca/en/road-transportation/publications/canada-s-action-plan-clean-road-transportation>).

²² Canada Greener Homes Initiative. Government of Canada. (<https://natural-resources.canada.ca/energy-efficiency/homes/canada-greener-homes-initiative/24831>).

Роль провинций и территорий

Канада представляет собой федеративное государство. Соответственно, в области развития зеленой экономики полномочия специфически распределены между федеральным центром, провинциями, территориями и муниципалитетами. Провинции и территории обладают существенными полномочиями в сфере природных ресурсов и охраны окружающей среды [Cairns 1992]. Так, они формируют и претворяют в жизнь инициативы по устойчивому развитию, созданию экологически чистых систем или защиты водных ресурсов. Каждая провинция и территория разрабатывает экологическую политику, учитывая региональные приоритеты. Они предпринимают все больше усилий для достижения целей устойчивого развития и охраны окружающей среды. Так, одна из задач – снизить выбросы и сократить зависимость от нефтегазовой промышленности – представляет собой важное направление политики правительств на уровне регионов.

Как правило, экономика провинций и территорий с наибольшей численностью населения опирается на добычу полезных ископаемых или использование ископаемого топлива для генерации электроэнергии, что значительно повышает уровень выбросов парниковых газов. Так, в 2021 г. на пять провинций (Альберта, Онтарио, Квебек, Саскачеван и Британская Колумбия) пришлось 91%²³ от всех выбросов парниковых газов в стране (рис. 1).

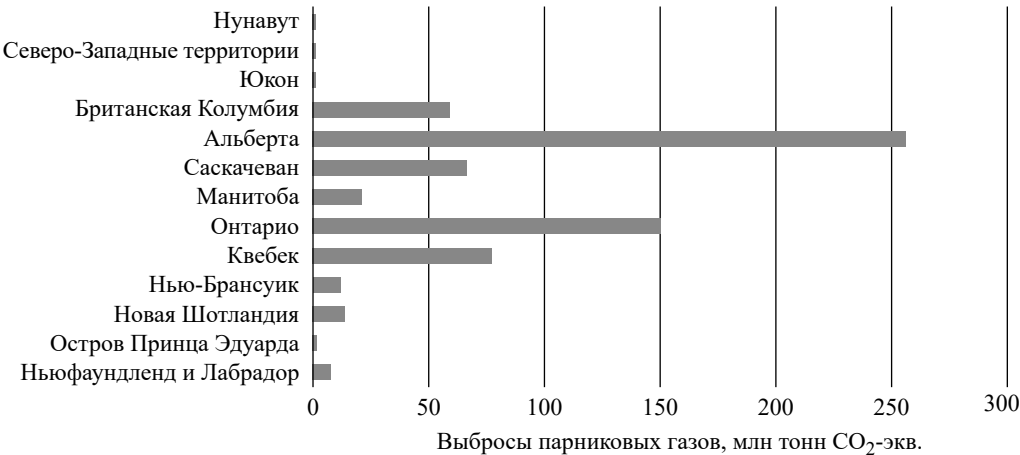

Рисунок 1. Выбросы парниковых газов в регионах за 2021 г.

Figure 1. Greenhouse gas emissions in the regions for 2021

Источник: *Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).*

Source: *Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).*

²³ Canada’s official greenhouse gas inventory – Main page. Government of Canada. (<https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/climate-change/greenhouse-gas-emissions/inventory.html>).

Статистика по провинции Альберта подтверждает, что нефтегазовая отрасль остается крупнейшим движителем ее экономики: на нее приходится 16% ВВП региона²⁴. Правительство предпринимает значительные усилия по диверсификации экономики, чтобы снизить зависимость от нефтяной промышленности. Провинция постепенно переходит на производство альтернативных источников энергии и стремится достичь статуса одного из самых экологически чистых регионов мира. Как показывают исследования, наибольшим потенциалом с точки зрения привлечения иностранных инвестиций в развитие чистых технологических решений, создание зеленых рабочих мест и организацию зеленого предпринимательства обладают следующие отрасли: сельское хозяйство, цифровизация, технологии для улавливания, использования и хранения диоксида углерода, электрификация, энергоэффективность, технологии по производству и использованию водорода²⁵.

Также значительными выбросами парниковых газов отличается провинция Британская Колумбия. В ней исторически развивалась ресурсо-ориентированная экономика, основанная на лесной промышленности, сельском хозяйстве, горнодобывающей отрасли и использовании природного газа. С 2018 г. провинция взяла на себя обязательства по сокращению выбросов и защите окружающей среды²⁶. На основе стратегии 2018 г. были приняты два плана: Дорожная карта до 2030 г.²⁷ и Стратегия обеспечения готовности к изменению климата и адаптации к нему²⁸. Британская Колумбия намерена до 2030 г. сократить выбросы на 40% и полностью избавиться от них к 2050 г. Правительство планирует внедрить систему возобновления ресурсов (экономика замкнутого цикла), увеличить использование чистых источников энергии вместо газа и дизельного топлива и др. Сегодня значительная доля производств переходит на зеленую энергетику, в том числе на гидроэлектростанции или солнечные панели. Стратегия Британской Колумбии включает в себя амбициозные цели в области энергоэффективности (в том числе в строительной области), а также меры стимулирования предпринимателей и инвесторов, которые создают спрос на низкоуглеродные технологии.

Еще одним важным направлением развития зеленой экономики на региональном уровне выступает снижение выбросов в сфере транспортных перевозок. Например, в провинции Онтарио крупнейшим источником выбросов является транспорт: автомобильные перевозки (бензин, пропан), гражданская авиация, железнодорожный транспорт и морская навигация. Эта категория составляет 35% от общего их показателя²⁹. Правительство предпринимает ряд мер, в том числе расширяя сеть станций зарядки для электромобилей, а также вводя в эксплуатацию общественные зарядные станции с бесплатной зарядкой³⁰.

²⁴ Highlights of the Alberta Economy. Open Government Program. (<https://open.alberta.ca/dataset/10989a51-f3c2-4dc8-bac0f-f07ad88f9b3b/resource/513eef5f-aa53-4cde-888d-8e52822b6db4/download/sp-eh-highlightsabeconomypresentation.pdf>).

²⁵ Alberta energy transition could grow the green economy by \$61B. Environment Journal. January 6, 2022. (<https://environmentjournal.ca/alberta-energy-transition-could-grow-the-green-economy-by-61b/>).

²⁶ CleanBC. Our nature. Our Power. Our future. Government of British Columbia. 2018. (https://www2.gov.bc.ca/assets/gov/environment/climate-change/action/cleanbc/cleanbc_2018-bc-climate-strategy.pdf).

²⁷ CleanBC Roadmap to 2030. Government of British Columbia. 2021. (https://www2.gov.bc.ca/assets/gov/environment/climate-change/action/cleanbc/cleanbc_roadmap_2030.pdf).

²⁸ Climate Preparedness and Adaptation Strategy. Government of British Columbia. 2022. (<https://www2.gov.bc.ca/assets/gov/environment/climate-change/adaptation/cpas.pdf>).

²⁹ Ontario's Climate Change Strategy. Government of Ontario. (<https://docs.ontario.ca/documents/4928/climate-change-strategy-en.pdf>).

³⁰ Ontario Expands Electric Vehicle Charging Stations. News Release. Government of Ontario. June 12, 2023. (<https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/environmental-indicators/greenhouse-gas-emissions.html#DSM>).

Таким образом, на региональном уровне Канада разрабатывает и проводит разнообразные программы по устойчивому развитию, достижению нулевого порога выбросов парниковых газов и защите окружающей среды. В то же время немаловажную роль в этом процессе играет федеральная политика и инициативы по поддержке провинций и территорий [Jonathan, Samson, Gibson, Ding, Felder 2022]. Так, сельскохозяйственный сектор представляет собой один из основных источников канадских провинций и территорий. В нем существуют значительные возможности для развития «зеленой» экономики – например, переход на чистые источники энергии (солнечная или ветряная энергетика). В апреле 2023 г. федеральное правительство, провинции и территории заключили соглашение «Устойчивое сельскохозяйственное партнерство» до 2028 г. (Sustainable Canadian Agricultural Partnership). В основном оно направлено на повышение конкурентоспособности и устойчивости сельскохозяйственной отрасли, а также на развитие инновационных технологий³¹.

Муниципалитеты создают законодательные собрания провинций, делегируя им часть своих полномочий³². Соответственно, у них, как у низового уровня власти, полномочия в сфере зеленого развития ограничены. Тем не менее, муниципальные власти вносят в нее важный вклад, разрабатывая местные планы по сбору, утилизации и переработке отходов, программы поддержки производителей экологически чистых товаров и услуг и др.

В вопросах сокращения выбросов и повышения энергоэффективности полномочия муниципальных властей расширяются. Примером могут служить программы поддержки микрогенерации, которые позволяют гражданам удовлетворять собственные потребности в электроэнергии, производя ее из возобновляемых источников, а также продавать избыточную электроэнергию в муниципальные сети³³. На уровне муниципальных властей действуют инфраструктурные проекты в сфере энергоэффективности, в частности, по установке солнечных батарей и другого специального оборудования для генерации чистой энергии. Введены программы по использованию транспортных средств с нулевым уровнем выбросов (электротранспорт, общественные велосипеды и т.д.). Таким образом, управление энергетикой на муниципальном уровне представляет собой часть целостной стратегии Канады по зеленому развитию и противостоянию угрозам, связанным с климатическими изменениями.

Общество и зеленая экономика

Хотя усилия канадского правительства по продвижению зеленой экономики выступают одним из основных направлений политики, полностью убедить граждан в необходимости экологичного поведения и защиты окружающей среды пока не удастся. Переход на зеленые технологии осложняется их дороговизной и недоступностью для части населения. Однако, как показывают различные исследования общественного мнения, общество все сильнее поддерживает правительственные меры по стимулированию развития зеленых отраслей экономики и экологичного потребления.

³¹ Sustainable Canadian Agricultural Partnership. Government of Canada. 2023. (<https://agriculture.canada.ca/en/departement/initiatives/sustainable-canadian-agricultural-partnership>).

³² The constitutional distribution of legislative powers. Government of Canada. (<https://www.canada.ca/en/intergovernmental-affairs/services/federation/distribution-legislative-powers.html>).

³³ Micro-generation. Government of Alberta. (<https://www.alberta.ca/micro-generation.aspx>).

Так, общеканадский опрос, проведенный еще в 2019 г., показал, что более 60% канадцев поддерживают увеличение государственного финансирования программ для решения проблем изменения климата, инвестиций в чистую энергетику, зеленые технологии и электрификацию³⁴. Темой опроса стала инициатива под названием «Новый зеленый курс» (Green New Deal), которую выдвинули в США³⁵. С одноименной инициативой в мае 2019 г. выступили представители канадского научного сообщества, профсоюзы, коренные сообщества и молодые люди. Они призвали полностью перейти на использование возобновляемых источников энергии и сократить выбросы вдвое к 2030 г. Также авторы инициативы предлагают создать 1 млн. рабочих мест в зеленой экономике и интенсифицировать взаимодействие с коренными народами в этой сфере³⁶. Большинство респондентов поддержали идею об углеродно-нейтральном статусе Канады к 2050 г. В ответ на общественный запрос и в целях выполнения Парижского соглашения в середине 2021 г. был принят Закон о нулевых выбросах (Canadian Net-Zero Emissions Accountability Act)³⁷. План сокращения выбросов до 2030 г. (The 2030 Emissions Reduction Plan)³⁸, обнародованный в марте 2022 г., обязывает правительство достичь нулевого уровня к 2050 г.

Канадское общество широко поддерживает данную тематику, потому что осознает, как важно бороться с проблемами, связанными с изменением климата, и защищать окружающую среду. Канадцы постоянно ощущают на себе последствия климатических изменений – в частности, участившиеся лесные пожары, наводнения и подтопления. Согласно исследованию 2021 г., 84% респондентов говорят о негативном влиянии экстремальных погодных условий на их жизнь³⁹. Кроме того, для канадской нации характерно бережно относиться к природе и миру диких животных, поэтому население в целом поддерживает меры правительства, направленные на их сохранение. Даже такие конкретные меры, как введение цен на углерод и финансирование программ в сфере возобновляемых источников энергии, получают широкую общественную поддержку.

Кроме того, канадское общество одобряет инициативы правительства по внедрению инноваций и разработке новых технологий в экономике в целом, в том числе в развитии зеленой экономики. Так, международное исследование общественного мнения по проблемам изменения климата от 2022 г. показало, что канадцы не только поддерживают правительство, но и выступают за то, чтобы Канада занимала лидирующие позиции в этой сфере⁴⁰. Большая часть населения осознает, что цена неуклонно усиливающихся угроз, связанных с климатическими изменениями и загрязнением окружающей среды, гораздо выше, чем затраты на правительственные программы по их нивелированию.

³⁴ North99Green New Deal Poll. Abacus Data. April 2019. (<https://www.dropbox.com/s/10w3w4j8azwvsid/North99%20Green%20New%20Deal%20Results.pdf?dl=0>).

³⁵ H.Res.332 – Recognizing the duty of the Federal Government to create a Green New Deal. Congress. gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-resolution/332>).

³⁶ Green New Deal. The Council of Canadians. (<https://canadians.org/tag/greennewdeal/>).

³⁷ Canadian Net-Zero Emissions Accountability Act. Justice Laws Website. 2021. (<https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-19.3/fulltext.html>).

³⁸ The 2030 Emissions Reduction Plan. Government of Canada. 2022. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2022/eccc/En4-460-2022-eng.pdf).

³⁹ Canadians Agree We Need to Do More on Climate, But Divided on Whether Economy Should Suffer as a Result. Ipsos. August 26, 2021. (<https://www.ipsos.com/en-ca/news-polls/canadians-agree-we-need-to-do-more-on-climate>).

⁴⁰ International Public Opinion on Climate Change. Yale Program on Climate Change Communication. Yale School of the Environment. 2022. (<https://climatecommunication.yale.edu/wp-content/uploads/2022/06/international-public-opinion-on-climate-change-2022a.pdf>).

Для достижения задач по развитию зеленой экономики большое значение имеет углубление сотрудничества с частным сектором и институтами гражданского общества. Они получают возможность участвовать в определении сфер взаимного интереса для достижения общих целей. Кроме того, малое и среднее предпринимательство играет значительную роль в коммерциализации чистых технологических решений и экологических практик. На федеральном уровне функционирует целый ряд программ, на основании которых предоставляют финансовую поддержку исследовательским проектам и разработкам, а также формируют соответствующую нормативно-правовую базу для их применения. Кроме того, отдельные институты гражданского общества могут повышать уровень осведомленности канадцев о целях развития зеленой экономики и преимуществах, которые они могут получить от перехода к низкоуглеродным технологиям.

Канадское правительство добилось значительного прогресса в сфере развития зеленой экономики и борьбе с загрязнением окружающей среды, но все еще существует ряд проблем и препятствий. Их придется устранять, чтобы достигнуть лидерства в области чистых технологий.

Проблемы и вызовы

В Канаде сформирован широкий спектр мер по противодействию угрозам, связанным с климатическими изменениями, сокращению выбросов и полному переходу экономики и общества на зеленые технологические решения. Однако некоторые проблемы остаются на повестке дня. Одним из ключевых вызовов – остается зависимость от нефтегазовой отрасли [Хорошилов 2020], которая представляет собой основной источник выбросов парниковых газов. В соответствии со статистическими данными, в 2021 г. на нефтегазовый сектор пришлось 28% выбросов, на транспортный – 22%⁴¹.

С 1990 по 2021 гг. в ряде отраслей возросли выбросы парниковых газов: в нефтегазовой (на 88%), сельскохозяйственной (на 39%), транспортной (на 27%) и строительной (на 21%) (рис. 2).

В других секторах экономики было зафиксировано значительное снижение показателя – в частности, в энергетике (на 45%), тяжелой промышленности (на 22%) и в категории «отходы и прочее» (на 14%) (рис. 3).

Очевидно, что диверсификация и финансирование проектов по развитию чистой энергетики останутся приоритетными областями для правительства, так как нефтегазовая промышленность значительно влияет на зеленое развитие экономики Канады.

Другое препятствие на пути зеленых проектов лежит в организационной и координационной плоскостях. Сотрудничество между различными институтами власти на федеральном и региональном уровнях, а также между отраслями экономики затрудняется из-за разнородности потребностей субъектов, поставленных целевых показателей и соответствующей политики. Частный сектор и гражданское общество также имеют свои приоритеты, интересы и возможности для их претворения в жизнь, которые отличаются от целей правительства. Например, внедрение «чистых» технологий и зеленые инфраструктурные проекты дорого стоят, что представляет собой еще одну проблему для канадского правительства. Власти пытаются ее решить, например, предоставляя финансовую поддержку предприятиям и физическим лицам. Однако первоначальные затраты

⁴¹ Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).

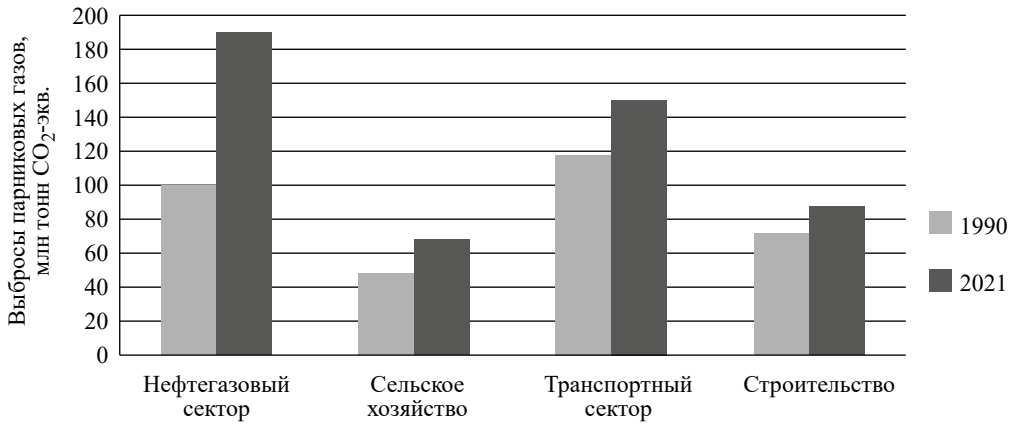

Рисунок 2. Рост выбросов по секторам

Figure 2. Growth of greenhouse gas emissions by sectors

Источник: Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).

Source: Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).

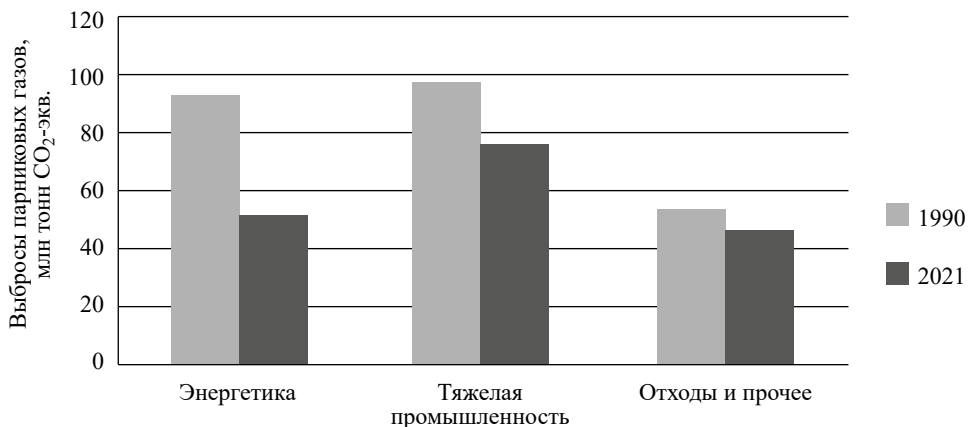

Рисунок 3. Снижение выбросов по секторам

Figure 3. Reduction of greenhouse emissions by sectors

Источник: Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).

Source: Environment and Climate Change Canada (2023). National Inventory Report 1990-2020: Greenhouse Gas Sources and Sinks in Canada. Government of Canada. (https://publications.gc.ca/collections/collection_2023/eccc/En81-4-2021-1-eng.pdf).

для некоторых адресатов такой поддержки (малых и средних предприятий) остаются слишком высокими, что сказывается на их возможности инвестировать в дорогостоящее оборудование или технологии.

Многие участники перехода к зеленой экономике – от федеральных и провинциально-территориальных ведомств до гражданских институтов и частного сектора – могут негативно влиять на институциональные механизмы в силу проблем с координацией и дублированием аналитических оценок. Такая ситуация потенциально снижает результативность принятия политических решений. Сами решения и зеленые проекты также зачастую становятся предметом ожесточенных дискуссий на уровне провинций и деловых кругов. В качестве примера можно привести постановление Верховного суда Канады от октября 2023 г., согласно которому Закон об оценке воздействия на окружающую среду (Impact Assessment Act), разработанный либеральным правительством Дж. Трюдо, нарушает юрисдикцию провинций в отношении природных ресурсов, и, соответственно, является неконституционным⁴².

Решение суда вызвало неоднозначную реакцию на уровне провинций и в бизнес-кругах. Так, Британская Колумбия, Квебек, Ньюфаундленд и Лабрадор выразили разочарование этим решением в силу того, что закон должен был стать важным инструментом защиты окружающей среды, соблюдения прав коренных народов и оценки воздействия крупных проектов на экологию. В то же время Альберта и Саскачеван приветствовали это решение, утверждая, что выполнение положений закона было бы обременительным и дорогостоящим для бизнес-сообщества, которое также выражало обеспокоенность в связи с его принятием.

Данное постановление повлияет на то, как будут оцениваться крупные проекты в Канаде, а также будет иметь последствия для национального экологического законодательства. Помимо прочего, оно создало неопределенность для предприятий и инвесторов, которые планируют крупные проекты в Канаде. Поскольку в каждой провинции действуют свои собственные положения об экологической оценке, разработка крупных проектов с межпровинциальной направленностью может стать сложнее и дороже.

Кроме того, теперь федеральному правительству нужно будет сотрудничать с провинциями при разработке новых законов об экологической экспертизе, которые должны будут соответствовать постановлению Верховного суда. В результате может возрасти количество судебных разбирательств, поскольку провинции и федеральное правительство оспаривают полномочия в области охраны окружающей среды.

Еще одним препятствием для развития зеленой экономики выступает географическое положение страны и суровые климатические условия в некоторых регионах. Данный фактор создает объективные трудности для внедрения чистых технологий и строительства зеленой инфраструктуры, например, в отдаленных северных сообществах. В результате выполнение правительственных программ и достижение целей устойчивого развития может замедлиться.

Заключение

Многие развитые страны разрабатывают зеленые стратегии, которые представляют собой эволюционное продолжение комплексного подхода к целям устойчивого развития. Канада – одна из таких стран. Она разрабатывает инновационные механизмы и технологии в экономике, экологии и сфере государственного управления, совершенствуя норма-

⁴² Reference re Impact Assessment Act. Supreme Court of Canada. October 13, 2023. (<https://www.scc-csc.ca/case-dossier/cb/2023/40195-eng.aspx>).

тивно-правовую базу в сфере защиты окружающей среды, внедряя эффективные экологически чистые инструменты и практики, которые способствуют сокращению выбросов парниковых газов и повышению энергоэффективности на местах.

Власти уделяют много внимания проблемам развития зеленой экономики, эффективного потребления, сохранения энергии и развития возобновляемых источников как на федеральном, так и региональном уровнях. Правительства стремятся повсеместно внедрять экологически чистые технологии, а также обеспечивать население доступной, надежной, устойчивой энергией – в том числе через механизмы, которые увеличивают долю альтернативных источников энергии в общем объеме электроснабжения.

Власти на всех уровнях предпринимают конкретные меры по следующим условным направлениям:

- нормативно-правовое: развитие и внедрение норм по ограничению выбросов парниковых газов;
- информационное: создание и распространение информационных инструментов для принятия эффективных решений в области изменения климата и экологически чистой энергетики;
- научно-технологическое: научные исследования и анализ методов борьбы с выбросами парниковых газов в энергетическом секторе; финансовая поддержка разработки технологий сокращения потребления энергии в горнодобывающей промышленности; расширение инвестиций в исследования и разработку экологически чистых технологий в области электроэнергетики, нефтегазовом секторе и автомобильной промышленности; финансирование инновационных технологий хранения энергии и др.;
- программно-стратегическое: разработка программ для снижения выбросов метана в нефтегазовом секторе, механизмы повышения энергоэффективности в сфере канадского жилищного фонда и промышленном секторе, программы поддержки производства возобновляемой энергии и технологий энергоэффективности, программы стимулирования частных предприятий к внедрению экологически чистых технологий через ускоренное снижение капитальных затрат на экологически чистое производство энергии;
- региональное и международное сотрудничество: углубление кооперации с региональными правительствами и частным сектором для стимуляции развития экологически чистых и возобновляемых источников энергии; разработка перспективных совместных проектов и использование экологически чистых и возобновляемых ресурсов на региональном уровне; содействие международному сотрудничеству для развития экологически чистой энергии, интеграции энергетических ресурсов и источников возобновляемой энергии, повышения энергоэффективности, надежности, устойчивости и безопасности сетей энергоснабжения.

Таким образом, стратегии, программы и инициативы федерального и провинциально-территориального уровней значительно воздействуют на разные секторы экономики – энергетический, жилищный, промышленный, нефтегазовый, транспортный и сферу частного предпринимательства. Зеленая экономика и экологически чистые технологии представляют собой перспективные направления канадского государственного развития.

Канадский подход в этой области характеризуется тем, что страна использует возможности на всех уровнях – от провинциального до местного, объединяя их потенциалы, чтобы выполнять свои обязательства в сфере развития экологически чистой экономики. С одной стороны, федеральное правительство разрабатывает национальные стратегии, с другой, провинции и территории выступают с инициативами по сокращению выбросов, с третьей, – муниципалитеты, частный сектор и представители гражданского общества активно включаются в процесс внедрения зеленых технологий. Такой многоуровневый

подход, усиление сотрудничества и приверженность общей цели значительно повышают эффективность проводимых мер и способствуют более устойчивому развитию Канады, которая стремится к мировому лидерству в сфере зеленой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Минтаева Э.И., Голденова В.С., Слободчикова И.В. (2021) «Зеленые» технологии как фактор устойчивого развития национального государства // Научные труды ВЭО России. Том 230. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-423-430>

Mintaeva E.I., Goldenova V.S., Slobodchikova I.V. (2021) “Zeleny’e” tehnologii kak faktor ustojchivogo razvitiya nacional’nogo gosudarstva [Green Technologies as a Factor in the Sustainable Development of a National State]. *Nauchnye trudy VE’O Rossii*. Vol. 230. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-423-430> (In Russ.)

Соков И.А. (2022) «Зеленый новый курс» США и Канады в 2021 году // Россия и Америка в XXI веке. Выпуск № 2. <https://doi.org/10.18254/S207054760019832-2>

Sokov I.A. (2022) “Zelyony’j novy’j kurs” SShA i Kanady` v 2021 godu [Green New Deal in the USA and Canada in 2021]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*. Issue 2. <https://doi.org/10.18254/S207054760019832-2> (In Russ.)

Трефилова Ю. (2021) Зеленый путь для избранных? // Российский совет по международным делам. 19.02.2021. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/zelenyy-put-dlya-izbrannykh/>)

Trefilova Yu. (2021) Zeleny’j put` dlya izbrannyh? [Green Path for the Elite?]. *Rossiiskij sovet po mezhdunarodny’m delam*. 19.02.2021. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/zelenyy-put-dlya-izbrannykh/>) (In Russ.)

Хорошилов Е.Е. (2020) Механизмы устойчивого финансирования: опыт Канады // Экономические системы. № 4. С. 230–243.

Horoshilov E.E. (2020) Mexanizmy` ustojchivogo finansirovaniya: opyt Kanady [Sustainable Finance Mechanisms: Canadian Experience]. *Ekonomicheskie sistemy*. no. 4, pp. 230–243. (In Russ.)

Aliakbari M. (2023) Environmental Ranking for Canada and the OECD: Third Edition. Fraser Institute. (<https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/environmental-ranking-for-canada-and-the-oecd-3rd-edition.pdf>)

Cairns R.D. (1992) Natural Resources and Canadian Federalism: Decentralization, Recurring Conflict, and Resolution // *Publius*. no. 22. pp. 55–70.

Cutean A., Matthews M., O’Neill K. (2022) Thinking Green: Building a Sustainable Digital Economy for Canada. Information and Communications Technology Council (ICTC). (<https://www.digitalthinktank-ictc.com/reports/thinking-green#report>)

Jackson J. (2022) Collaboration: The Key to Canada’s Net Zero Transition. Canadian Science Policy Centre. December 2022. (<https://sciencepolicy.ca/posts/collaboration-the-key-to-canadas-net-zero-transition>)

Jonathan A., Samson R., Gibson S., Ding A., Felder M. (2022) Net Zero Opportunities: A Province-by-Province Comparison. Canadian Climate Institute. (<https://climateinstitute.ca/wp-content/uploads/2022/05/Provincial-summary-EN.pdf>)

O’Neill D.W. (2023) Herman E. Daly (1938–2022) // *Nature Sustainability*. no. 6. pp. 118–119. <https://doi.org/10.1038/s41893-022-01041-0>

Pearce D. (2002) An Intellectual History of Environmental Economics // *Annual Review of Energy and the Environment*. Vol. 27. November 2002. <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.27.122001.083429>

Aliakbari M. (2023) Environmental Ranking for Canada and the OECD: Third Edition. Fraser Institute. (<https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/environmental-ranking-for-canada-and-the-oecd-3rd-edition.pdf>)

Информация об авторе

Солянова Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: solyanova.maria@imemo.ru, solyanova.maria@gmail.com

About the author

Maria V. Solyanova, Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, 23 Profsoyuznaya st., Moscow, Russia. E-mail: solyanova.maria@imemo.ru, solyanova.maria@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 23.06.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 03.11.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 14.05.2024

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ POLITICAL STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Электоральное поведение российской молодежи цифрового поколения¹

© М.Л. ГАЛАС, Л.А. БРУШКОВА

Галас Марина Леонидовна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), lucera2008@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1523-8287

Брушкова Людмила Алексеевна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), lbrushkova@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3787-3791

Анализируется электоральное поведение российской молодежи цифрового поколения (в возрасте 18–24 года). Эмпирическую базу исследования составили данные межрегионального опроса молодежи, проведенного авторами в 2023 г., а также данные исследования ВЦИОМ 2024 г. В качестве особенности электорального поведения молодежи цифрового поколения установлен относительно невысокий уровень ее участия в избирательном процессе и в целом в общественно-политической деятельности. В то же время выявлена устойчивая тенденция к снижению абсентеизма молодежи, происходит формирование промежуточной группы с более позитивным отношением к выборам. При условии комплексных конструктивных действий со стороны государства и институтов гражданского общества эта группа может включиться в избирательный процесс. Исследование показало, что молодежь достаточно хорошо информирована относительно возможности онлайн голосования, хотя абсолютное большинство молодых людей в возрасте 18–25 лет не имеет практического опыта участия в дистанционном электронном голосовании. Обнаружена тенденция к снижению электоральной активности девушек цифрового поколения, которые и по другим показателям общественно-политической активности уступают юношам.

Ключевые слова: электоральное поведение, избирательное право, выборы, абсентеизм, молодежь, Россия, цифровое поколение, онлайн голосование

Цитирование: Галас М.Л., Брушкова Л.А. (2024) Электоральное поведение российской молодежи цифрового поколения // Общественные науки и современность. № 3. С. 82–96. DOI: 10.31857/S0869049924030067, EDN: ZWKGNG

¹ Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Funding. The article is the result of studies carried out due to budget funding of the state assignment for the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Electoral Behavior of Russian Youth of the Digital Generation

© M.L. GALAS, L.A. BRUSHKOVA

Marina L. Galas, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), lucera2008@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1523-8287

Lyudmila A. Brushkova, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), lbrushkova@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3787-3791

Abstract. The article is devoted to the analysis of the electoral behavior of Russian youth of the digital generation (aged 18–24 years). The empirical basis of the study was made up of data from an interregional youth survey conducted by the authors in 2023, as well as data from a WCIOM study in 2024. The relatively low level of their participation in the electoral process and in general in socio-political activities is considered as a feature of the electoral behavior of young people of the digital generation. At the same time, a steady trend towards a decrease in youth absenteeism has been identified, which is manifested in the formation of an intermediate group of young people with a more positive attitude towards elections. Subject to comprehensive constructive actions on the part of the state and civil society institutions, this group can be included in the electoral process. The study showed that young people of the digital generation are quite well informed about the possibility of online voting, although the vast majority of young people aged 18–25 years do not have practical experience in participating in remote electronic voting. For young people who ignore the institution of elections, the form of voting is not significant. A tendency has been discovered towards a decrease in the electoral activity of girls of the digital generation, who are inferior to young men in other indicators of socio-political activity.

Keywords: electoral behavior, the right to vote, elections, Russia, youth digital generation, online voting

Citation: Galas M.L., Brushkova L.A. (2024) Electoral Behavior of Russian Youth of the Digital Generation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 82–96. DOI: DOI: 10.31857/S0869049924030067, EDN: ZWKGNB (In Russ.)

С 2000-х гг. в России интенсивно развиваются информационные технологии, которые применяют во всех областях общественной жизнедеятельности. Интернет стал доминирующим каналом получения информации для целого поколения молодых людей, что существенно влияет на его социализацию. В настоящее время цифровое поколение осваивает инновационные технологии искусственного интеллекта.

В избирательную систему все активнее входит технология дистанционного электронного голосования (ДЭГ), которая может определенным образом повлиять на электоральное поведение молодежи вообще и цифрового поколения в частности.

Несмотря на выявленную исследователями тенденцию к электоральной активизации российской молодежи в 2022–2023 гг. и довольно высокий уровень ее электоральной активности в первом квартале 2024 г., серьезную озабоченность вызывает сохранение такого явления, как абсентеизм молодых людей в отношении участия в выборах. Анализ данных ВЦИОМ за февраль 2024 г.² (накануне президентских выборов) показал: только 56% представителей молодежи цифрового поколения готовы принять участие в выборах (против 70% в возрастной группе молодежи 25–35 лет). К абсентеистам могут быть отнесены 15% опрошенных молодых людей цифрового поколения (против 12% молодежи

² ВЦИОМ.: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/massiv_49690.zip.

в возрасте 25–35 лет). Среди респондентов цифрового поколения более высока и доля неопределившихся относительно предпочтительной кандидатуры (26% против 18% среди тех, кому 25–35 лет), в то время как тех, кто затруднился ответить на вопрос об участии в президентских выборах, в обеих молодежных группах было немного (2,6 и 2,7% соответственно).

Эффективное функционирование демократических институтов во многом зависит от участия населения в выборах, и снижение электоральной активности молодежи не может не вызывать озабоченность как исследователей, так и государства, общества в целом. В 2014 г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации приняла Молодежную электоральную концепцию³, основная цель которой – повысить уровень правовой культуры молодежи. Достижение этой цели требует использования всего спектра информационных каналов воздействия на молодое поколение, включая Интернет. Как показывает практика, с помощью интернет-ресурсов воздействие может быть и деструктивным – с целью сорвать избирательные кампании. Такие попытки, причем в беспрецедентном масштабе, применялись по отношению к России во время президентских выборов 2024 г. Следует отметить, что еще в 2020 г. Общероссийский форум молодежных избирательных комиссий рассматривал создание условий для формирования у молодежи умения самостоятельно определять электоральные предпочтения и ответственности за принимаемые решения⁴.

Прежде чем приступить к анализу основного предмета статьи, кратко охарактеризуем ключевые понятия исследования – электоральное поведение и электоральная активность.

Электоральное поведение населения может быть рассмотрено как с точки зрения электоральной активности (участие в голосовании, деятельность по реализации избирательного права), так и электоральной пассивности, или абсентеизма (отказ от участия в голосовании, электоральное бездействие, неучастие в выборах).

Электоральное поведение – это вид социально-политического поведения, совокупность действий и бездействий граждан, связанных с использованием своего права избирать и быть избранным, участвовать в референдумах. Граждане самостоятельно, по определенным мотивам и под влиянием различных факторов, могут принимать решение относительно участия или неучастия в выборах и голосовании. Электоральная активность – это осознанное принятие гражданином решения об участии (неучастии) в выборах посредством имеющихся в правовой системе средств и методов, которое основано на осознании собственных возможностей влиять на развитие страны, общества, на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Это реализация гражданами своего избирательного права, основным количественным показателем которой является явка на выборы.

В широком смысле электоральная активность – составляющая социально-политической деятельности. Ее элементы многообразны: интеллектуально-рефлексивная деятельность по определению политических предпочтений, интересов, социальных целей; активность, направленная на организацию и проведение общественно-политических акций (митингов и иных форм проявления солидарности или протеста, сбор подписей и др.); участие в деятельности политических и общественных организаций; профессиональная политическая и общественная деятельность [Галас 2023].

³ Постановление ЦИК России от 12.03.2014 № 221/1429-6 (с изм. от 07.10.2015) «О Молодежной электоральной концепции» // СПК КонсультантПлюс. (<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=585065#4WhHo5Uy6dQ3cah22>).

⁴ Сайт Российского Фонда свободных выборов. (<http://www.rfsv.ru/breaking-news/spetsialnyi-doklad-molodezh-vybory-vlast>).

Обзор исследований электорального поведения

В современных исследованиях рассматриваются разные аспекты электорального поведения молодежи, что позволяет увидеть взаимосвязи различных факторов и явлений, определяющих этот сложный вид социально-политического поведения, выявить его закономерности.

Один из исследовательских подходов в изучении электорального поведения – его рассмотрение в контексте формирования политических предпочтений молодежи. Так, по результатам проведенного в 2020 г. исследования электоральных представлений молодых жителей г. Брянска (в возрасте 18–35 лет), показано, что на электоральную активность молодежи влияют персональный имидж политического лидера, маркетинговые технологии политических партий, а также информация, распространяемая СМИ [Моисеенко 2020].

Уровень электоральной грамотности молодежи – важный фактор формирования ее электорального поведения, доверия к выборам [Городецкая 2020]. В этом контексте задача государства, гражданского общества и сферы образования – сформировать готовность молодежи к решению важнейших общественно-политических задач, включая участие в выборах разного уровня.

Определенный интерес представляет сопоставление электорального поведения российской молодежи с ее патриотической самоидентификацией. По данным исследования МГУ им. М.В. Ломоносова, проведенного в 2020 г., показатели электоральной активности патриотически настроенной молодежи существенно превышают аналогичные показатели «непатриотов» [Селезнев 2020]. Установка на участие в выборах характерна для большинства респондентов-патриотов (66%).

В литературе предпринимаются попытки выделить типы избирательного поведения молодежи, например, в зависимости от личностных особенностей: безразличное к политическим событиям и сосредоточенное на личных вопросах; нигилистическое, основанное на убеждении в бессмысленности электоральной активности в силу сосредоточения механизмов принятия решений в руках политической элиты; аномичное, связанное с несформированностью или утратой идентичности с определенной социальной группой; патерналистское, которое базируется на доверии к профессиональным политикам и представителям власти, а также активным участникам электорального процесса. Последним потенциальные молодые избиратели неформальноверяют осуществление избирательного права, отстраняясь от непосредственного участия в голосовании и полагая, что компетентные лица сделают правильный выбор и примут на себя ответственность за будущее страны, региона и т.п. [Гладун 2020].

В общественном сознании молодежи цифрового поколения наметились две разнонаправленные тенденции: социоцентризм, когда за образец для подражания берут личности, активно занимающиеся общественно-значимой деятельностью; гедонизм, когда образцом становятся успешные в материальном отношении, ориентированные на комфорт члены общества, сконцентрированные на собственном благополучии. Как показывают исследования, молодежь цифрового поколения ориентирована преимущественно на приоритет личных интересов над общественно значимыми. Вследствие этого происходит дифференциация молодежи как электоральной группы на активных, абсентеистов и неопределившихся.

В постковидный период различие в электоральном поведении молодежи цифрового поколения и более старшей когорты молодых людей (25–35 лет) проявилось более отчетливо. Последняя в большей степени придерживается классической модели социально-

политической деятельности, проявляя себя скорее в реальном, нежели виртуальном пространстве. Цифровое поколение молодежи предпочитает сочетать активность в реальном и виртуальном пространствах. Можно предположить, что в данном случае имеют значение отличия в условиях социализации.

На основе интервьюирования молодых людей, участвовавших в избирательных кампаниях Москвы, Новосибирска, Ульяновской области, Краснодарского края в сентябре–декабре 2020 г., были выделены мотивационные типы электорально активной молодежи цифрового поколения: «тусовщики», воспринимающие избирательные кампании как увлекательную форму досуга, несложной работы (в летнее время); «карьеристы», рассматривающие участие в избирательной кампании с точки зрения карьерного роста; люди, заинтересованные в дополнительном заработке; те, кто стремится участием в кампании обеспечить честные выборы; те, кто придерживается определенных политических взглядов и либо сам выступает в роли кандидата, либо стремится поддержать импонирующего кандидата или политическую партию [Барсуков 2020]. Опрошенные выступали в избирательной кампании в роли наблюдателей, членов участковых избирательных комиссий, уличных агитаторов и бригадиров, членов избирательного штаба.

Анализ электоральной компетентности молодежи цифрового поколения выявил относительно высокую подготовленность группы политических активистов [Головин 2022]. Напротив, при ответе на вопросы о современных политических направлениях, видах политического участия, типах электорального поведения группа политически неактивных респондентов допустила на 26% больше ошибок логического и терминологического характера, чем респонденты-активисты⁵. При этом представители обеих группы невысоко оценили значение выборов как формы электорального участия (эффективной ее сочли 27% представителей группы политически активных и 16% – неактивных молодых людей). Основными причинами этого были названы: ограниченность инструментов контроля, которыми располагают независимые наблюдатели, и технико-юридическое несовершенство процедуры регистрации кандидатов.

Тем не менее респонденты обеих групп признали значимость института выборов в обеспечении взаимосвязи избирателей и депутатов (67% респондентов-активистов и 41% неактивных). Активисты показали себя более прагматичными в оценке политических лидеров: 67% опрошенных данной группы в качестве приоритетных назвали деловые и профессиональные качества лидеров. Не имеющие опыта социально-политической деятельности или участвующие в ней нерегулярно отдавали предпочтение имиджевым характеристикам политика (61%).

На репутационный имидж депутатов и кандидатов в избирательных кампаниях заметное влияние оказывают медиаканалы, в связи с чем важна медиакомпетентность молодежи [Бакулева 2021]. Этот вопрос изучался в исследовании молодежи цифрового поколения г. Санкт-Петербурга. На основе дисперсионного анализа были выявлены статистически значимые различия в формах политического участия молодежи с различным уровнем медиакомпетентности. Респонденты с высоким ее уровнем проявляют интерес к политическим событиям, активно участвуют в выборах и демонстрируют более высокий общий уровень политического участия.

Исследования электорального поведения российской молодежи в 2022 г. позволяют говорить о тенденции к снижению абсентеизма. Так, наиболее эффективными механизмами политического курса страны респонденты назвали конвенциональное, прежде всего

⁵ Опрос проведен в 2021 г. методом очного анкетирования студентов четвертого курса бакалавриата, обучающихся в московских вузах, а также членов студенческого спортивного клуба «Сенатор» РАНХиГС.

электоральное, участие (60%). В то же время 33% опрошенных заявили, что не видят таких механизмов. Однако исследователи пришли к выводу, что меры, принятые по совершенствованию избирательного процесса (продлонгирование срока голосования, введение электронного механизма подачи голоса, обеспечение прозрачности процедуры и др.), имели положительный эффект. Большинство опрошенных молодых людей (64%), по их словам, участвовали в политической деятельности в течение последних трех лет. Из них 60% подтвердили свое участие в выборах. Повышение интереса молодежи к электоральной деятельности, по мнению авторов исследования, объясняется в том числе стремлением понять, в каком направлении развивается страна, определить собственную позицию и социально-политический статус [Беликова 2022].

Более показательны исследования электорального поведения молодежи в динамике, особенно за период 2021–2023 гг., но они единичны [Маленков 2023]. Следует упомянуть исследование Тюменского государственного университета по определению профилей гражданской активности респондентов в возрасте от 18 до 25 лет⁶, позволившее составить электоральные профили молодежи за трехлетний период. Так, в 2021 г. были выделены следующие профили: «пассивные», «электоральный резерв», «офлайн-резерв», «онлайн-резерв», «активные». В 2023 г. эти профили были дополнены «цифровым активом» и «участниками». Активный кластер увеличился с 12% до 14%, возрос показатель практического электорального опыта молодых людей – с 8% в 2021 г. до 11,5% в 2023 г.

По мнению авторов, специфика резервных групп состоит в их способности в случае необходимости реализовать себя уже в качестве активных участников политического процесса. В 2023 г. онлайн-резерв сократился в 2 раза, при этом увеличился цифровой актив, участвующий в формировании мнения электората по общественно значимым вопросам. Для «цифрового актива» характерен высокий уровень электоральной вовлеченности (на одном уровне с кластером «активных»).

Завершая обзор литературы, можно сделать вывод, что механизмы и технологии активизации электорального поведения молодежи трансформируются в зависимости от социальных, политических, экономических и культурных условий. Необходимо многоаспектное исследование электорального поведения молодежи для его мониторинга и последующего прогнозирования.

Методология исследования

Применена перекрестно-сравнительная интерпретация объекта научного исследования рядом дополняющих друг друга источников. В авторском опросе, проведенном в ноябре–декабре 2023 г., участвовали респонденты в возрасте от 18 до 25 лет: обучающиеся в вузах; совмещающие обучение и трудовую деятельность; трудящиеся по найму или гражданскому правовому договору; индивидуальные предприниматели; самозанятые. К цифровому поколению были отнесены россияне, рожденные в 2000–2006 гг., дееспособные и, соответственно, правомочные реализовать конституционно закрепленное всеобщее избирательное право. Исследование носило межрегиональный характер⁷.

⁶ Применен многомерный личностно-ориентированный подход, выделены однородные группы опрошенных и составлены их профили.

⁷ В опросе приняли участие респонденты из: Москвы, Санкт-Петербурга, Донецка, Нижнего Новгорода, Ульяновска, Челябинска, Московской, Ленинградской, Амурской, Архангельской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Курской, Оренбургской,

Выявленные в результате исследования тенденции электорального поведения молодежи цифрового поколения были верифицированы общероссийскими данными ВЦИОМ от февраля–марта 2024 г., полученными путем ежедневного всероссийского телефонного опроса omnibusного типа «Спутник»⁸. Первичные данные обработаны с помощью статистического пакета SPSS.

Обсуждение результатов исследования

В ходе социологического исследования был проведен анализ степени политической активности молодежи цифрового поколения. Согласно полученным результатам, более половины молодых людей в возрасте 18–25 лет (58,3%) не считают себя политически активными, из них 26,5% ответили однозначно («определенно нет») и 31,8% с некоторой долей сомнения («скорее нет, чем да»). Однако более трети респондентов (36,7%) относят себя к политически активным в той или иной мере (из них 19,1% – «определенно да», 17,6% – «скорее да, чем нет»). Показательно, что только 4,9% опрошенных затруднились оценить свою политическую активность, т. е. молодежь цифрового поколения имеет вполне осознанное мнение по этому вопросу.

Выявлены значимые различия в декларируемой политической активности мужчин и женщин цифрового поколения. Так, юношей, считающих себя политически активными, более чем вдвое больше, чем девушек: 57,1% против 25,8% соответственно. Особенно это заметно в отношении тех, кто определенно считает себя политически активным: 34,4% юношей против 10,9% девушек (превышение более чем в 3 раза). Почти 70% девушек заявили, что не считают себя политически активными (из них 32,8% высказываются на этот счет определенно и 37,1% – с некоторой долей сомнения). Этот факт не может не вызывать тревогу, поскольку доля женщин в представительных органах власти России всех уровней – от федерального до местного – одна из самых низких в мире [Брушкова 2023].

Несмотря на то, что по уровню декларируемой политической активности юноши и девушки цифрового поколения значительно различаются, ценность политической активности и для тех и для других невысока. В рейтинге 18 предложенных респондентам жизненных ценностей она заняла 15-е место у юношей и 16-е у девушек.

Для молодежи цифрового поколения обоих полов приоритетны ценности, названные нами индивидуально-достижительными, т. е. связанные с достижением личного и семейного благополучия. В качестве приоритетных жизненных ценностей молодежи этого поколения были названы: здоровье (54,4%), хорошие отношения в семье (42,8%), возможность самореализации (34%) и материальная обеспеченность (31,4%). Причем они в равной степени важны как для юношей, так и для девушек.

Тенденции, выявленные при изучении политической активности и ценностных ориентаций молодежи цифрового поколения, во многом объясняют ее электоральную активность. Так, 43,2% респондентов не участвуют в каких-либо выборах. О своем участии в выборах всех уровней заявили чуть более трети опрошенных, причем они проявляют большую активность на выборах федерального уровня (Президента РФ, Государственной думы РФ) – 11,8%, нежели местного – 4,7%. Полученные нами данные коррелируют

Орловской, Ростовской, Тульской областей, Алтайского, Красноярского, Ставропольского и Хабаровского краев, Республики Башкортостан, Республики Дагестан, Республики Карелия, Удмуртской Республики.

⁸ Ежедневно ВЦИОМ опрашивает 1600 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ.

с результатами проведенного в феврале 2024 г. ВЦИОМ всероссийского опроса относительно намерений россиян принять участие в президентских выборах (табл. 1).

Как следует из приведенных данных, немногим более трети молодежи в возрасте 18–24 лет (36,9%) заявляли о намерении принять участие в выборах Президента РФ, еще почти 20% говорили об этом с определенной долей сомнения («скорее приму»). В то же время более четверти молодежи цифрового поколения (26,2%) в преддверии выборов не определились, планируя сделать это ближе к дате выборов. Для сравнения, молодежь более старшей возрастной группы (25–34 года) декларирует более высокую электоральную активность: почти половина (48,8%) определенно заявляла о намерении принять участие в президентских выборах и 19,1% говорили, что «скорее примут» в них участие, а неопределившихся в данной возрастной группе почти на 10% меньше, чем среди тех, кому от 18 до 24 лет: 17,6% и 26,2% соответственно.

В ходе опроса ВЦИОМ выявлена более слабая осведомленность молодежи, особенно цифрового поколения, о сроке президентских выборов 2024 г.: только 58,2% опрошенных в возрасте 18–24 лет правильно назвали месяц и год их проведения (март 2024 г.). Среди молодых людей в возрасте 25–34 лет доля осведомленных гораздо больше – 74,1%. В старших возрастных когортах (35–44 года, 45–59 лет, 60 лет и старше) эти показатели на порядок выше: 83,9%, 84,7% и 89,7% соответственно⁹.

Возможно, низкая осведомленность молодежи (особенно цифрового поколения) о времени проведения президентских выборов объясняется тем, что информация о них распространялась в основном через телевидение, которое молодежь смотрит гораздо реже, чем представители более старших возрастов. Так, по данным того же опроса ВЦИОМ, более двух третей респондентов в возрасте 18–24 лет (68,3%) и половина тех, кому 25–34 года, вообще не смотрят телевизор. Основным источником информации для них является Интернет: 81% представителей самой младшей возрастной группы проводят в Сети более четырех часов в день, в то время как в группе тех, кому от 25 до 34 лет, таких 56,6%¹⁰.

Анализ электоральной активности женщин и мужчин цифрового поколения показал, что юноши значительно чаще, чем девушки участвуют во всех выборах: 43,6% против 29,5% соответственно. Среди девушек вообще не участвуют в выборах 46% (среди юношей таких 38%). Этот результат ожидаем, принимая во внимание общую более низкую, в сравнении с юношами, политическую активность девушек.

Выявленная нами тенденция к снижению электорального участия женщин самого молодого возраста (имеющих право голоса) подтверждают и данные ВЦИОМ относительно президентских выборов 2024 г. Лишь треть опрошенных женщин цифрового поколения заявили, что точно примут в них участие (против 42,5% мужчин). Среди женщин отмечается и гораздо более высокий уровень неопределенности по этому вопросу: 35,3% заявили, что пока не приняли решение по этому поводу (среди мужчин 17,8%)¹¹. Как мы уже отмечали выше, это тревожная тенденция, свидетельствующая о все большем уходе молодых женщин в приватную сферу, а значит, и усилении неравенства мужчин и женщин в сфере публичной власти в России. Низкая электоральная активность девушек может сказаться в будущем на гендерной структуре российского электората, большую часть которого в настоящее время составляют именно женщины. Так, по данным упомянутого исследования ВЦИОМ, 67,2% женщин всех возрастов заявили, что

⁹ ВЦИОМ. (https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/massiv_49639.zip).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

точно примут участие в президентских выборах 2024 г. (у мужчин этот показатель составляет 58,2%)¹².

Кто из кандидатов на пост Президента России на выборах 2024 г. был предпочтительнее для молодежи цифрового поколения? Данные по персональным предпочтениям избирателей, в зависимости от возраста, приведены в таблице 2.

Анализ приведенных данных позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, действующий президент В. Путин пользуется однозначной поддержкой более половины опрошенной молодежи цифрового поколения (52,1%), что безусловно делает его абсолютным лидером на выборах.

Таблица 1.

Намерения россиян принять участие в президентских выборах 2024 г., %

Table 1.

Russians' intentions to take part in the 2024 presidential elections, %

Вариант ответа	Возраст				
	18–24	25–34	35–44	45–59	60 и старше
Точно не приму	9,2	5,9	7,8	7,1	4,2
Скорее не приму	5,7	5,9	3,3	5,1	2,5
Скорее приму	19,1	19,1	16,1	10,9	10,5
Точно приму	36,9	48,8	62,4	66,5	76,8
Пока не определился	26,2	17,6	8,7	8,9	5,1
Затрудняюсь ответить	2,8	2,7	1,8	1,5	0,8

Источник: [ВЦИОМ].

Source: All-Russian Center for the Study of Public Opinion.

Таблица 2.

Избирательные предпочтения россиян на президентских выборах 2024 г., %

Table 2.

Voting preferences of Russians in the 2024 presidential elections, %

Кандидат	Возраст респондентов				
	18–24	25–34	35–44	45–59	60 и старше
В. Даванков	11,3	6,3	3,9	2,3	1,9
В. Путин	52,1	56,5	72,2	71,5	81,7
Л. Слуцкий	4,9	4,3	1,5	2,5	1,7
Н. Харитонов	4,2	5,9	3,0	5,9	3,4
Приду и испорчу бюллетень	–	1,6	2,4	3,8	0,6
Не стал бы участвовать в выборах	11,3	8,6	6,0	7,1	3,4
Затрудняюсь ответить	16,2	16,9	11,1	6,9	7,4

Источник: [ВЦИОМ].

Source: All-Russian Center for the Study of Public Opinion.

¹² ВЦИОМ. (https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/massiv_49639.zip).

Во-вторых, В. Даванкова, кандидата от партии «Новые люди», готовы были выбрать 11,3% респондентов цифрового поколения. Отметим, что уровень поддержки данного кандидата имеет четкую зависимость от возраста: она максимальна в группе избирателей 18–25 лет и минимальна в самой старшей группе (1,9%). Возможно, представители самой младшей группы избирателей симпатизировали самому молодому из выдвинутых кандидатов, руководствуясь, скорее, эмоциональными мотивами. Однако можно предположить, что у молодежи именно этот кандидат ассоциируется с переменами, запрос на которые есть в современном российском обществе.

В-третьих, представители КПРФ и ЛДПР не пользуются особой популярностью среди молодежи, хотя уровень поддержки Л. Слуцкого молодежью в целом несколько выше, чем в более старших возрастных группах. Что касается Н. Харитонов, то доля его сторонников выше не только среди молодежи в целом, но и среди людей в возрасте 45–59 лет. Любопытно, что в группе молодых избирателей в возрасте 25–34 лет доля сторонников «нового человека» В. Даванкова приближается к доле сторонников коммуниста Н. Харитонova (6,3% и 5,9% соответственно). Возможно, идея обновления России, ассоциируемая с «новыми людьми», не лишена социалистической окраски, прежде всего это касается запроса на социальную справедливость.

В-четвертых, среди молодежи больше всего тех, кто предпочитает не участвовать в выборах (11,3% среди 18–24-летних и 8,6% среди 25–34-летних), а также затруднившихся ответить на вопрос об участии в выборах (16,2% и 16,9% соответственно). Около трети самых молодых избирателей и четверти тех, кому 25–34 года, скорее всего, не приняли участие в президентских выборах 2024 г. Это, несомненно, негативная тенденция, свидетельствующая о росте социальной апатии в молодежной среде. В то же время уровень абсентеизма молодежи на президентских выборах очевидно ниже, чем на каких-либо других, так как значимость именно этих выборов оценивается как самая высокая.

В-пятых, протестное голосование, которое могло бы выразиться, например, в сознательной порче избирательных бюллетеней, не характерно для молодежи, особенно цифрового поколения. О таком намерении не заявил никто из молодых людей в возрасте 18–24 лет и только 1,6% тех, кому от 25 до 34 лет. Это может свидетельствовать как о начальной стадии электоральной социализации молодежи цифрового поколения, так и о том, что она в целом не склонна к противоправным действиям, юридически ответственна, неконфликтна и патриотична. В любом случае этот вопрос требует дополнительных исследований.

Хотелось бы подчеркнуть, что, согласно результатам нашего исследования, абсолютное большинство представителей цифрового поколения (85,8%) идентифицируют себя как граждан Российской Федерации, только 10,1% – как граждан мира и 2,6% – как европейцев. Это говорит о том, что космополитическая самоидентификация не характерна для российской молодежи.

В последнее время в России широкое распространение получает дистанционное электронное голосование (ДЭГ) на выборах органов власти разного уровня. Так, в 2021 г. на выборах в Государственную думу РФ явка в ДЭГ составила 93%. Как показали президентские выборы 2014 г., 80% избирателей г. Москвы предпочли ДЭГ, а общероссийская явка в 29 регионах, где ДЭГ было технически возможно, составила 94%. О востребованности ДЭГ говорит тот факт, что за первые сутки в этой системе проголосовало 75% из принявших участие в выборах¹³. Есть основания полагать, что в ближайшем будущем, по

¹³ Федеральная платформа онлайн-голосования справилась с пиковыми нагрузками и атаками. Сайт Интерфакс. (<https://www.interfax.ru/russia/950909>).

мере роста технической оснащенности регионов, ДЭГ станет основной формой голосования населения.

В нашем исследовании определялось отношение молодежи цифрового поколения к ДЭГ. Показательно, что 78,3% опрошенных знают о возможности дистанционного электронного голосования, 14,6% респондентов «что-то слышали» об этом и 7,1% «слышали впервые». Среди юношей осведомленность о возможности ДЭГ выше, чем среди девушек: 80,4% против 77,2% соответственно. Девушек, впервые узнавших о такой возможности, почти в два с половиной раза больше, чем юношей (8,9% против 3,7% соответственно). Это лишний раз говорит о том, что политика и все, что с ней связано, не относится к сфере жизненных интересов российских девушек цифрового поколения. В этой связи можно предложить образовательным учреждениям шире вовлекать девушек в общественно-политическую активность, разными способами поощряя их интерес к лидерству, членству в различных организациях.

Что касается участия в ДЭГ, то доля молодежи 18–25 лет, участвовавшей в таком формате голосования, достаточно низка. Только 19,1% респондентов использовали онлайн-голосование на выборах органов власти разного уровня, не использовали его 80,9%. Причем в этом отношении нет значимой разницы между мужчинами и женщинами: 20,2% опрошенных юношей и 18,5% девушек участвовали в онлайн голосованиях; 79,8% юношей и 81,5% девушек не участвовали.

По каким причинам молодежь цифрового поколения отказывается использовать ДЭГ на выборах органов власти разного уровня? (рис. 1). Самыми популярными вариантами (если учитывать тех, кто юридически имел право голосовать) стали: принципиальный отказ от участия в выборах (19,6%) или желание голосовать на избирательном участке (19,1%).

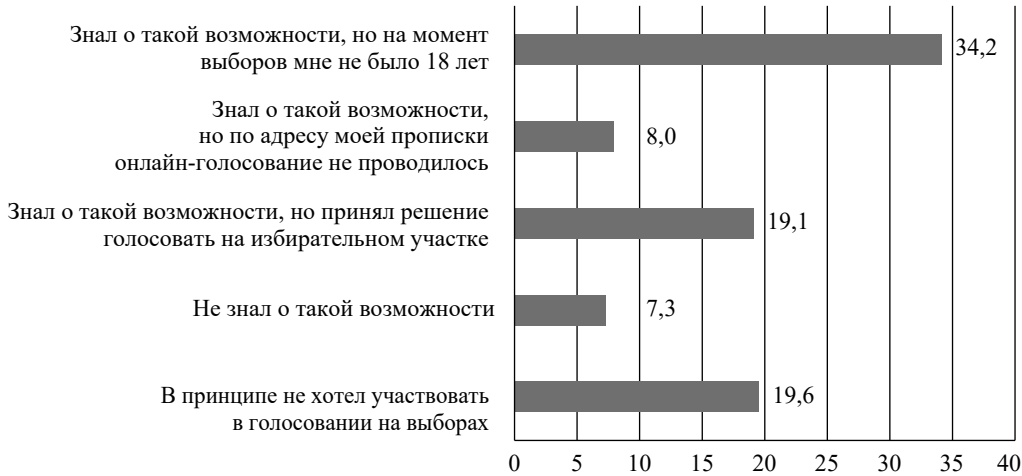

Рисунок 1. Причины неучастия молодежи 18–25 лет в онлайн голосованиях на выборах в органы власти разного уровня, % от не участвовавших

Источник: *составлено авторами.*

Figure 1. Reasons for the non-participation of young people aged 18–25 in online voting in elections to government bodies of various levels, % of those who did not participate

Source: *compiled by the authors.*

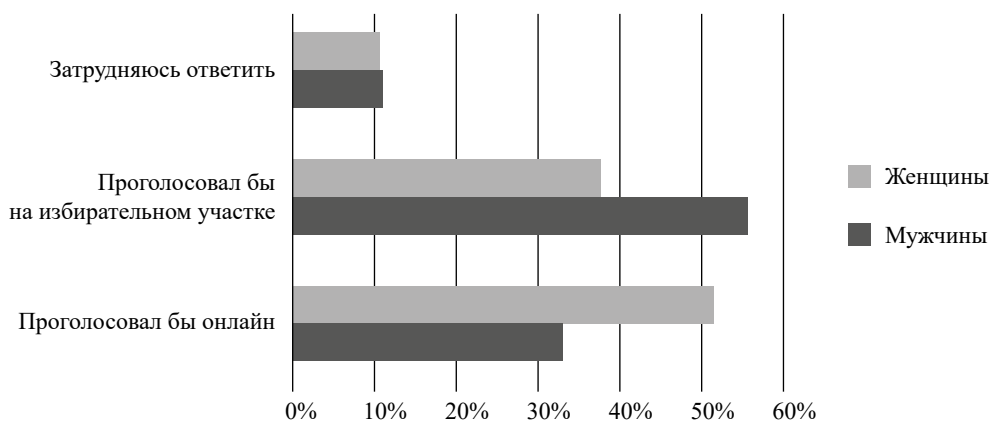

Рисунок 2. Предпочтение юношами и девушками 18–25 лет формата голосования на ближайших выборах, %

Источник: *составлено авторами.*

Figure 2. Preference by males and females aged 18–25 of the voting format in the next elections, %

Source: *compiled by the authors.*

8% респондентов заявили, что по месту их регистрации не было возможности онлайн-голосования, а 7,3% не знали о возможности ДЭГ. Нежелание участвовать в выборах (независимо от его формата) более характерно для девушек (25% против 15,8% среди юношей), а недоверие к онлайн голосованию – для юношей (28,1% против 17,6% среди девушек).

Для того чтобы проверить, насколько респонденты доверяют формату ДЭГ, им был предложен вопрос: «Если бы у Вас была возможность проголосовать на ближайших выборах дистанционно или очно, то какой вариант Вы бы предпочли?». Сторонники электронного и традиционного способов голосования разделились примерно поровну: 45,2% и 44,1% респондентов соответственно. Можно сделать вывод, что молодежь цифрового поколения имеет незначительный электоральный опыт как в очном, так и в ДЭГ-формате. Голосование на избирательном участке намного чаще выбирают юноши – 55,8% (против 37,7% девушек), что согласуется с данными об относительно большей политической и электоральной активности мужчин цифрового поколения. Женщины этого поколения чаще высказываются за ДЭГ – 51,7% против 33,1% мужчин (рис. 2).

* * *

1. Основные направления исследований по проблематике современного электорального поведения молодежи цифрового поколения многоаспектны, выявлена взаимосвязь с такими факторами как: гражданская и политическая активность; участие в общественно-полезных проектах; ценностные ориентации и самоидентификация молодежи; знания в области избирательного права, организация власти и управления; медиакомпетентность; качество и безопасность Интернета и иных информационных каналов, механизмов и средств повышения электоральной активности.

2. Помимо электорально активных и абсентеистов можно выделить промежуточную группу молодых людей цифрового поколения, которая при благоприятных условиях

и вовлечении посредством информационного, воспитательное-просветительского, пропагандистского воздействия может активизировать свое электоральное поведение.

3. Политическая активность, специфика ценностных ориентаций коррелируют с электоральным поведением молодежи цифрового поколения. В целом электоральная активность этой возрастной группы ниже, чем даже молодежи в возрасте 25–35 лет, тем более людей среднего и старшего возраста.

4. Выявлены значимые различия в декларируемой политической и электоральной активности женщин и мужчин. В целом мужчины демонстрируют большую вовлеченность в такую деятельность. Эта тенденция может негативно сказаться на конституционно и законодательно закреплённом равноправии мужчин и женщин, в том числе в политической и электоральной сферах. Причины более высокого абсентеизма женщин цифрового поколения требуют отдельного изучения.

5. Персональные предпочтения по выдвинутым кандидатам на президентских выборах в России 2024 г. разнообразны: при несомненном лидерстве действующего президента В.В. Путина, молодежь чаще, чем представители других возрастных групп отдавала предпочтение В. Даванкову (партия «Новые люди») и Л. Слуцкому (ЛДПР). Можно предположить, что кандидатура Даванкова вызывает симпатию молодежи в контексте поколенческой смены политической элиты. Опрос показал, что идея обновления России, которая ассоциируется с «новыми людьми», коррелирует с идеями кандидата от КПРФ, то есть социальной справедливостью и экономической инклюзивностью.

6. Востребованность дистанционного электронного голосования в России в 2021–2024 гг. на выборах органов власти разного уровня и высокий показатель осведомленности молодежи цифрового поколения о ДЭГ дают основание полагать, что эта форма голосования будет активно использоваться на фоне роста технической оснащенности регионов. В настоящее время молодежь одинаково относится к электронной и традиционной формам голосования.

7. Для цифрового поколения не характерно протестное электоральное поведение, что может объясняться их законопослушностью и осознанием правовой ответственности, идентификацией себя с Родиной, ее конституционным строем, что важно для консолидации российского общества перед лицом внешней военной угрозы и санкционного давления коллективного Запада.

8. Выявленные в результате исследования тенденции электорального поведения молодежи подтверждают необходимость обновления механизмов государственной молодежной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бакулева К.К., Самуйлова И.А. (2021) Медиакомпетентность как предпосылка вовлеченности российской молодежи в социально-политическую жизнь страны // Тенденции развития науки и образования. № 71–4. С. 104–109.

Bakuleva K.K., Samujlova I.A. (2021) Mediakompetentnost' kak predposylka вовлеченности российской молодежи в социально-политическую жизнь страны. [Media competence as a prerequisite for the involvement of Russian youth in the socio-political life of the country]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 71–4, pp. 104–109. (In Rus.)

Барсукова С.Ю., Звягинцев А.В. (2021) Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4 (164). С. 90–100.

Barsukova S.Yu., Zvyaginets A.V. (2021) Opy tuchastiya molodezhi v izbiratel'nyh kampaniyah i ego vliyaniye na ih grazhdanskuyu pozitsiyu. [The experience of youth participation in election campaigns and its impact on their civic position]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 4 (164), pp. 90–100. (In Rus.)

Беликова Е.А., Злотникова Е.В., Ницевич В.Ф. (2022) Актуальные вопросы политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России // Управление. Т. 10. № 3. С. 80–88.

Belikova E.A., Zlotnikova E.V., Nicevich V.F. (2022) Aktual'nye voprosy politicheskogo upravleniya elektoral'nyim uchastiem studencheskoj molodezhi v Rossii. [Current issues of political management of student electoral participation in Russia]. *Upravlenie*, vol. 10, no. 3, pp. 80–88. (In Rus.)

Брушкова Л.А. (2023) Гендерный разрыв в федеральных органах власти в условиях повышения экономической роли женщин в современной России // Общественные науки и современность. № 4. С. 123–134.

Brushkova L.A. (2023) Gendernyj razryv v federal'nyh organah vlasti v usloviyah povysheniya ekonomicheskoy roli zhenshchin v sovremennoj Rossii. [The gender gap in federal authorities in the context of the increasing economic role of women in modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 123–134. (In Rus.)

Галас М.Л. (2023) Особенности сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 13. № 1. С. 111–121.

Galas M.L. (2023) Osobennosti soznaniya i povedeniya rossijskoj molodezhi v usloviyah turbulentnosti miroporyadka. [Features of consciousness and behavior of Russian youth in the conditions of turbulence of the world order]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 13, no. 1, pp. 111–121. (In Rus.)

Галас М.Л., Брушкова Л.А. (2023) Ценность и качество высшего образования в представлениях современной российской молодежи // Наука. Общество. Оборона. Т. 11. № 4 (37). С. 43.

Galas M.L., Brushkova L.A. (2023) Cennost' i kachestvo vysshego obrazovaniya v predstavleniyah sovremennoj rossijskoj molodezhi. [The value and quality of higher education in the views of modern Russian youth]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, vol. 11, no. 4 (37), pp. 43. (In Rus.)

Гладун А.Н., Клепикова О.Г. (2020) Абсентеизм как модель электорального поведения молодежи // Выборы: теория и практика. № 2(54). С. 18–22.

Gladun A.N., Klepikova O.G. (2020) Absenteizm kak model' elektoral'nogo povedeniya molodezhi. [Absenteeism as a model of youth electoral behavior]. *Vybory: teoriya i praktika*, no. 2(54), pp. 18–22. (In Rus.)

Головин Д.А., Павельева Т.Ю. (2022) Политическое сознание студенческой молодежи и особенности электорального поведения в молодежной среде города Москвы // Социально-политические науки. Т. 12. № 1. С. 45–55.

Golovin D.A., Pavel'eva T.Yu. (2022) Politicheskoe soznanie studencheskoj molodezhi i osobennosti elektoral'nogo povedeniya v molodezhnoj srede goroda Moskvy. [The political consciousness of the student youth and the peculiarities of electoral behavior among the youth of the city of Moscow]. *Social'no-politicheskie nauki*, vol. 12, no. 1, pp. 45–55. (In Rus.)

Городецкая Е.А. (2020) Пути повышения доверия молодежи к выборам и активизации ее участия в электоральных процессах // Избирательное законодательство и практика. № 1. С. 32–34.

Gorodeckaya E.A. (2020) Puti povysheniya doveriya molodezhi k vyboram i aktivizaciya uchastiya v elektoral'nyh processah. [Ways to increase the confidence of young people in elections and enhance their participation in electoral processes]. *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, no. 1, pp. 32–34. (In Rus.)

Маленков В.В. (2023) Профили гражданской активности молодежи: опыт участия, вовлеченность, ценности // Вестник Пермского университета. Т. 17. № 4. С. 102–113.

Malenkov V.V. (2023) Profili grazhdansko jaktivnosti molodezhi: opyt uchastiya, вовлеченност', cennosti. [Profiles of youth civic engagement: participation experience, engagement, values]. *Vestnik Permskogo universiteta*, vol. 17, no. 4, pp. 102–113. (In Rus.)

Моисеенко Н.А. (2020) Электоральное поведение молодежи: управленческий аспект // Экономика. Социология. Право. 2020. № 2 (18). С. 80–88.

Moiseenko N.A. (2020) Elektoral'noe povedenie molodezhi: upravlencheskij aspekt. [Electoral behavior of young people: a managerial aspect]. *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*, no. 2 (18), pp. 80–88. (In Rus.)

Селезнева А.В. (2020) Ценностные ориентации и гражданско-политическая активность молодых российских патриотов // History and modern perspectives. Vol. 2. № 3. P. 62–69.

Selezneva A.V. (2020) Cennostnye orientacii i grazhdansko-politicheskaya aktivnost' molodyh rossijskih patriotov. [Value orientations and civic and political activity of young Russian patriots]. *History and modern perspectives*, vol. 2, no. 3, pp. 62–69. (In Rus.)

Информация об авторах

Галас Марина Леонидовна, доктор исторических наук, профессор Кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Адрес: 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2. E-mail: lucera2008@yandex.ru

Брушкова Людмила Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Адрес: 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49. E-mail: lbrushkova@fa.ru

About the authors

Marina L. Galas, Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Russia, Moscow, Leningradsky Pr., 49/2. E-mail: lucera2008@yandex.ru

Lyudmila A. Brushkova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Science and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Moscow, Leningradskiy Pr., 49/2. E-mail: lbrushkova@fa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 07.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.05.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Оригинальная статья / Original article

Новые тенденции в закупках и применении беспилотных летательных аппаратов

© М.Г. ЕВТОДЬЕВА

Евтодьева Марианна Георгиевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (Москва, Россия), mariannaevt@imemo.ru. ORCID: 0000-002-3477-4763

Исходя из представленной классификации беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), рассмотрена специфика их применения в современных конфликтах и проанализированы основные тенденции в закупках БПЛА. Указано, что БПЛА в боевых действиях используют не только при разведке, целеуказании и нанесении ударов, а также для обнаружения и уничтожения террористических группировок, как это было в конфликтах в Афганистане и Ираке. Повышается роль БПЛА в единых разведывательно-ударных комплексах на поле боя. Активно развиваются разработки и производство малых и мини-дронов и беспилотников, которые неуязвимы для систем ПВО. Продолжаются разработки других передовых технологий беспилотных систем. Ввиду того, что в последние годы в конфликтах возобладали тенденции массированного применения малых и мини-БПЛА, поставки тяжелых и ряда средних высотных и средневысотных беспилотников в вооруженные силы государств снижаются. Одновременно растут закупки малых беспилотников и легких гражданских БПЛА с перенастроенным программным обеспечением.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты (БПЛА), классификация БПЛА, НИОКР, закупки вооружений, вооруженные конфликты

Цитирование: Евтодьева М.Г. (2024) Новые тенденции в закупках и применении беспилотных летательных аппаратов // Общественные науки и современность. № 3. С. 97–109. DOI: 10.31857/S0869049924030073, EDN: ZZZGMZ

New Trends in the Procurement and Use of Unmanned Aerial Vehicles

© M. YEVTODYEVA

Marianna G. Yevtodyeva, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), mariannaevt@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-3477-4763

Abstract. Based on the presented classification of unmanned aerial vehicles (UAVs), the specifics of their use in modern conflicts are examined. The main trends in the procurement of UAVs are analyzed. It is indicated that the use of UAVs in combat is not limited to the functions of reconnaissance, target designation and strikes, as well as the detection and destruction of terrorist groups, as was the case in Afghanistan and Iraq conflicts. The UAVs are increasingly used within the framework of reconnaissance and strike complexes on the battlefield. The R&D and production of small and mini-drones, as well as of unmanned aerial vehicles capable of remaining invulnerable to air defense systems, are actively developing. Other modern technologies of unmanned systems are being advanced. Due to the fact that in recent years the trend of massive use of small and mini-UAVs in conflicts has prevailed, supplies to the armed forces of various countries of heavy and a number of medium (tactical) high-altitude and medium-altitude drones are decreasing, while the purchases of small drones, as well as light civilian UAVs with reconfigured software, are increasing.

Keywords: unmanned aerial vehicles (UAVs), classification of UAVs, R&D, arms procurement, armed conflicts

Citation: Yevtodyeva M.G. (2024) New Trends in the Procurement and Use of Unmanned Aerial Vehicles. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 97–109. DOI: 10.31857/S0869049924030073, EDN: ZZZGMZ (In Russ.)

В последние десятилетия характер военных действий качественно изменился: возросла роль различных способов дистанционного воздействия на противника и значимость разведывательно-диверсионных действий. В таких условиях на полях боя крайне востребованы беспилотные летательные аппараты (БПЛА).

БПЛА – это летательный аппарат, который выполняет полет без пилота (экипажа) на борту и управляется либо автоматически, либо оператором с пункта управления, либо сочетанием указанных способов¹. В техническом плане он представляет собой совокупность функционально связанных элементов: корпуса/несущей конструкции, специализированного навесного или встраиваемого оборудования и соответствующих средств для подготовки к применению системы, могут иметь корпус или шасси², а также нести вооружения и боеприпасы. БПЛА оснащают датчиками, целеуказателями и навигационными устройствами, средствами связи и телекоммуникации. Также на них могут быть установлены средства разведки и радиоэлектронной борьбы (РЭБ)³.

¹ Беспилотный летательный аппарат. Справочник по терминологии в военной сфере. Министерство обороны Российской Федерации. (<https://dictionary.mil.ru/folder/123087/item/130009/>).

² Дроны-камикадзе и ряд современных мини-дронов имеют, как правило, только несущую конструкцию, и у них отсутствуют шасси.

³ Unmanned aerial vehicle. Encyclopaedia Britannica. July 10, 2024. (<https://www.britannica.com/technology/unmanned-aerial-vehicle>).

В последние 15–20 лет наблюдается настоящий бум в разработках и оснащении вооруженных сил беспилотными системами. Уже около ста государств имеют опыт применения БПЛА в боевых операциях⁴.

США, Китай, Израиль и Турция за последние два десятилетия стали ведущими экспортерами боевых БПЛА. Беспилотные летательные аппараты разрабатывают и производят не только ведущие военно-промышленные компании этих стран (Northrop Grumman, General Atomics, AAI и Boeing в США, IAI в Израиле, AVIC и CASC в Китае и др.), но и взаимодействующие с ними научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, а также крупные и средние гражданские промышленные компании⁵. Такие компании, как DJI (КНР), SenseFly/Parrot (Франция) и 3D Robotics (США) занимают ключевые позиции на мировом рынке компаний-производителей гражданских БПЛА. На гражданские беспилотники в 2020 г. приходилось чуть менее половины – около 47% – мирового рынка БПЛА в стоимостном выражении, оставшуюся долю рынка занимали военные аппараты [Костин, Богатов 2020].

Согласно прогнозам, в следующие 10 лет объемы производства и инвестиции в исследования и разработки беспилотников разных типов значительно увеличатся. Как ожидают, особенно активно развиваться будут исследования и разработки беспилотных систем с элементами искусственного интеллекта (ИИ) [Boulanin, Veerbruggen 2017; Kania 2017]. С другой стороны, возрастут производство и продажи малых и мини-беспилотников, включая гражданские коптеры, переоборудованные для военных миссий. Дешевые и несложные в конструкции аппараты, в том числе так называемые FPV-дроны⁶, продемонстрировали высокую эффективность при выполнении широкого круга военных задач в последних военных конфликтах. Речь идет не только о разведке и наблюдении с выявлением огневых точек противника, но и о корректировке ударов артиллерии, подавлении средств ПВО, сокращении времени выполнения боевых задач и ряда других [Василенко и др. 2023; Титков, Мухаметжанова 2022].

Классификация БПЛА, опыт их разработок и применения

Беспилотные летательные аппараты гражданского и военного назначения классифицируют по способу их применения, различиям в конструкции, а также по тактико-техническим характеристикам (ТТХ). По особенностям конструкции выделяют БПЛА самолетного и вертолетного типа, мультироторные БПЛА (мультикоптеры), тейлситтеры, БПЛА аэростатического типа, беспилотные конвертопланы и гибридные модели беспилотников⁷.

⁴ SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. Glasgow: Oxford University Press. 2023. 757 p. P. 34.

⁵ В последнем случае речь идет в том числе о БПЛА, который используют в аэрофотосъемке, мониторинге объектов, доставке товаров и грузов и др.

⁶ К FPV-дронам (от англ. «first person view») относят беспилотные летательные аппараты, которыми оператор управляет с помощью очков виртуальной реальности, определяя его движение к цели для уничтожения. В то же время контролирует окружающую обстановку не оператор, а помощник-корректировщик, который следит за полетом дрона. Меринов К. FPV-дроны: технология, тактическое применение и будущее. Взгляд. 15.09.2023. (<https://vz.ru/information/2023/9/15/1230301.html>).

⁷ Документация «Геоскан Пионер». Геоскан Пионер. (<https://pioneer-doc.readthedocs.io/ru/master/database/const-module/classification/classification.html#uvs-international>). По конструкции и назначению к БПЛА близки барражирующие боеприпасы, или дроны-камикадзе. Они имеют бортовые сенсоры и управляются операторами, но, в отличие от БПЛА, это невозвращаемые аппараты.

БПЛА также разделяют по таким тактико-техническим характеристикам, как взлетная масса, дальность, высота и продолжительность полета и скорость аппарата. Единой устоявшейся классификации БПЛА по их ТТХ не существует. Министерство обороны США разделяет БПЛА на мини- и микробеспилотники (масса до 9 кг, высота до 360 м, скорость до 185 км/ч), малые тактические (9–25 кг, высота до 1,05 км, скорость до 436 км/ч), тактические (25–600 кг, высота до 5,4 км, скорость до 436 км/ч), тяжелые средневысотные и тяжелые высотные БПЛА (более 600 кг, высота в первом случае до, во втором – более 5,4 км, скорость выше 436 км/ч)⁸. В российской классификации принято выделять микро- и мини-БПЛА ближнего действия (до 5 кг, дальность 25–40 км), легкие БПЛА малого радиуса действия (5–50 кг, 10–70 км), легкие БПЛА среднего радиуса действия (50–100 кг, 70–150 км), средние БПЛА (100–300 кг, 150–1000 км), средне-тяжелые БПЛА (300–500 кг, 70–300 км) и тяжелые высотные БПЛА большой продолжительности полета (до 1500 кг, до 1500 км).

Международная ассоциация по беспилотным летательным системам (Association for Unmanned Vehicle Systems International) разработала отдельную классификацию, объединив в ней военные и гражданские типы БПЛА. Беспилотные летательные аппараты разделяют на подгруппы: малые (нано-, микро- и мини-БПЛА, легкие БПЛА с малой дальностью полета), тактические (маловысотные и средневысотные БПЛА с большой продолжительностью полета), стратегические БПЛА (ударные БПЛА и БПЛА, оснащенные боевой частью) и БПЛА специального назначения⁹.

По типу управления/степени автономности боевые роботизированные (беспилотные) системы делят на системы 1-го, 2-го, 3-го и 4-го поколения¹⁰. К первым относят устройства с дистанционным управлением, поведение и функционирование которых зависит от ввода данных оператором, ко вторым – автоматизированные системы с «органами чувств» в виде сенсоров, которые могут функционировать в неизвестных заранее условиях (их действия зависят от заданной программы). Беспилотники 3-го и 4-го поколений имеют системы управления с элементами ИИ. Беспилотники 3-го поколения – автономные системы без обучения (их поведение целенаправленно и регулируется фиксированным набором правил), тогда как только системы 4-го поколения считают подлинно самообучающимися и автономными, т. к. они могут самостоятельно изменять правила поведения [Protti, Barzan 2007].

В настоящее время на вооружении развитых стран находятся в основном беспилотники 1-го и 2-го поколения. К ним относят значительную долю принятых на вооружение и экспортируемых БПЛА: тяжелые американские MQ-9 Reaper и RQ-4 Global Hawk, тактические ScanEagle, малые БПЛА Puma, китайские аналоги этих аппаратов, а также почти все израильские и турецкие БПЛА. В то же время автономные беспилотные системы 3-го и 4-го поколения различные страны только разрабатывают¹¹. По оценкам экспертов, такие дроны еще не стоят на вооружении, однако есть сведения о возможном тестовом применении беспилотных систем с ИИ.

⁸ Unmanned Systems Integrated Roadmap, FY2013-38. Washington, DC: US Department of Defense. 2014. 168 p. Pp. 5–6.

⁹ Классификация БПЛА по летным характеристикам.

¹⁰ Существует и более сложный десятиуровневый подход к классификации степеней автономности беспилотных систем [Protti, Barzan 2007].

¹¹ В таких перспективных беспилотных системах, по всей видимости, могут применять передовые технологии в области машинного обучения, нейросетей, автономной навигации, визуального распознавания объектов и др. Предположительно, их также будут оснащать сложным программным обеспечением на мощной вычислительной базе [Макаренко 2016].

Беспилотные системы современного типа появились на поле боя в 1980-х гг., когда Израиль оснастил свои БПЛА телевизионными и инфракрасными камерами и системами наведения для боеприпасов, а также подключил их к станциям управления. Такие системы доказали свою эффективность на поле боя¹². Активно разрабатывали и внедряли беспилотники в вооруженные силы Соединенные Штаты. К середине 1990-х гг. на вооружение в армию страны в значительных количествах поступили тактические БПЛА MQ-1 Predator и RQ-5 Hunter, оснащенные радаром с синтезированной апертурой, пассивными электронными датчиками и противотанковыми ракетами, и БПЛА MQ-9 Reaper с улучшенными характеристиками и большей боевой нагрузкой. Их широко использовали при разведке и поддержке авиаударов в конфликтах в бывшей Югославии, Ираке и Афганистане. Более крупные высотные БПЛА с множеством фотографических, радарных и других датчиков (в частности, RQ-4 Global Hawk) США и ряд других стран стали применять для стратегической разведки. Одновременно широкое распространение также малые БПЛА, которые использовали для наблюдения за подразделениями противника за пределами линии фронта, а также для поиска и поражения наземных целей.

На вооружении ВВС, ВМС и армии США в настоящее время находятся тяжелые высотные БПЛА RQ-4 Global Hawk, MQ-4C Triton (разведывательные) и MQ-9A Reaper (разведывательно-ударные), тяжелые средневысотные БПЛА MQ-1C Grey Eagle (разведывательно-ударные), а также тактические средние и легкие БПЛА MQ-8 Fire Scout, RQ-21 Blackjack, RQ-2B Pioneer и RQ-7B Shadow¹³. К тяжелым высотным либо средневысотным также можно отнести стелс-беспилотники RQ-170 Sentinel, которые применяют ВВС США в разведывательных миссиях, и новейшие БПЛА RQ-180, разработанные для действий против противника с развитой системой ПВО и ВВС¹⁴. Планируется начать закупки разведывательного БПЛА нового поколения MQ-25 Stingray. США эксплуатируют аппараты ScanEagle из категории малых тактических БПЛА, а также RQ-11 Raven, RQ-20 Puma и Wasp из категории мини- и микро-беспилотников. В стране производят несколько типов дронов-камикадзе. Беспилотники следующего поколения приходят на смену тяжелым средневысотным БПЛА MQ-1 Predator и тактическим средневысотным RQ-5 Hunter, снятым с вооружения в 2015–2018 гг.

В Китае существуют аналоги американских беспилотников фактически всех типов. Сохраняется вопрос о том, насколько эффективными могут быть дроны на разных уровнях формируемой КНР сетевой системы боевого управления войсками. Из тяжелых высотных БПЛА на вооружении страны находятся такие системы, как BZK-005, BZK-009, CH-T4, ASN-229A, WJ-600, WZ-5 и Wing Loong, из БПЛА среднего радиуса действия – BZK-006, BZK-007, BZK-008, ASN-104/105, ASN-206, ASN-209, ASN-215, ASN-207, W-50 и аппараты серий CH и PW. К классу малых беспилотников ближнего радиуса действия относятся БПЛА серий Z и SH, M-22, SVU-200, V-750 и ряд других, мини- и микробеспилотников – системы CH-802 и CH-803, ASN-15, ASN-211, ASN-212, ASN-216, ASN-217, W-30 и аппараты серии LT¹⁵. В КНР также разрабатывают гиперзвуковые БПЛА, а в 2022 г. был представлен новейший стелс-беспилотник GJ-11, который,

¹² Unmanned aerial vehicle. Op. cit.

¹³ The Military Balance 2022. The International Institute for Strategic Studies. London: Routledge. 2022. 528 p. Pp. 51–59; The Military Balance 2024. The International Institute for Strategic Studies. 2024. London: Routledge. 554 p.

¹⁴ Точные данные о ТТХ этих аппаратов закрыты.

¹⁵ Иванов В. Китайские беспилотники разлетелись далеко. Независимое военное обозрение. 30.11.2023. (https://nvo.ng.ru/armament/2023-11-30/9_1264_chinadrones.html); Храмыхин А.А. Технологии безлюдной войны. Независимое военное обозрение. 20.05.2022. (https://nvo.ng.ru/armament/2021-05-20/1_1141_technologies.html).

согласно оценкам, способен эффективно действовать в оспариваемом воздушном пространстве. На вооружении Армии обороны Израиля стоят БПЛА Heron, Heron TP (Eitan) и Hermes-900 (тяжелые высотные), Aerostar, Searcher-2 и Hermes-450 (средние тактические), Harop, Orbiter 1K и Green Dragon (малые тактические), Hero-30 и Hero-70 (мини- и микробеспилотники).

На вооружении Российской Федерации находятся БПЛА средней дальности типа «Форпост», многофункциональные БПЛА дальнего радиуса действия «Орлан-10», катапультируемые тактические комплексы с БПЛА «Застава», «Гранат-1», «Гранат-2», «Гранат-3», «Гранат-4», «Элерон-3» и «Тахион»¹⁶. В войсках используют многофункциональные БПЛА большой и средней дальности («Альтиус-М» и «Зеница» производства ОКБ М.П. Симонова, «Охотник-У» разработки ОКБ «Сухой», «Орион» компании «Кронштадт»), а также тактические, средние и малые БПЛА разработки компаний «ВР-технологии» (БПЛА вертолетного типа VRT300, конвертопланы), «Zala Aero» (дроны-камикадзе Zala «Ланцет», средние и малые беспилотники Zala 421-16E, БПЛА Zala 421-08M, Zala 421-24, Zala 421 КУБ-БЛА), «Геоскан» (легкие беспилотники «Геоскан лайт» и «Геоскан 201», квадрокоптеры) и аппараты Supersam группы компаний «Беспилотные системы». В рамках Специальной военной операции на Украине вооруженные силы начали применять некоторые новые для российской армии типы беспилотников, включая FPV-дроны (в частности, линейку FPV-дронов «Упырь»)¹⁷.

В военных действиях в Афганистане, Ираке и Сирии ударные беспилотные авиационные комплексы активно применяли для разведки мест дислокации противника и нанесения ударов с помощью средств огневого воздействия. Кроме того, ударные БПЛА могли использовать для оперативного контроля за результатами огневого поражения и, реже – для обнаружения средств воздушного нападения противника. Также ударные БПЛА применяли в рамках контртеррористических операций (в основном США), чтобы обнаруживать и уничтожать базы и районы сосредоточения сил и вооружений террористических группировок, мест базирования и подготовки боевиков [Красинский 2022].

В связи с военными – и особенно контртеррористическими – операциями с применением БПЛА в Афганистане, Ираке, Сирии и Йемене (учитывая зачастую экстерриториальный характер таких операций) в рамках ООН возникали острые дискуссии о правомерности использования беспилотных систем для авиаударов. Поднимался вопрос о том, что аппаратам сложно различать комбатантов и гражданских лиц, что приводит к высоким потерям среди гражданского населения от ударов дронов [Козюлин и др. 2016; Красинский 2022].

В технологическом и оперативном плане беспилотные комплексы в настоящее время значительно влияют на принципы применения пилотируемой авиации, бронетехники и артиллерии, систем ПВО и боевых кораблей на поле боя. Усиливаются тенденции формирования единых разведывательно-ударных комплексов из пилотируемой авиации и БПЛА, артиллерийских систем в сочетании с БПЛА и наземными роботизированными комплексами, боевых кораблей с БПЛА и подводными беспилотными комплексами. В последних крупных конфликтах беспилотники фактически были задействованы на всех уровнях боевых действий любой их интенсивности. Другими словами, без БПЛА теперь

¹⁶ Комплексы БЛА. Министерство обороны Российской Федерации. (<https://mil.ru/924gcba/equipment.htm>).

¹⁷ «Дармовой дрон способен поражать танки НАТО». Как беспилотники изменили ход конфликта. RTVI. com. 24.02.2024. (<https://rtvi.com/stories/darmovoj-dron-sposoben-porazhat-tanki-nato-kak-besplotniki-izmenili-hod-konflikta/>).

не обходится ни один конфликт. Согласно сложившейся практике применения, на бригадном (батальонном) уровне применяют в первую очередь крупные разведывательные БПЛА большой дальности и высоты полета, а также тактические ударные БПЛА среднего радиуса действия. На уровне рот и взводов преимущественно используют малые дроны и барражирующие боеприпасы с радиусом полета до 10 км¹⁸. На один полк обычно требуется 1-2 больших беспилотных летательных аппарата и 4-6 средних; более 20 малых – для командиров рот, взводов [Василенко и др. 2023].

Еще недавно исследователи, прогнозируя разработки БПЛА, говорили о том, что в ближайшие годы будет расти роль комплексов боевой пилотируемой авиации в сочетании с БПЛА, а также будет ускорено оснащение вооруженных сил наземными, морскими и подводными беспилотными комплексами. Большое значение придавалось также разведывательным БПЛА, в первую очередь – средним и тяжелым аппаратам большой высоты и дальности полета по типу американских RQ-4 Global Hawk и MQ-9 Reaper, а также разведывательно-ударным комплексам с БПЛА. Комплексы боевой авиации в сочетании с БПЛА, которые опираются на геолокационные системы получения данных, продолжают активно разрабатывать в США (работа F-35, F-22, C-130 с сетью беспилотников), странах Европы, Австралии (проект MQ-28 Ghost Bat компании Boeing Australia), Китае (проект FH-97A) и России (комплекс Су-57 с БПЛА «Охотник»)¹⁹. Помимо прочего, ряд стран (в т.ч. США и Китай) разрабатывали т. н. рои дронов: мини- и микробеспилотники, которые действуют в виде роя с применением ИИ [Kania 2017]. Несмотря на большое влияние таких разработок, пока не было сообщений об успехах подобных проектов.

Между тем в последние годы сокращаются закупки тяжелых и средних беспилотников, не способных преодолевать системы ПВО высокотехнологичного противника (например, MQ-9 Reaper²⁰). В частности, данная тенденция наблюдается в США и некоторых других странах. Согласно представленным в докладе американскому Конгрессу данным, в 2012 г. для различных видов вооруженных сил США было приобретено около 1210 средних и больших БПЛА, включая MQ-1, MQ-9, RQ-4 и MQ-4. В 2014 г. количество закупаемых устройств такого типа составляло уже 54 единицы, к 2022 г. показатель упал до нескольких единиц²¹. Напротив, наращиваются разработки и закупки БПЛА, которые способны прорываться или просачиваться через вражескую ПВО – т. е. малых или высокоскоростных аппаратов (китайские гиперзвуковые беспилотники, американские Speed Racer, малые беспилотники, применяемые на Украине). Также пользуются спросом тяжелые и средние БПЛА, которые могут противодействовать ПВО и оснащены системами РЭБ (американские RQ-170 Sentinel и RQ-180). Растет интерес к средствам радиоэлектронной борьбы и высокоточным оборонительным системам, способным эффективно противодействовать беспилотникам.

Наиболее заметен рост закупок и массового применения в рамках конфликтов наиболее дешевых малых БПЛА, в том числе переоборудованных гражданских беспилотников.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иванов В. Указ. соч.; Хроленко А. (2019) Беспилотный «Охотник» может переписать стратегию и тактику ударной авиации. Sputnik-ossetia.ru. 11.08.2019. (<https://sputnik-ossetia.ru/20190811/Bespilotnyy-Okhotnik-mozhet-perepisat-strategiyu-i-taktiku-udarnoy-aviatsii-9112538.html>).

²⁰ Хроленко А. Почему США отказываются от истребителей F-35A и ударных беспилотников Reaper. Sputnik Грузия. 28.05.2021. (<https://sputnik-georgia.ru/20210530/Pochemu-SShA-otkazyvayutsya-ot-istrebiteley-F-35A-i-udarnykh-bespilotnikov-Reaper-251878208.html>).

²¹ Unmanned Aircraft Systems: Current and Prospective Programs. Congressional Research Service (CRS) Report. R47067. April 13, 2022. 20 p. (<https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47067/2>).

В частности, американские компании AeroVironment и AEVEX Aerospace наладили широкие поставки на Украину малых дронов Raven, Puma, Quantix Recon и дронов-камикадзе Switchblade 300, Switchblade 600 и Phoenix Ghost. Европейские страны поставляют на Украину другие малые беспилотники: Aladin, Songbird и Vector (Германия), FlyEye (Польша) и ряд других. В рамках почти каждого американского пакета помощи в 2022–2023 гг. Украина получала не менее полутора-двух тысяч дронов различных типов, тогда как потери Вооруженных сил Украины (ВСУ), по имеющимся оценкам, составляют до 10 тыс. БПЛА ежемесячно²², притом они постоянно восполняются. За последние несколько лет сильно возросли продажи малых гражданских БПЛА мультироторного типа, которые могут иметь двойное применение. Данная тенденция наблюдается не только у американских и европейских, но также у китайских (DJI и Autel), турецких и иранских компаний. Также вооруженные силы США, стран Европы, Китая, Турции и др. все чаще комплектуют малыми беспилотниками и дронами-камикадзе²³.

Конфликты в Нагорном Карабахе и на Украине: новые тенденции

Опыт последних лет, включая конфликты в Нагорном Карабахе и на Украине, подтверждает выводы о растущей роли беспилотных систем в современных боевых действиях. Это касается их значения в нацеливании авиационных и артиллерийских систем, нанесении ударов по позициям в тылу противника, «разведывательного» обеспечения наступательных операций с применением бронетехники и артиллерии. Усиливаются тенденции сращивания беспилотников, барражирующих боеприпасов и крылатых ракет как типов (классов) вооружений [Ознобищев, Богданов 2019]. Так, Израиль, Иран, Турция и другие страны разрабатывают соответствующие беспилотные системы (израильские Orbiter и Нагор или иранские Ababil-2). Они могут использовать их в рамках единой системы боевого управления на театре военных действий как барражирующие боеприпасы либо ракеты для наведения, а также как дроны для сбора разведывательной информации. Чаще всего такие устройства производят на одной платформе в соответствующих версиях. Растет привлекательность идей военных экспертов об использовании «целевых сетей» – больших групп дронов, которые можно разворачивать в оспариваемом воздушном пространстве, чтобы поддерживать работу других типов оружия дальнего и ближнего действия (боевых самолетов и вертолетов, артиллерии и бронетехники) [Hamilton, Ochmanek 2020].

Недорогие тактические и малые беспилотники (в т.ч. турецкие Bayraktar TB2 и сделанные по израильской лицензии Orbiter 2 и Aerostar) обеспечили азербайджанским войскам широкую поддержку операций сухопутных сил с воздуха в боевых действиях в Нагорном Карабахе в 2020 г. Помимо прочего, они предоставили значительные возможности для разведки, целеуказания и наведения. Вооруженные силы Азербайджана, опираясь на закупки у израильских компаний IAI, Elbit и Aeronautics, к 2020 г. сформировали внушительный парк БПЛА различных классов: от мини- и малых дронов (Orbiter 2, Aerostar, Orbiter 3, Thunder B) и БПЛА тактического класса (Hermes 450 и поступавшие с начала 2020 г. Bayraktar TB2) до тяжелых высотных БПЛА (Heron 1, Searcher, Hermes 900). Армия

²² «Дармовой дрон способен поражать танки НАТО». Указ. соч.; Валагин А. Forbes: ВСУ теряют 10 тысяч беспилотников в месяц из-за российской РЭБ. RG.ru. 24.05.2023. (<https://rg.ru/2023/05/24/forbes-vsui-teraiut-10-tysiach-bes-pilotnikov-v-mesiach-iz-za-rossijskoj-reb.html>).

²³ Иванов В. Указ. соч.; Современные БПЛА турецкой разработки. Военное обозрение. 08.12.2020. (<https://topwar.ru/177877-sovremennye-bpla-tureckoj-razrabotki.html>).

обороны Нагорно-Карабахской Республики не смогла ничего противопоставить наступательным операциям с высокоинтенсивным применением БПЛА ни в плане средств ПВО, ни в плане средств РЭБ. У стороны не оказалась в распоряжении необходимого количества систем с соответствующими техническими параметрами. Данный факт предопределил победу Азербайджана. Азербайджан применял беспилотники (разведывательные и ударные, а также дроны-камикадзе Orbiter 1K и Harop) и другие средства целеуказания (в т.ч. средства космической разведки), а также провел эффективное наступление с применением авиации, артиллерии и противотанковых ракетных комплексов. В результате защитники непризнанной республики понесли как минимум вдвое больше потерь по танкам и бронетехнике – и еще более несопоставимые потери в артиллерии²⁴.

Главной особенностью применения беспилотников в украинском конфликте стало их массовое использование в боевых действиях. Неслучайно украинский конфликт многие военные эксперты называют «войной дронов». Украинская сторона с первых месяцев конфликта применяла полученные из США и других стран военные беспилотники Phoenix Ghost, Puma, ScanEagle, Switchblade, Bayraktar TB2 и закупаемые у гражданских компаний квадрокоптеры в качестве разведывательных средств и для нацеливания ударов сухопутных сил²⁵. Российская сторона также использовала широкий круг собственных или импортируемых БПЛА: от крупных разведывательных «Орлан-10» и средних тактических «Гераней» до дронов-камикадзе «Ланцет» и «КУБ» и квадрокоптеров [Василенко и др. 2023]. Довольно распространено применение «перепрошитых» гражданских беспилотников (БПЛА с модифицированным бортовым программным обеспечением) для передачи координат целей артиллерии²⁶. Учитывая, что средние тактические БПЛА (в т.ч. те же Bayraktar) были уязвимы для средств ПВО, повысилась роль менее заметных малоразмерных устройств: дронов-камикадзе и коммерческих квадрокоптеров, оснащаемых устройствами для сброса ручных гранат или гранатометных выстрелов.

Эти и другие примеры и способы применения в военных целях БПЛА гражданского типа²⁷ подтверждают возможности двойного применения технологий беспилотных систем. В частности, с БПЛА атаковали российские военные аэродромы²⁸, предпринимались попытки террористических актов с целью уничтожить критически важную инфраструктуру либо гражданские объекты и т.п.²⁹

Все указанные примеры свидетельствуют о том, что в последних конфликтах в масштабы применения БПЛА значительно расширяются: фактически их массово используют на всех уровнях боевых действий. Так, на Украине и в Нагорном Карабахе применяли и/

²⁴ Гундаров В. Оружие Карабахской войны: правда и вымыслы. Армейский стандарт. 13.01.2021. (<https://armystandard.ru/news/2021112934-zRpNy.html>).

²⁵ Fact Sheet on US Security Assistance to Ukraine. US Department of Defense. 09.05.2023. (<https://media.defense.gov/2023/May/09/2003218471/-1/-1/0/UKRAINE-FACT-SHEET-RUE.PDF>).

²⁶ Беспилотные летательные аппараты вооруженных сил Украины. Военное обозрение. 05.01.2023. (<https://topwar.ru/207976-bespilotnye-letatelnye-apparaty-vooruzhennyh-sil-ukrainy.html>).

²⁷ Довольно часто в рамках конфликта на Украине применяли гражданские мультикоптеры с подвесным вооружением, а для сборки БПЛА использовали коммерческие (не имеющие отношения к военной промышленности) компоненты, как в случае с двигателями MD 550 для БПЛА Shahed («Герань»).

²⁸ Грутов Н. А как же ПВО? Национальная служба новостей. 06.12.2022. (<https://nsn.fm/incident/a-kak-zhe-rvo-bespilotniki-atakuut-rossiiskie-aerodromy>).

²⁹ ВСУ предпринимали попытки нанести удары при помощи беспилотников по Балаклавской ТЭС, газораспределительной станции «Газпрома», Крымскому мосту. Атакам подверглись другие критически важные военные и гражданские объекты в Москве, Московской области, Белгородской области, Татарстане и других регионах России.

или применяют самые различные беспилотные летательные аппараты – от малых и мини-дронов, которые ведут съемку в полетах длительностью 15–30 минут, до больших разведывательно-ударных БПЛА, которые могут выявлять и оперативно поражать важнейшие боевые цели. Количество использованных в недавних конфликтах БПЛА разных типов исчисляется тысячами, а в случае с Украиной – десятками тысяч.

Особенно возросла востребованность малых и мини-БПЛА различных конфигураций в связи с тем, что они гораздо чаще «расходятся» на поле боя: их часто сбивают, выводят из строя средствами РЭБ и противовоздушной обороны, они могут ломаться, для них могут требоваться запчасти и т.п. Так, если исходить из имеющихся данных (которые в дальнейшем будут уточняться), потери БПЛА в украинском конфликте составляют от нескольких сотен (без учета потерь малых гражданских коптеров) до нескольких тысяч БПЛА в месяц у каждой стороны (оценки включают малые и мини-коптеры)³⁰.

Таким образом, беспилотные летательные аппараты (в первую очередь малые и мини-беспилотники) становятся «ключевым» расходным материалом в боевых действиях [Василенко и др. 2023]. В то же время и «запасы» БПЛА легче восполнять, чем, например, установки самоходной артиллерии, танки, бронемашин и боеприпасы к ним³¹. Стоимость БПЛА гораздо ниже указанных типов боевой техники, наращивать их производство проще – в том числе из-за того, что многие малые и средние дроны производят коммерческие компании, тогда как специальную прошивку и боевую подвеску к ним специалисты могут изготавливать практически в кустарных условиях³².

Изменения в сфере закупок и экспорта БПЛА

Перечисленные изменения в применении БПЛА в последние годы значительно влияют на общие тенденции в сфере закупок беспилотных аппаратов. Следует отметить, что, несмотря на резкое сокращение закупок тяжелых боевых и разведывательных БПЛА для армии США, экспорт беспилотных летательных аппаратов различных типов из США в последние годы не снизился, а возрос. Так, за последние шесть лет Южная Корея и Япония закупили у США более 10 тяжелых RQ-4 Global Hawk, Австралия – несколько тяжелых морских MQ-4 Triton. Около 70 БПЛА MQ-9 Reaper были экспортированы в Бельгию, Нидерланды, Канаду, Польшу, Францию, Индию и ряд других стран (из них около половины – в 2022 и 2023 гг.)³³. В гораздо больших объемах США поставляли в различные страны и регионы мира тактические и малые беспилотники. В совокупности более 70 современных малых тактических RQ-21 Blackjack в 2018–2023 гг. приобрели Австралия, Бруней, Оман, Таиланд и ряд европейских стран. Более 100 «испытанных» ранее в конфликтах легких тактических БПЛА ScanEagle передали – преимущественно в качестве помощи – Индонезии, Вьетнаму, Малайзии, Филиппинам, Ливану, Ираку, ОАЭ, Афганистану (до 2021 г.) и Бразилии. Кроме того, с 2022 г. США поставили Украине в качестве военной помощи крупные партии легких БПЛА ScanEagle, RQ-20 Puma, Quantix Recon, дронов-камикадзе Switchblade и других БПЛА.

³⁰ Валагин А. Указ.соч.; Величко А. Применение БЛА в специальной военной операции на Украине. Авиация России. 26.08.2022. (<https://aviation21.ru/primenenie-bpla-v-specialnoj-voennoj-operacii-na-ukraine/>).

³¹ Данную тенденцию в ходе украинского конфликта ярко продемонстрировали те проблемы, которые возникли у США и европейских стран при производстве и закупках боеприпасов для передачи Киеву.

³² Дармовой дрон способен поражать танки НАТО. Указ. соч.

³³ US deals with deliveries or orders made for 2018 to 2023. SIPRI Arms Transfers Database. Information generated 8 April 2024.

Вместе с тем под влиянием конфликтов в Нагорном Карабахе и на Украине значительно увеличились продажи беспилотных летательных аппаратов из Турции, Израиля, Ирана и Китая. Нарастание экспорта, как и в США, происходило в основном за счет БПЛА тактического звена и мини-беспилотников. Израиль в 2018–2023 гг. экспортировал около 100 тактических БПЛА Hermes-450, Heron, Aerostar и мини-БПЛА Orbiter-3 и более крупные партии барражирующих боеприпасов Orbiter-1K, Harop и Rotem. Турция продала в другие страны до 200 тактических беспилотников Bayraktar TB-2 (почти половина этих поставок приходилась на 2022–2023 гг.). Количество экспортированных тяжелых высотных и средневысотных БПЛА (израильские Hermes-900 и Heron TP и турецкие Anka и Akinci) при этом не превышает несколько десятков³⁴.

Китай поставлял в другие страны как тактические (CH-3, AR-500), так и тяжелые высотные и средневысотные беспилотники (Wing Loong-1, Wing Loong-2, CH-4A), причем в значительных объемах³⁵. За последние два-три года на рынке беспилотников растут позиции Ирана. Он экспортирует малые тактические БПЛА Ababil-2 и Shahed-136 (в основном применяются как барражирующие боеприпасы или мишени для ПВО, дроны Ababil производят и в разведывательной версии) и более крупные БПЛА Mohajer-6, которые используют в том числе для наведения систем Shahed.

Следует отметить, что здесь приведены только подтвержденные сведения по продажам БПЛА, которые вошли в базу данных СИПРИ по передачам вооружений. Действительные же объемы продаж и поставок беспилотников разных типов (в первую очередь малых и мини-БПЛА) могут быть намного выше. Этот рынок непрозрачен, а на мини-, малые и тактические БПЛА фактически не распространяются ограничения международных режимов экспортного контроля.

Ключевые события в сфере разработок, применения и закупок БПЛА в ведущих странах мира подтверждают, что по всем этим направлениям в последние годы существенно изменились основные тенденции. В целом сокращаются (пока не по всем регионам) закупки тяжелых высотных и средневысотных беспилотников, включая американские RQ-4 Global Hawk и MQ-9 Reaper и их израильские и турецкие аналоги. США закрыли программы производства и закупок тяжелых и средних БПЛА первого и второго поколения MQ-1 Predator и RQ-5 Hunter и тактического беспилотника второго поколения RQ-2B Pioneer, несмотря на их успешное применение в Ираке и Афганистане. Ряд программ по беспилотникам первого и второго поколения прекращают работу и в других странах.

Взамен расширяется разработка и принятие на вооружение новых типов разведывательных и разведывательно-ударных БПЛА, которые изготавливают из новых материалов с применением стелс- и других современных технологий³⁶. Такие аппараты обладают улучшенными возможностями противодействия системам ПВО противника (американские RQ-170, RQ-180, MQ-25 Stingrey, израильские Heron TP, Hermes-900 и др.). Увеличиваются экспорт и поставки в рамках военной помощи тактических, малых и мини-БПЛА, а также барражирующих боеприпасов, формируются новые концепции массированного применения на поле боя «целевых сетей» БПЛА.

³⁴ Israel deals with deliveries or orders made for 2018 to 2023. SIPRI Arms Transfers Database. Information generated 8 April 2024; Turkey deals with deliveries or orders made for 2018 to 2023. SIPRI Arms Transfers Database. Information generated 8 April 2024.

³⁵ Например, только Пакистан и Саудовская Аравия в 2017–2022 гг. закупили 98 тяжелых БПЛА Wing Loong-2.

³⁶ В том числе речь идет об оснащении ряда БПЛА радаром с активной фазированной решеткой (АФАР), которые могут создавать помехи для авиационных средств и систем ПВО противника.

Продолжают расширяться не только производство, но и функционал мини- и малых беспилотников в конфликтах: дронов-камикадзе, гражданских квадрокоптеров с боевой «подвеской» и FPV-дронов. Такие аппараты превращаются в главный «расходный материал» в боевых действиях современного типа и поставляются в зоны конфликтов тысячами и десятками тысяч единиц. В то же время значительно расширились возможности для применения этих БПЛА и спектр выполняемых ими боевых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Афонин И.Е., Макаренко С.И., Петров С.В. и др. (2020) Анализ опыта боевого применения групп беспилотных летательных аппаратов для поражения зенитно-ракетных комплексов системы противовоздушной обороны в военных конфликтах в Сирии, в Ливии и в Нагорном Карабахе // Системы управления, связи и безопасности. № 4. С. 163–191. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2020-10406>

Afonin I.E., Makarenko S.I., Petrov S.V. et al. (2020) Analiz opyta boevogo primeneniya grupp bespilotnyh letatel'nyh apparatov dlja porazheniya zenitno-raketnyh kompleksov sistemy protivovozdushnoj oborony v voennykh konfliktakh v Sirii, v Livii i v Nagornom Karabahe [Analysis of the Experience of Combat Use of Groups of Unmanned Aerial Vehicles to Destroy Surface-to-Air Missile Systems in Military Conflicts in Syria, Libya and Nagorno-Karabakh]. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti*. no. 4, pp. 163–191. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2020-10406> (In Russ.)

Василенко А.Н., Цыбулько А.А., Косолап А.В. (2023) Анализ опыта применения БЛА в ходе специальной военной операции и борьбы с БЛА противника // В: Яковлевские чтения: Сборник научных статей II Межведомственной научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Часть 2. Ред.: Косухин В.В. Новосибирск: Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева. С. 78–87.

Vasilenko A.N., Cybul'ko A.A., Kosolap A.V. (2023) Analiz opyta primeneniya BLA v hode special'noj voennoj operacii i bor'by s BLA protivnika [Analysis of the Experience of Using UAVs During a Special Military Operation and Combating Enemy UAVs]. In: *Yakovlevskie chteniya: Sbornik nauchnykh statej II Mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. In 2 volumes. Vol. 2. Ed(s): Kosuhin V.V. Novosibirsk: Yakovlev Novosibirsk Military Institute. Pp. 78–87. (In Russ.)

Козюлин В.Б., Грант Т., Гребенщиков А.В. и др. (2016) Боевые роботы: угрозы учтенные или непредвиденные // Индекс безопасности. Т. 22. № 3–4. С. 79–96.

Kozyulin V.B., Grant T., Grebenshnikov A.V. et al. (2016) Boevye roboty: ugrozy uchtennye ili nepredvidennye [Combat Robots: Threats Taken into Account or Unforeseen]. *Indeks bezopasnosti*. vol. 22, no. 3–4, pp. 79–96. (In Russ.)

Костин А.С., Богатов Н.В. (2020) Анализ рынка беспилотных летательных аппаратов в России и в мире // В: Аэрокосмическое приборостроение и эксплуатационные технологии: Первая международная научная конференция (Санкт-Петербург, 14–22 апреля 2020 г.). СПб: ГУАП. С. 125–130. <https://doi.org/10.31799/978-5-8088-1450-9-2020-1-125-130>

Kostin A.S., Bogatov N.V. (2020) Analiz rynka bespilotnyh letatel'nyh apparatov v Rossii i v mire [Unmanned Aerial Vehicle Market Analysis in Russia and in the World]. In: *Aerokosmicheskoe priborostroenie i jekspluatacionnye tehnologii: Pervaya mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija (Sankt-Peterburg, 14–22 aprelya 2020). Pervaya mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija (Sankt-Peterburg, 14–22 aprelya 2020 g.)*. Saint-Petersburg: SUAI. Pp. 125–130. (In Russ.)

Красинский В.В. (2022) Применение ударных беспилотных комплексов в контртеррористических операциях // Современное право. № 8. С. 87–99. <https://doi.org/10.25799/N1.2022.31.91.016>

Krasinsky V.V. (2022) Primenenie udarnykh bespilotnyh kompleksov v kontrterroristicheskikh operacijah [The Use of Strike Unmanned Systems in Counter-Terrorism Operations]. *Sovremennoe pravo*. no. 8, pp. 87–99. <https://doi.org/10.25799/N1.2022.31.91.016> (In Russ.)

Макаренко С.И. (2016) Робототехнические комплексы военного назначения – современное состояние и перспективы развития // Системы управления, связи и безопасности. № 2. С. 73–132.

Makarenko S.I. (2016) Robototekhnicheskie komplekсы voennogo naznachenija – sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya [Robotic Systems for Military Purposes – Current State and Development Prospects]. *Sistemy upravlenija, svyazi i bezopasnosti*. no. 2, pp. 73–132. (In Russ.)

Ознобищев С.К., Богданов К.В. (2019) Выходное оружие большой дальности в Европе: проблемы ограничения и контроля // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 9. С. 5–13. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-5-13>

Oznobishchev S.K., Bogdanov K.V. (2019) Vysokotochnoe oruzhie bol'shoj dal'nosti v Evrope: problemy ogranichenija i kontrolja [Precise Long-Range Weapons in Europe: Problems of Limitation and Control]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. vol. 63, no. 9, pp. 5–13. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-5-13> (In Russ.)

Титков О.С., Мухаметжанова А.О. (2022) Применение коммерческих БЛА в военных целях // Авиационные системы. № 7. С. 41–49.

Titkov O. S., Muhametzhanova A. O. (2022) Primenenie kommercheskih BLA v voennyh celjah [Military Use of Commercial UAVs]. *Aviacionnye sistemy*. no. 7, pp. 41–49. (In Russ.)

Boulanin V., Veerbruggen M. (2017) Mapping the Development of Autonomy in Weapon Systems. Stockholm: SIPRI. 147 p.

Hamilton T., Ochmanek D.A. (2020) Operating Low-Cost, Reusable Unmanned Aerial Vehicles in Contested Environments. Preliminary Evaluation of Operational Concepts. Santa-Monica: RAND Corporation. 30 p.

Kania E. (2017) Battlefield Singularity: Artificial Intelligence, Military Revolution, and China's Future Military Power. Washington: Center for a New American Security. 73 p.

Protti M., Barzan R. (2007) UAV Autonomy – Which Level is Desirable? – Which Level is Acceptable? Alenia Aeronautica Viewpoint // In: Platform Innovations and System Integration for Unmanned Air, Land and Sea Vehicles (AVT-SCI Joint Symposium). Meeting Proceedings RTO-MP-AVT-146. Paper 12. Neuilly-sur-Seine: RTO.

Информация об авторе

Евтодьева Марианна Георгиевна, кандидат политических наук, руководитель группы Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: mariannaevt@imemo.ru

About the author

Marianna G. Yevtodyeva, Candidate of Sciences (Political Science), Head of the Group, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 117997, 23 Profsoyuznaya st., Moscow, Russia. E-mail: mariannaevt@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 08.02.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.04.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

УДК [323+325.14](437.3)

DOI: 10.31857/S0869049924030084
EDN: ZZXTWV

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА MIGRATION POLICY

Оригинальная статья / Original article

Политика убежища и контроля над нелегальной миграцией в Чехии¹

© И.А. ЗАХАРОВ, М.М. АГАФОШИН

Захаров Иван Андреевич, Институт Африки РАН (Москва, Россия), vanszax@yandex.ru.
ORCID: 0000-0003-3838-169X

Агафшин Максим Михайлович, Институт Африки РАН (Москва, Россия),
agafoshinmm@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0245-0481

Рассмотрены правовые подходы к контролю над нелегальной миграцией и инструменты политики убежища Чехии, применяемые в ответ на изменение миграционной ситуации после 2015 г. Показано, что до последнего времени Чехия была слабо затронута европейским миграционным кризисом, но сформированный под его влиянием нарратив обусловил растущую популярность антимигрантских настроений, которые стали катализатором изменения миграционной политики в сторону секьюритизации и экстернализации. С резким увеличением численности вынужденных мигрантов с Украины эти тенденции усилились. Чехия смогла нивелировать последствия нового витка миграционного кризиса, однако он обнаружил ряд системных проблем, связанных с имплементацией миграционной политики: острый дефицит финансирования и инфраструктуры; несогласованность выполнения соглашений о реадмиссии. В последнее время влияние Чехии на изменения миграционного законодательства ЕС становится заметнее. При поддержке Вишеградской группы она настаивает на добровольном характере исполнения директив Еврокомиссии и принципе гибкой солидарности, защищая национальный подход к решению миграционных проблем.

Ключевые слова: миграционная политика, Чехия, нелегальная миграция, политика убежища, беженцы, миграционный кризис, Европейский союз, Вишеградская группа

Цитирование: Захаров И.А., Агафшин М.М. (2024) Политика убежища и контроля над нелегальной миграцией Чехии // Общественные науки и современность. № 3. С.110–123. DOI: 10.31857/S0869049924030084, EDN: ZZXTWV

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123. (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00123. (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>).

The Asylum Policy and Illegal Migration Control in the Czech Republic

© I. ZAKHAROV, M. AGAFOSHIN

Ivan A. Zakharov, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanszax@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3838-169X

Maksim M. Agafoshin, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), agafoshinmm@gmail.com. ORCID:0000-0002-0245-0481

Abstract. The change in the migration policy of the Czech Republic after 2015 with focus on illegal migration control and asylum policy are discussed. The authors preferred a separate consideration of the Czech position to a more widespread regional approach, allowing deeper understanding of the priorities of national migration policy. Analysis revealed that until recently this country was affected by the European migration crisis only slightly, but the narrative formed under its influence caused the growing popularity of anti-migrant sentiments, that influenced the change of the migration policy towards securitization and externalization. In the wake of the Ukraine crisis these trends have become stronger. It is shown that the Czech Republic was able to neutralize the consequences of the current migration crisis, but it revealed a number of systemic problems related to the implementation of migration policy. The Czech Republic's migration policy is guided by pan-European standards, but her impact on changes in EU migration legislation is becoming more noticeable. With the support of the Visegrad Group, Prague insists on the voluntary nature of the implementation of the directives of the European Commission and the principle of flexible solidarity, defending the national approach to solving migration problems.

Keywords: migration policy, Czech Republic, illegal migration, asylum policy, refugees, migration crisis, European Union, Visegrad Group

Citation: Zakharov I.A., Agafoshin M.M. (2024) The Asylum Policy and Illegal Migration Control in the Czech Republic. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 110–123. DOI: 10.31857/S0869049924030084, EDN: ZZXTWV (In Russ.)

В конце XX – начале XXI в. Чехия вступила на путь глубоких общественно-политических преобразований, отказавшись от социалистического строя. В 1999 г. эта страна присоединилась к НАТО, в 2004 г. была принята в Европейский союз, а к 2007 г. вошла в Шенгенскую зону. Политическая и экономическая интеграция с ЕС способствовала изменению положения Чехии по отношению к потокам миграции. Если раньше она была страной эмиграции и транзита мигрантов в более развитые страны Европы, то в последнее время Чехия сама стала привлекательной для тысяч мигрантов из других стран мира.

Опыт Чехии в принятии миграционных потоков относительно невелик, и европейский миграционный кризис незначительно затронул страну. Однако, согласно социологическим опросам, чехи в силу особенностей менталитета традиционно скептически относятся к любым мигрантам на своей земле, особенно к переселенцам из мусульманских стран [Коровицына 2018]. Это во многом определяет политические решения правительства Чехии в сфере миграционного контроля и политики убежища, по крайней мере, на декларативном уровне [Bureš, Stojanov 2022]. Антимигрантская риторика нередко заметна в действиях политических элит, например, премьер-министр Чехии в 2017–2021 гг. А. Бабиш заявил в 2018 г. об отказе принимать беженцев из миграцион-

ных центров других стран ЕС². Аналогичную позицию разной степени категоричности высказывают лидеры большинства чешских политических партий [Волкова 2019]. Этим воспользовались правые популистские партии. Так, партия «Свобода и прямая демократия» обеспечила себе заметную общественную поддержку на фоне миграционного кризиса, пользуясь популярностью антииммигрантских и антиисламских настроений [Charvátová, Filipec 2022]. Можно констатировать, что, несмотря на относительно благополучную миграционную ситуацию в стране, вопросы миграционной политики в чешском обществе стали приобретать все большую актуальность, особенно после начала европейского миграционного кризиса.

Существует целый ряд теоретико-методологических оснований изучения миграционной политики, которые могут одновременно быть применены к одному государству. В основе миграционной политики ЕС, в которую интегрирована Чехия, лежит концепция «многоуровневого управления» (МУУ), возникшая в начале 1990-х гг. в рамках европейской интеграции. Развитие МУУ сопровождалось постепенным усилением влияния наднациональных институтов, порой в ущерб интересам государств-членов ЕС. Мы рассматриваем развитие миграционной политики Чехии двояко: с позиции неолиберальной теории международных отношений, согласно которой все большую роль в формировании миграционной политики тех или иных государств оказывают международные и региональные организации, а также с позиций реалистического и институционального направлений, поскольку МУУ предполагает сохранение полномочий государств-членов по регулированию внешних миграционных потоков исходя из экономических и социально-политических реалий, а также императивов государственной безопасности.

Статья посвящена анализу миграционной ситуации в современной Чехии, ее реакции на европейский миграционный кризис с акцентом на контроль над нелегальной миграцией и политику предоставления убежища после 2015 г. Решения страны в этой сфере рассмотрены в контексте интеграции по линии ЕС и Вишеградской группы (В4) [Потемкина 2015; Четверикова 2017], основное внимание сосредоточено на национальных особенностях миграционной политики. Такой подход позволяет сформировать более емкое представление о приоритетах миграционной политики Чехии как самостоятельного политического игрока. Следует иметь в виду, что Чехия играет все более заметную роль в принятии решений, определяющих развитие миграционной политики на общеевропейском уровне и особенно на уровне стран Вишеградской группы. Однако подход этой страны к миграционной политике недостаточно изучен, о чем свидетельствует крайне малое количество публикаций, освещающих современную миграционную ситуацию в Чехии.

Информационная база исследования включает: официальную статистику о структуре иностранцев и вынужденных мигрантов в Чехии; документы, лежащие в основе миграционной политики страны, в том числе ее миграционную стратегию 2015 г., а также программу председательства Чехии в Совете ЕС.

Миграционная ситуация в Чехии

За последние 30 лет по мере роста социально-экономического благополучия миграционная привлекательность Чехии значительно повысилась. Так, по официальным данным, в 1993 г. на территории Чехии было зарегистрировано 77,1 тыс. иностранных граждан, в 2005 г. – спустя год после вступления в ЕС – их численность достигла 278,3 тыс.,

² Бабиш: Чехия не примет беженцев из миграционных центров других стран ЕС. 07.02.2024. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5340688>).

к 2007 г. – после вступления в Шенгенскую зону – 392,3 тыс., в 2015 г. – на начало европейского миграционного кризиса – 464,7 тыс., а на конец 2022 г. – 1113,7 тыс. Таким образом, всего за 30 лет численность иностранцев в Чехии увеличилась более чем в 14 раз, а их доля в населении страны превысила 10%³. Традиционно Чехия привлекает мигрантов из постсоветских и восточноевропейских государств. В структуре мигрантов, особенно в связи с последними событиями в Восточной Европе, преобладают украинцы: к 2023 г. их численность достигла 635,9 тыс. (57,1% от общей численности иностранцев в стране). Далее идут граждане Словакии – 117,3 тыс. (10,5%), Вьетнама – 66,3 тыс. (6,0%), России – 44,3 тыс. (3,9%)⁴ человек. На общем фоне в национальной структуре мигрантов, прибывающих в Чехию, выделяется крупная вьетнамская диаспора, происхождение которой объясняют гуманитарная помощь, которую Вьетнаму предоставляли страны социалистического лагеря во время Вьетнамской войны, а также тесные вьетнамско-чешские отношения, которые зародились в 1950-е гг. и укрепились в 1990-е гг. [Nožina, Kraus 2020].

Помимо официально зарегистрированных иностранцев, на территорию Чехии прибывают значительные контингенты нелегальных мигрантов. Оценка их численности различна в зависимости от методологии подсчета и заданных критериев. Мы используем данные Управления полиции по делам иностранцев МВД Чехии, которое предоставляет детализированную статистику нелегальной миграции за 2008–2021 гг.⁵

В 2008–2014 гг. количество случаев незаконного пребывания на территории Чехии и нарушений пограничного режима росло незначительно – с 3,8 до 4,8 тыс., но в 2015 г. оно увеличилось почти в два раза, достигнув 8,6 тыс. случаев. Начало следующего десятилетия ознаменовано новой фазой активизации нелегальной миграции. В 2020 г. зарегистрировано 7,1 тыс. нарушений миграционного законодательства страны, а в 2021 г. их количество достигло 11,2 тыс. Согласно официальным данным, среди нелегальных мигрантов в Чехии преобладают граждане Украины. Однако в пик миграционного кризиса значительно возросла численность нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока [Агафшин и др. 2023], что стало причиной для ужесточения миграционной политики. В 2015 г. из 8323 случаев незаконного пребывания в Чехии 2016 случаев пришлось на граждан Сирии, 588 – Кувейта, 583 – Афганистана, 403 – Ирака. Тем не менее доля украинцев в миграционном потоке по-прежнему оставалась высокой.

В соответствии с международными и региональными договорами Чехия предоставляет статус беженца лицам, вынужденным покинуть страну постоянного проживания. Рассматривает заявления о статусе беженца Департамент по вопросам убежища и миграционной политики МВД Чехии, который предоставляет в том числе статистическую информацию⁶. Количество поданных заявлений ищателями убежища в Чехии невелико: так, со вступления страны в ЕС до июля 2021 г. оно составило 32,1 тыс. Из них 15,5 тыс. (48,3%) происходят из стран Европы, 12,6 тыс. (39,3%) – Азии, 2,5 тыс. (7,8%) – Африки, 0,9 тыс. (2,8%) – Северной и Южной Америки. В структуре заявителей по происхождению выделяются государства бывшего социалистического блока, на долю которых приходится более 60% всех просителей убежища в Чехии (табл. 1).

³ Czech Statistical Office. Foreigners in the Czech Republic by citizenship in the years 1994–2022 (as at 31 December 2022). 07.02.2024. (<https://www.czso.cz/csu/cizinci/number-of-foreigners-data#rok>).

⁴ Ibid.

⁵ Directorate of Foreign Police Service. Illegal stay in the territory of the Czech Republic in the years 2008–2021. 07.02.2024. (https://www.czso.cz/documents/11292/31309535/c07R77a_2021.pdf).

⁶ Детализированные данные доступны только до 23 июля 2021 г., а более свежая статистика предоставляется в обобщенном виде.

Таблица 1

Структура вынужденной миграции в Чехию по странам
и макрорегионам⁷ мира, 2008–2021 гг.

Table 1

Structure of forced migration to the Czech Republic by country
and world's macro-regions, 2008–2021

Страна (регион)	Количество прошений о статусе беженца	Количество одобренных ходатайств	Доля положительных решений, %
Европа	15469	861	5,6
ЕС	1224	1	0,1
Словакия	922	0	0,0
Болгария	121	1	0,8
Румыния	102	0	0,0
Другие страны Европы	14245	860	6,0
Украина	8169	181	2,2
Россия	2797	332	11,9
Беларусь	1306	285	21,8
Турция	990	15	1,5
Молдова	523	26	5,0
Азия	12599	1027	8,2
Вьетнам	1852	19	1,0
Грузия	1443	25	1,7
Армения	1165	75	6,4
Монголия	1150	6	0,5
Китай	1011	26	2,6
Казахстан	1003	101	10,1
Сирия	866	62	7,2
Ирак	665	161	24,2
Северная и Южная Америка	881	49	5,6
Куба	790	36	4,6
Африка	2514	124	4,9
Нигерия	578	11	1,9
Египет	489	8	1,6
Алжир	350	–	–
Всего	32146	2132	6,6

Источник: составлено авторами по⁸.

Source: compiled by the authors according to⁸.

⁷ Страновой состав макрорегионов мира приводится в соответствии с данными властей Чехии.

⁸ Department for Asylum and Migration Policy, Ministry of the Interior. Number of applications for international protection by citizenship and year of start of the proceeding. 07.02.2024. (https://www.czso.cz/documents/11292/32579082/c02R21_2021.pdf); Department for Asylum and Migration Policy, Ministry of the Interior. Asylum status granted – number of decisions by year. 07.02.2024. (https://www.czso.cz/documents/11292/32579082/c02R22_2021.pdf); Directorate of Foreign Police Service. Foreigners by category of residence, sex, and citizenship as at 31 December 2022. 07.02.2024. (https://www.czso.cz/documents/11292/27914491/2212_c01t22.pdf).

Из таблицы видно, что для Чехии характерна низкая доля положительных решений о предоставлении статуса беженца. За указанный период количество удовлетворенных заявлений составило только 2132 единицы, т. е. 6,6% от их общего количества. При этом просители убежища из некоторых государств чаще других получали положительное решение. Например, для граждан Мьянмы их доля составила 97,4% (184 из 189 прошений), России – 63,4% (332 из 524), Афганистана – 38,0% (172 из 452), Ирака – 24,2% (161 из 665), Беларуси – 21,8% (285 из 1306). По итогам 2022 г. численность вынужденных мигрантов существенно увеличилась за счет предоставления статуса временной защиты 465,1 тыс. украинцев. В результате Чешская Республика заняла первое место в Европе по численности вынужденных мигрантов на душу населения⁹. Тем не менее лишь незначительная часть из них подала заявления на предоставление убежища, поэтому, согласно официальной статистике, численность зарегистрированных беженцев гораздо меньше и составляет только 2456 человек.

После вступления в ЕС Чехия становилась все более привлекательной страной прибытия для разных категорий мигрантов, в т.ч. нелегальных, и просителей убежища. Несмотря на растущую привлекательность Чехии, статистические данные свидетельствуют об ограниченном росте численности вынужденных и нелегальных мигрантов в этой стране, тем не менее сформированная под влиянием европейского миграционного кризиса риторика способствовала усилению антимигрантских и антиисламских настроений в чешском обществе.

Контроль над нелегальной миграцией и политика убежища в современной Чехии

Борьба с нелегальной миграцией. Противодействие нелегальной миграции в современной Чехии во многом продиктовано нормами Шенгенского соглашения. Подписав его, чешское правительство изменило подход к определению нелегальной миграции в соответствии с общеевропейскими нормами. Основные изменения в этой сфере были внесены уже в 2008 г. – этот год без преувеличения можно назвать началом новой миграционной политики Чехии, ключевой целью которой стала безопасность государственных границ и границ ЕС.

С 2008 г. Чехия акцентирует внимание на двух видах нарушения миграционного законодательства: незаконном пересечении границы Шенгенской зоны и незаконном пребывании на территории Чехии. В первом случае отслеживают иностранцев, которые незаконно пересекли или пытались пересечь границы Шенгенской зоны через международные аэропорты или воздушное пространство Чехии. В период европейского миграционного кризиса правительство стало уделять значительно больше внимания защите внешних границ. Так, принятый в 2016 г. закон № 191 об охране государственной границы Чешской Республики¹⁰ предусматривает расширение контрольных мер, а также полномочий полиции и служб пограничного контроля. Например, § 6 дает возможность закрыть пропускной пункт в случае серьезной угрозы общественному порядку, безопасности, обороне государства или жизни и здоровью отдельных лиц. Ко второй категории относятся лица, попавшие в Чехию из соседних стран без необходимых документов или другим образом нарушающие условия пребывания иностранцев на территории страны, в т.ч. в транзитных зонах международных аэропортов.

⁹ Czech Republic. UNHCR: the UN Refugee Agency. 07.02.2024. (<https://www.unhcr.org/countries/czech-republic>).

¹⁰ Předpis 191/2016 Sb. 07.02.2024. (<https://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?cz=191&r=2016>).

В качестве наказания за нарушение миграционного законодательства Чехии предусмотрено административное выдворение и уголовное наказание в виде высылки. В соответствии с § 118 Закона № 326 о пребывании иностранцев на территории Чешской Республики¹¹, административное выдворение означает прекращение пребывания иностранца на территории Чехии в установленный срок с последующим введением ограничений на въезд на территорию Евросоюза. Продолжительность подобных ограничений устанавливает Управление службы полиции по делам иностранцев. На основании окончательного решения об административном выдворении иностранца регистрируют как нежелательное лицо и вносят в соответствующий реестр.

Наказание в виде высылки может быть применено судом к правонарушителю в соответствии с § 80 Закона № 40 Уголовного кодекса¹². К этой мере наказания, в отличие от административного выдворения, может быть добавлен штраф и/или заключение под стражу, если это необходимо для безопасности. Иностранца могут выдворить из страны без дополнительных мер, если такая необходимость отсутствует. Как и в случае административного выдворения, после окончательного решения Управления службы полиции по делам иностранцев о выдворении иностранца, последнего вносят в реестр нежелательных лиц.

Важное место в миграционной политике Чехии занимают соглашения о реадмиссии. По состоянию на 2018 г. Чехия имела двусторонние соглашения с 16 странами Европы, Северной Америки и Азии. Кроме того, Чехия выступает стороной соглашений о реадмиссии как член ЕС еще с 17 государствами¹³. Часть этих соглашений была заключена с ней как страной эмиграции (например, с Германией, Канадой), часть – как страной иммиграции или транзита (например, с Вьетнамом, Молдовой и др.). Тем не менее полное соответствие между соглашениями о реадмиссии и странами происхождения нелегальных мигрантов отсутствует. В частности, с Афганистаном, Беларусью, Ираком, Казахстаном, Китаем, Кувейтом, Сирией, Узбекистаном и др. таких соглашений пока нет. Обращает на себя внимание отсутствие двусторонних соглашений с Украиной – родиной большей части мигрантов в Чехии. Вместе с тем эффективность соглашений в некоторых случаях оставляет желать лучшего. Так, в 2022 г. Р. Микулец, глава МВД Словакии, страны, через которую в Чехию попадает значительная часть мигрантов, обвинил чешское правительство в том, что оно не соблюдает условия соглашения о реадмиссии, не согласовывая с принимающей стороной точное место и время передачи мигрантов¹⁴.

Политика убежища. В основе политики убежища Чехии лежит закон № 325 об убежище и многочисленные поправки к нему¹⁵. Рассмотрение заявлений – прерогатива Департамента по вопросам убежища и миграционной политики, который принимает решение по каждому отдельному запросу в течение 180 дней. За политику убежища и интеграции иностранцев отвечают 18 центров, которые курирует Департамент и негосударственные некоммерческие организации. Данная сеть включает: центр приема, центры содержания (пребывания), центры интеграции¹⁶.

¹¹ Předpis 326/1999 Sb. 07.02.2024. (<https://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?r=1999&cz=326>).

¹² Předpis 40/2009 Sb. 07.02.2024. (<https://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?cz=40&r=2009>)

¹³ Přehled readmisních dohod, jimiž je Česká republika vázána. 07.02.2024. (<https://www.mvcr.cz/migrate/clanek/migrate-web-legislativa-legislativa.aspx?q=Y2hudW09NA%3d%3d>).

¹⁴ Mikulec: Česko nedodržuje podmínky readmisní dohody připředávání migrantůna Slovensko. 07.02.2024. (<https://denikn.cz/minuta/984983/>).

¹⁵ Předpis 325/1999 Sb. 07.02.2024. (<https://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?r=1999&cz=325>).

¹⁶ Výroční zpráva Center na podporu integrace cizincůzarok 2022. 07.02.2024. (https://www.suz.cz/wp-content/uploads/2023/05/2022_zprava_CPIC.pdf).

Закон предусматривает пребывание иностранца в центре приема до 4 месяцев, в течение которых его идентифицируют, готовят заявление о предоставлении убежища, проводят медицинское освидетельствование и т.п. В настоящее время действует только один такой центр – в Пражском аэропорту им. Вацлава Гавела¹⁷. После завершения этих процедур просителей убежища переводят в центр содержания (пребывания), где они находятся до принятия решения; в качестве исключения в таком центре могут проживать иностранцы, подавшие кассационную жалобу в связи с отказом предоставить убежище. В Чехии функционирует три таких центра: в пос. Заставка, пос. Гавиржов, пос. Костелец-над-Орлицей¹⁸. В силу ограниченного количества мест, просители убежища могут ходатайствовать о предоставлении международной защиты в центрах содержания иностранцев в г. Бела-под-Бездезем, г. Вышнии-Лготы и пос. Балкова. Закон предусматривает возможность получения защиты иностранцами, которые не соответствуют требованиям по предоставлению убежища, но по отношению к которым существуют разумные опасения, что в случае возвращения на родину им будет угрожать опасность.

Важное место в системе международной защиты Чехии занимают интеграционные центры, расположенные в г. Брно, Яромерже, г. Гавиржове и г. Усти-над-Лабем. В этих центрах мигрантам предоставляют жилье и помощь социального работника, чья задача состоит в сопровождении в решении бытовых вопросов, поиске работы, получении образования и других видах деятельности, позволяющих интегрироваться в чешское общество. Кроме этого, действует еще 9 центров поддержки интеграции иностранцев, куда они могут обращаться при необходимости¹⁹.

Как было сказано выше, лишь скромная часть просителей убежища получает положительное решение на свои ходатайства, совсем малая часть получает гражданство. Так, с 2004 по 2021 г. было только 1018 таких случаев, из них гражданство получили 163 выходца из Беларуси, 143 из России, 79 из Украины, по 73 из Афганистана и Армении и т.д.²⁰ Большая часть заявителей получают отказ, их помещают в центры содержания, где они ожидают высылки из страны. Как показала А. Щепаникова, в целом прохождение через систему международной защиты в Чехии и ЕС крайне сложное, а условия жизни в некоторых центрах пребывания беженцев крайне тяжелы. Более того, несмотря на нехватку инфраструктуры для необходимых процедур, Чехия в 2000-х гг. сократила количество центров для беженцев. Это объясняется снижением потока вынужденных мигрантов в тот период и внедрением Дублинского регламента, который позволил высылать нелегальных мигрантов и беженцев в соседние страны, через которые они въехали в ЕС [Szczepanikova 2013].

В 2022 г. нагрузка на центры беженцев существенно возросла в связи с масштабным притоком украинцев, и обнаружилась уязвимость Чехии перед лицом крупного миграционного кризиса, которого ей удавалось избегать ранее. В сжатые сроки власти сумели нарастить мощности центров, однако финансирования на их полноценную работу не хватает. Так, на интеграцию иностранцев в 2023 г. было выделено только 54,3 млн крон (около 2,2 млн евро). При общей численности иностранцев в 1010,7 тыс. чел., из которых

¹⁷ Refugee facilities administration of the ministry of the interior. 07.02.2024. (<https://www.suz.cz/en/>).

¹⁸ EMN Annual Policy Report on Asylum and Migration: Czech Republic, 2021. 07.02.2024. (<https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/2022-09/ARM%20CZ%202021%20PART%20.pdf>, p. 75).

¹⁹ Refugee facilities administration...

²⁰ Department for Asylum and Migration Policy, Ministry of the Interior. Czech citizenships granted to refugees. 07.02.2024. (https://www.czso.cz/documents/11292/32579082/c02R23_2021.pdf/37bc9589-d214-49a6-a15d-8868ef2dbd59?version=1.0).

453,5 тыс. входят в целевую группу интеграционной политики, затраты бюджета на человека составляют примерно 5 евро в год²¹. До того, в период с 2014 по 2020 г., Евросоюз выделил Чехии 92,5 млн евро: 51,2 млн из фонда Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF) на развитие системы контроля над миграционными потоками, системы убежища, интеграции мигрантов, возврата мигрантов и 41,3 млн из Internal Security Fund на обеспечение внутренней безопасности и защиты границ ЕС. Однако по итогам 2019 г. из обещанной суммы было выплачено только 26,5 млн евро²².

Политические решения по интеграции украинских переселенцев позволили в определенной степени нивелировать проблемы, связанные с нынешним миграционным кризисом. Тем не менее опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что чехи выступают против длительного пребывания украинцев в стране. Более того, дискуссии о политической субъектности украинской диаспоры снижают энтузиазм и чешского правительства по поддержке выходцев с Украины [Ведерников 2022а]. Ситуацию усугубляет нехватка финансирования миграционной политики Чехии, а также растущая социальная напряженность среди украинских переселенцев, которые все острее испытывают проблемы, связанные с трудоустройством и преодолением бедности.

Учет национальных интересов в миграционной политике ЕС

Развитие миграционной политики Чехии во многом соответствует общеевропейским тенденциям, т. е. ее секьюритизации и экстернализации. Первоочередной задачей после 2015 г. стало обеспечение внутренней безопасности за счет введения жестких ограничений на въезд иностранцев, в первую очередь из арабских и африканских стран [Абрамова 2015; Тимакова 2022]. О приоритетах современной миграционной политики Чехии можно судить исходя из ее миграционной стратегии, утвержденной в 2015 г.²³ [Миграционные процессы 2019]

Миграционная стратегия Чехии ориентирована на политику в области миграции ЕС, а ее внедрение во многом зависит от правовых инструментов, используемых на общеевропейском уровне [Roles and Ideologies... 2024]. Это касается прежде всего политики убежища, защиты внешних границ ЕС, а также вопросов реадмиссии. Относительно высокую степень свободы Чехия сохранила в сфере легальной миграции и интеграции иностранцев. Один из ключевых приоритетов страны – поддержание безопасности на национальном уровне, что обеспечивают интеграция иностранцев и противодействие нелегальной миграции, а также участие в защите границ Шенгенской зоны. Среди рисков отмечают криминализацию миграции и контрабанду мигрантов. В документе подчеркнута необходимость экстернализации миграционной политики, что предполагает помощь беженцам в их возвращении на родину, поддержку социально-экономического развития стран происхождения и транзита мигрантов. Чехия выразила солидарность с большинством предложенных добровольных мер новой миграционной повестки Европейской комиссии (2015)²⁴.

²¹ PostuppřirealizaciaktualizovanéKoncepceintegracecizinců – Vevzájemnémrespektu 2023. 07.02.2024. (<https://www.mvcr.cz/migrace/clanek/zakladni-dokumenty-k-integracni-politice-ke-stazeni.aspx>).

²² Managing Migration. EU Financial Support to the Czech Republic. 2019. 14.05.2024. (https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/2019-10/201910_managing-migration-eu-financial-support-to-czech-republic_en.pdf).

²³ Strategie migrační politiky České republiky 2015. 07.02.2024. (<https://www.mvcr.cz/clanek/strategie-migracni-politiky-cr.aspx>).

²⁴ Strategie migrační politiky... pp. 4–5.

Миграционная стратегия Чехии, цель которой – усиление положительных и нивелирование негативных последствий миграции, предполагает использование широкой палитры инструментов. Нас интересуют прежде всего те из них, которые касаются борьбы с нелегальной миграцией, политики убежища и возврата переселенцев, поскольку именно эти аспекты миграционной политики определяют возможность преодолеть миграционный кризис.

Инструментарий миграционной политики Чехии в области борьбы с нелегальной миграцией предполагает усиление исполняемости решений об административном выдворении и контроля над операциями по возвращению нелегальных мигрантов; проверки иностранцев по месту жительства; развитие механизмов фильтрации миграционных потоков, проходящих через или направленных в Чехию, до их въезда на территорию страны; ужесточение контроля над трудовой деятельностью иностранцев; совершенствование правовой базы и углубление международного сотрудничества в сфере выявления и борьбы с нелегальной миграцией с акцентом на торговлю людьми и реадмиссию и др.²⁵

Что касается предоставления убежища, в стратегии подчеркивается принцип европейской солидарности: «Чешская Республика должна продолжать стремиться к повышению качества системы предоставления убежища и приема просителей убежища в соответствии с правилами ЕС, в то же время оказывая достаточное давление на своих партнеров в ЕС, чтобы они делали то же самое». Среди инструментов политики убежища обозначены: 1) план расширения системы убежища при увеличении миграционного потока в Чехию; 2) внесение поправок в Закон об убежище и связанные с ним нормативы, призванные гармонизировать чешское законодательство; 3) мониторинг дебатов о возможном пересмотре основ общеевропейской системы убежища, включая анализ ее функционирования в рамках Дублинской системы, и возможных последствий этих изменений для Чехии; 4) модернизация информационной системы в сфере международной защиты, в т.ч. создание системы сбора данных о происхождении просителей убежища; 5) программы переселения в рамках Концепции Национальной программы переселения. С целью сократить потоки просителей убежища и нелегальных мигрантов предполагается усилить взаимодействие со странами их происхождения и транзита в рамках Региональных программ защиты и развития ЕС и аналогичных проектов²⁶.

Миграционная стратегия во многом носит декларативный характер, не обязывая руководство страны предпринимать какие-либо конкретные действия в установленные сроки. Относительно обозначенных аспектов документ во многом повторяет принятые на общеевропейском уровне принципы по нивелированию рисков, связанных с миграционными кризисами. Во время председательства Чехии в Совете ЕС в 2022 г. была продемонстрирована приверженность общеевропейским ценностям и политическому курсу организации [Ведерников 2022b]. Важное место в чешской программе уделено миграции в контексте украинского конфликта, однако акцент сделан на внешнем измерении миграционной политики и обеспечении безопасности ЕС. Особо подчеркнута необходимость реформировать систему ЕС по политическому регулированию миграции, развивать «МОКАДЕМА» – механизм координации действий по внешнему измерению миграции, проводить запланированные мероприятия по сотрудничеству с третьими странами. В рамках такого взаимодействия Чехия акцентирует важность поддерживать афганцев, а также не допускать неправомерных, по ее мнению, действий Беларуси, которая пропустила на территорию

²⁵ Strategie migrační politiky... pp. 8–10.

²⁶ Ibid, pp. 11–13.

Польша тысячи беженцев с Ближнего Востока в 2021 г.²⁷ Чтобы повысить эффективность политического регулирования межрегиональных миграционных потоков, организована Конференция министров Пражского процесса в октябре 2022 г. с участием стран Западных Балкан, Восточной Европы, Центральной Азии и Турции. Ее цель – утвердить План действий на 2023–2027 гг., чтобы преодолеть миграционные проблемы²⁸.

Во внешнеполитических инициативах Чехии можно проследить не только безоговорочную поддержку общеевропейских принципов, но и приверженность национальным интересам, которые во многом совпадают с позицией стран Вишеградской группы. Так, в наиболее острой фазе миграционного кризиса, начавшегося в 2015 г., Чехия совместно с Венгрией, Словакией и Польшей выступала против плана по перераспределению беженцев из Греции и Италии по странам-членам ЕС [*Хотивришвили* 2022]. Позиция В4 была четко обозначена на саммите, проведенном в Праге 4 сентября 2015 г., где группа настаивала на том, чтобы исполнение мер солидарности стран ЕС носило исключительно добровольный характер, а меры могли опираться не на директивы сверху, а на собственный опыт, достижения и имеющиеся ресурсы [*Потемкина* 2015; *Квашнин и др.* 2017].

Консолидация стран В4 по этому вопросу позволила им оказать заметное влияние на новый Пакт о миграции и убежище Евросоюза, что проявилось в усилении курса на секьюритизацию, а также экстернализацию миграционной политики организации. Пакт не был оставлен без внимания и во время председательства Чехии в Совете ЕС: «Чехия продолжит обсуждение отдельных законодательных предложений и инициатив, выдвинутых в соответствии с усилиями по реформированию миграционной политики, а также в рамках нового Пакта о миграции и убежище. Ввиду их взаимосвязанности, Чехия будет способствовать общей интеграции предложений в эффективную, устойчивую и справедливую систему, основанную на консенсусе»²⁹. Таким образом, Чехия занимает решительную позицию, защищая национальные интересы в сфере миграционной политики, на чем уже долгое время настаивают страны Вишеградской группы. Учитывая запланированное на 2024 г. председательство в Совете ЕС Венгрии, а затем, в 2025 г., Польши, можно ожидать усиления влияния В4 на развитие общеевропейской миграционной политики. Тем не менее нельзя сказать, что на уровне выполнения политических решений В4 всегда едина. Об этом свидетельствует, например, недавний конфликт между Словакией и Чехией из-за нарушения процедур реадмиссии, о котором упоминалось выше.

* * *

В последние годы место Чехии в европейской миграционной системе претерпело серьезные изменения. В результате страна стала более привлекательной для мигрантов, особенно из постсоветских и восточноевропейских государств, а также некоторых стран Азии. Несмотря на то что Чехия до последнего времени не имела опыта преодоления масштабного миграционного кризиса, с 2015 г. все большую популярность в стране приобретают антимигрантские настроения. Увеличивается доля чехов, недовольных проводимой

²⁷ Programme of the Czech Presidency of the Council of the European Union. 2022. 07.02.2024. (<https://wayback.archive-it.org/12090/20230320173300/https://czech-presidency.consilium.europa.eu/media/ddjjq0zh/programme-cz-pres-english.pdf>).

²⁸ Министры стран Пражского процесса приняли Совместную декларацию и План действий по активизации сотрудничества в сфере миграции. 07.02.2024. (<https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/695-ministry-stran-prazhskogo-protsessa-prinyali-sovmestnuyu-deklaratsiyu-i-plan-dejstvij-po-aktivizatsii-sotrudnichestva-v-sfere-migratsii>).

²⁹ Programme of the Czech Presidency... pp. 33–34.

ЕС миграционной политикой (с 33% в 2014 г. до 45% в 2023 г.). Аналогичные тенденции наблюдаются и в других странах В4 и Восточной Европы³⁰.

В связи с этим в миграционной стратегии Чехии и опирающихся на нее законодательных актах усиливается акцент, во-первых, на секьюритизацию, направленную на ужесточение контроля над потоками беженцев и борьбу с нелегальной миграцией, во-вторых, на экстернализацию миграционной политики за счет различных социальных программ в странах транзита и происхождения мигрантов³¹. Эти тенденции стали еще заметнее в связи с резким усилением потока украинских вынужденных мигрантов в 2022 г.

Благодаря активному развитию национальной миграционной стратегии, Чехия, столкнувшись с нынешним миграционным кризисом, смогла мобилизовать ресурсы для нивелирования его последствий. Тем не менее кризис вскрыл ряд проблем миграционной политики страны, связанных прежде всего с трудностями ее имплементации. Последнее вызвано нехваткой финансирования и инфраструктуры, несоответствием между странами происхождения и транзита мигрантов и соглашениями о реадмиссии, а также несогласованностью механизмов исполнения таких соглашений с соседними странами, прежде всего со Словакией.

Интеграция Чехии в ЕС позволила ей оказывать заметное влияние на общеевропейскую миграционную политику. На декларативном уровне Чехия в целом поддерживает общеевропейские ценности и политические решения. Однако она настаивает, с одной стороны, на добровольном характере исполнения директив Еврокомиссии и принципе гибкой солидарности, с другой стороны, требует уважения к историческому опыту стран и национальным подходам к решению вопросов, связанных с миграцией. Аналогичной позиции придерживаются и страны В4, которые, судя по всему, будут оказывать все более заметное влияние на миграционную политику ЕС, продвигая свои интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова И.О. (2015) Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности // Ученые записки Института Африки РАН. № 2(33). С. 127–136.

Abramova I.O. (2015) Afrikanskaya transgranichnaya migratsiya i problemy mezhdunarodnoi bezopasnosti [African Trans-border Migration and Problems of International Security]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. no. 2(33), pp. 127–136. (In Russ.)

Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. (2023) Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. № 1. С. 29–43.

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2023) Prostranstvennaya transformatsiya migratsionnoy sistemy v period krizisa [Spatial transformation of the migration system during the crisis]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. no. 1, pp. 29–43.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102> (In Russ.)

Ведерников М.В. (2022а) Опыт Чехии по преодолению миграционного кризиса 2022 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 6. С. 32–41.

³⁰ Eurobarometer. Public Opinion In The European Union. Autumn 2014. P. 175. 14.05.2024. (http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm); Eurobarometer. Public Europeans' opinions about the European Union's priorities. Spring 2023. P. 66. 14.05.2024. (<https://www.europa.eu/eurobarometer>).

³¹ Engaging in Africa: Czechia's Strategy 2022. 14.05.2024. (https://mzv.gov.cz/file/4922484/AFR_Engaging_in_Africa_Czechia_s_Strategy_FINAL.pdf).

Vedernikov M.V. (2022a) Opyt Chekhii po preodoleniyu migracionnogo krizisa 2022 g. [Czech experience in overcoming the migration crisis 2022]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, no. 6, pp. 32–41. (In Russ.)

Ведерников М.В. (2022b) Председательство Чехии в Совете ЕС // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. № 4. С. 4–22.

Vedernikov M.V. (2022b) Predsedatel'stvo Chekhii v Sovete ES [Czech presidency of the EU Council]. *Visegrad Europe. Central European Journal*, no. 4, pp. 4–22. (In Russ.)

Волкова Д.А. (2019) Миграционный вопрос в законодательстве и программах политических партий Чешской Республики // Россия и современный мир. № 4. С. 57–74.

Volkova D.A. (2019) Migracionnyj vopros v zakonodatel'stve i programmah politicheskikh partij Cheshskoj Respubliki [The migration issue in the legislation and programs of political parties of the Czech Republic]. *Russia and the contemporary world*, no. 4, pp. 57–74. (In Russ.)

Квашнин Ю.Д., Кузнецов А.В., Трофимова О.Е., Четверикова А.С. (2017) Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 97–107.

Kvashnin Yu.D., Kuznecov A.V., Trofimova O.E., Chetverikova A.S. (2017) Migracionnyj krizis v ES: nacional'nye otvety na obshchij vyzov [The European migrant crisis: common challenge and national responses]. *World Economy and International Relations*, no. 1, pp. 97–107. (In Russ.)

Коровицына Н.В. (2018) Современная чешская нация: проблемы идентичности // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 4. С. 184–189.

Korovicyna N.V. (2018) Sovremennaya cheshskaya natsiya: problemy identichnosti [Modern Czech Nation: Problems of Identity]. *Scientific and Analytical Herald of the IE RAS*, no. 4, pp. 184–189. (In Russ.)

Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы (2019) Ред. О.Е. Трофимова. М.: ИМЭМО РАН. 211 с.

Migracionnyye processy v Evrosoyuze: sovremennye problemy i vyzovy [Migration processes in European Union: problems and challenges] (2019) Ed. O.Ye. Trofimova. Moscow, IMEMO. 211 p. (In Russ.)

Потемкина О.Ю. (2015) Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. № 6. С. 36–45.

Potemkina O.Yu. (2015) Migracionnyj krizis v ES: rol' stran Vishegradskoj grupy [Migration crisis in the EU: the Visegrad Group]. *Contemporary Europe*, no. 6, pp. 36–45. (In Russ.)

Тимакова О.А. (2022) Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 29–37.
<https://doi.org/10.31857/S032150750015837-2>

Timakova O.A. (2022) Vzaimodeistvie Evrosoyuza so stranami Yugo-Vostochnogo Sredizemnomor'ya: ot «kol'tsa druzej» k «kol'tsu ognya» [European Union interaction with South-Eastern Mediterranean: From «Ring of friends» to «Ring of fire»]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 2, pp. 29–37.
<https://doi.org/10.31857/S032150750015837-2> (In Russ.)

Четверикова А.С. (2017) Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 4. С. 130–143.

Chetverikova A.S. (2017) Polozhenie stran Vishegradskoj grupy v usloviyah obostreniya migracionnogo krizisa v ES [Position of the Countries of the Visegrad Group in Conditions of the Worsening of European Migration Crisis]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, no. 4, pp. 130–143. (In Russ.)

Хотивришвили А.А. (2023) Миграционная политика Европейского союза. Подходы стран Вишеградской группы (2004–2020 гг.). М.: URSS: ЛЕНАНД. 199 с.

Khotivrishvili A.A. (2023). *Migracionnaya politika Evropejskogo soyuza. Podhody stran Vishegradskoj grupy (2004–2020 gg.)* [Migration Policy of European Union. Approaches of the Visegrad Group countries 2004–2020]. Moscow: URSS: LENAND. 199 p. (In Russ.)

Bureš O., Stojanov R. (2022) Securitization of Immigration in the Czech Republic and Its Impact on the Czech Migration Policy: Experts' Perceptions // *Problems of Post-Communism*.
<http://dx.doi.org/10.1080/10758216.2022.2085580>

Charvátová D., Filipec O. (2022) The Populist Construct of Migration: Framing within SPD's Communication Strategy ahead of the 2019 European Elections // *Politické vedy*, no. 4, pp. 43–68.

Nožina M., Kraus F. (2020) Vietnamese Migration to the Czech Republic and the Appearance of Vietnamese Criminal Networks // *Vietnamese Organized Crime in the Czech Republic*. Palgrave Macmillan, Cham., pp. 23–58.

Roles and Ideologies in the Czech Foreign Policy: the Case of European Migration Crisis (2024) Ed. P. Drulák. Cham: Palgrave Macmillan.

Szczepanikova A. (2013) Between Control and Assistance: The Problem of European Accommodation Centres for Asylum Seekers // *International Migration*, no. 4, pp. 130–143.

Информация об авторах

Захаров Иван Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. E-mail: vanszax@yandex.ru

Агафосхин Максим Михайлович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. E-mail: agafoshinmm@gmail.com

About the authors

Ivan A. Zakharov, Candidate of Sciences (Geography), Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 123001, 30/1 Spiridonovka str., Moscow, Russia. E-mail: vanszax@yandex.ru

Maksim M. Agafoshin, Candidate of Sciences (Geography), Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 123001, 30/1 Spiridonovka str., Moscow, Russia. E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 05.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 13.05.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 28.06.2024

УДК 343.35(470+571)

DOI: 10.31857/S0869049924030098
EDN: ZZSTRS

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕРЫ ANTI-CORRUPTION MEASURES

Оригинальная статья / Original article

Концепция нового индекса оценки показателей эффективности контрольных (надзорных) органов

© Д.В. КРЫЛОВА, Е.А. АРТЕМЕНКО, М.А. ЯРОВОЙ

Крылова Дина Владимировна, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), krylovadv@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5069-0319

Артеменко Егор Александрович, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eartemenko@hse.ru. ORCID: 0000-0002-6874-620X

Яровой Максим Алексеевич, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), myarovoy@hse.ru. ORCID: 0000-0001-6190-9726

Разработан новый индекс оценки показателей эффективности контрольных (надзорных) органов (КНО) на основе анализа существующей системы оценки. Проверена гипотеза о параллельно действующих системах ключевых показателей эффективности (КПЭ) КНО, которые не ставят акцент на оценке уровня защиты охраняемых ценностей и не дают четкого представления о качестве работы КНО, а также не минимизируют коррупционные риски. Разработаны подходы к совершенствованию оценки КНО, которые учитывают позиции бизнеса, граждан и экспертов как важнейших источников обратной связи при оценке деятельности КНО. Они позволяют корректировать дальнейшую деятельность (в т.ч. антикоррупционной направленности) КНО на основе полученных данных. Методология исследования включает в себя аналитический и сравнительно-правовой подходы. Представлена авторская концепция нового индекса оценки КПЭ КНО, включая анализ преимуществ и ограничений, а также перспектив внедрения индекса.

Ключевые слова: эффективность, результативность, коррупция, контроль (надзор), оценка

Цитирование: Крылова Д.В., Артеменко Е.А., Яровой М.А. (2024) Концепция нового индекса оценки показателей эффективности контрольных (надзорных) органов // Общественные науки и современность. № 3. С. 124–140. DOI: 10.31857/S0869049924030098, EDN: ZZSTRS

The Concept of a New Index to Evaluate the Effectiveness of Control (Supervision) Authorities

© D. KRYLOVA, E. ARTEMENKO, M. YAROVY

Dina V. Krylova, HSE University (Moscow, Russia), krylovadv@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5069-0319

Egor A. Artemenko, HSE University, (Moscow, Russia), artemenkoea@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6874-620X

Maxim A. Yarovoy, HSE University (Moscow, Russia), myarovoy@hse.ru. ORCID: 0000-0001-6190-9726

Abstract. A new index for assessing the performance indicators of supervisory authorities (SA) is developed, based on an analysis of the existing assessment system. The hypothesis was tested about the presence of parallel operating key performance indicators (KPI) systems of the SA, which do not focus on assessing the level of protection of protected values and do not give a clear idea of the quality of the work of the SA, and are not aimed at minimizing corruption risks. The approaches to improving the methodology for assessing commissions are developed, taking into account the positions of business, citizens, and experts as the most important sources of feedback when assessing the activities of commissions. This will make it possible to make adjustments to the further activities of the SA (including anti-corruption ones) based on the data received. The research methodology involves analytical and comparative legal approaches. The authors' concept of a new assessment index of the indicators of KPI of the SA is presented, including an analysis of its advantages and limitations, as well as of the prospects for implementing the index.

Keywords: effectiveness, efficiency, corruption, control (supervision), evaluation

Citation: Krylova D.V., Artemenko E.A., Yarovoy M.A. (2024) The Concept of a New Index to Evaluate the Effectiveness of Control (Supervision) Authorities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 124–140. DOI: 10.31857/S0869049924030098, EDN: ZZSTRS (In Russ.)

Вопрос прозрачности системы оценки эффективности органов власти за последние десятилетия не утратил своей актуальности. Цели нынешнего этапа реформирования контрольной (надзорной) сферы, который начался в 2016 г., схожи с целями административной реформы: усиление безопасности, сокращение административной нагрузки на бизнес, повышение эффективности в области контроля (надзора). Данных целей возможно достичь, только выстроив системную работу по организации деятельности, в которой при ограниченном бюджете орган власти отвечает за состояние всей подконтрольной сферы.

Также необходимо принимать меры в отношении коррупционных проявлений, так как они негативно влияют на каждую из поставленных целей одновременно. Так, отсутствие ответственности за допущенные контролируруемыми субъектами нарушения может привести к ухудшению безопасности, травмам и гибели граждан, а также к материальному ущербу. Система неформальных выплат за отказ от проверок увеличивает административную нагрузку на бизнес. Сговоры между отдельными инспекторами и предпринимателями, а также сложные коррупционные схемы («черная зона» с общеизвестными коррупционными проявлениями, «серая зона» в виде квазифискальных выплат) [Левин и др. 2018] с участием должностных лиц на руководящих постах в КНО снижают эффективность государственного управления в целом. Неравномерность нагрузки на должностных лиц, в свою очередь, может снизить качество исполнения полномочий.

Другая важная проблема – как оценивать эффективность мер по противодействию коррупции в КНО. Во всех ключевых нормативных актах (Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹, Национальный план противодействия коррупции²) отсутствуют верифицируемые критерии оценки их эффективности и результативности. Представляется целесообразным увязать порядок оценки КПЭ КНО с результатами деятельности по противодействию коррупции.

В мировой практике существуют различные подходы к оценке эффективности органов власти и КНО в частности. Выделяют два крупных блока показателей для мониторинга: количественные (выполненные поручения, проведенные контрольно-надзорные мероприятия и др.) и качественные (качество принятых решений, оценка со стороны граждан и бизнеса и др.) [Tran, Nguyen, Bisogno 2020]. Помимо стандартного управления бюджетными поступлениями и человеческими ресурсами, некоторые страны используют дополнительные критерии оценки. В США отдельно измеряют эффективность информационных технологий в органах власти [Миневрин 2015]. В Бельгии эффективность оценивают, учитывая «индекс Кафки» [Миронюк и др. 2006]: он оценивает издаваемые органами власти нормативно-правовые акты (НПА) с точки зрения наличия излишней административной нагрузки, а также определяет количество бюрократических проволочек при обращении граждан к органам власти. Имплементация «индекса Кафки» в российское законодательство позволила бы создать действенный инструмент по борьбе с расширением требований к определенным событиям и отношениям в различных НПА по принципу «снежного кома», а также бороться с избыточной сложностью языка нормативных правовых актов [Кнутов и др. 2020].

Существуют различные международные подходы к оценке КПЭ (табл. 1).

Несмотря на определенные успехи применения данных подходов при оценке деятельности КНО, они обладают рядом недостатков: отсутствие проверенных данных, на основе которых делаются оценки, возможные ошибки в связи с экспертными оценками, трудности в оценке отдельно взятых органов власти. Слабые стороны можно назвать универсальными – с ними сталкивается каждая система оценки КПЭ. Перед разработчиками КПЭ стоит задача минимизировать все возможные риски при подготовке новой системы. Смягчить существующие риски может обобщающий индекс, разработке которого и посвящено настоящее исследование.

Внедрение механизмов оценки КПЭ КНО в РФ условно можно разделить на следующие этапы. До приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности»³ (далее – приоритетная Программа) действовал ведомственный механизм оценки эффективности деятельности КНО, который базировался на показателях оценки операционной деятельности, утвержденных Правительством РФ⁴ (далее – Постановление № 215). Он предусматривает, по сути, «палочную» систему, которая не анализирует

¹ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/).

² Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023). «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/).

³ Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 N 12) (ред. от 30.05.2017). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222109/).

⁴ Постановление Правительства РФ от 05.04.2010 N 215 (ред. от 16.08.2023) «Об утверждении Правил подготовки докладов об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля (надзора)». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99176/).

Таблица 1

Table 1

Международные подходы к оценке КПЭ
International approaches to KPI assessment

Название подхода	Автор	Оцениваемые параметры	Принимаемые управленческие решения на основе рейтинга
EC SIGMA	ОЭСР	эффективность управления человеческими ресурсами, мониторинг и отчетность, эффективность предоставления услуг, эффективность распределения финансов	Составляются краткосрочный и долгосрочный прогнозы развития и формулируются рекомендации
GRICS [Рождественская 2009]	World Bank	показатели подготовленности (обратная связь с гражданами), качественная оценка принимаемых решений, уровень бюрократии, качество государственных услуг, контроль коррупции	Принимаются инвестиционные решения, прогнозируются экономические кризисы, корректируются экономические стратегии государств
Индекс человеческого развития ПРООН	ООН	Ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность обучения, ВНД на душу населения,	Решения об изменении социальной политики, бюджетировании, внесении изменений в деятельность государственных органов власти, в том числе КНО
Government Effectiveness Index, GGEI	WorldBank	Качество государственных услуг (доступность медицины, образования, инфраструктуры), качество бюрократии, независимость государственных служащих, качество и реализация государственной политики	Принимаются решения по совершенствованию антикоррупционной политики, мониторингу и оценке деятельности государственных органов власти, оценка результативности государственных программ
Индекс мировой конкурентоспособности [Мироных и др. 2006]	Всемирный экономический форум	эффективность управления государственными финансами, рыночная эффективность, уровень технологического развития, инновации и др., на основе статистических данных и опросов предствителей бизнеса	Принимаются решения по снижению административного давления на бизнес, совершенствования системы образования и улучшения бизнес-климата, принятие решения по проведению регуляторной реформе

уровень безопасности и затрачиваемых ресурсов. Установленная Постановлением № 215 система показателей не позволяет оценивать деятельность КНО по видам контроля (надзора), а также декомпозировать показатели до уровня отдельных территориальных органов и инспекторов. В ней отсутствуют показатели количества и масштаба коррупционных проявлений, также она не анализирует восприятие уровня коррупции в ведомствах со стороны подконтрольных субъектов.

Распоряжение Правительства РФ № 934-р⁵ заложило основы новой системы оценки КНО, которая включала в себя показатели результативности (снижение уровня причиненного вреда охраняемым ценностям) и эффективности (уровень затрат государства и бизнеса на достижение приемлемого уровня безопасности в охраняемой сфере).

КНО, которые участвовали в реформе⁶, разработали КПЭ и их значения. Распоряжение Правительства РФ № 788-р⁷ утвердило КПЭ для 9-и федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) по отдельным видам государственного контроля (надзора) без конкретных текущих и целевых значений. Отчетность о результатах деятельности КНО была предоставлена в соответствии с Постановлением № 215.

Предполагалось, что в результате внедрения новых механизмов оценки КПЭ КНО будет оптимизирована система управления, а ресурсы на ведение контрольной (надзорной) деятельности станут распределяться более эффективно.

Практически все КНО, которые участвовали в реформе, формально утвердили показатели по основным видам государственного контроля (надзора). Некоторые органы власти установили текущие и целевые значения показателей. В то же время утвержденные показатели зачастую не встроены в действующую систему оценки ФОИВ и не связаны с показателями документов стратегического планирования. Система сбора данных не выстроена, методики расчета либо отсутствуют вовсе, либо не обновлены и не обеспечивают полноты и достоверности данных. У КНО отсутствует статистический и аналитический инструментарий для качественного анализа подконтрольной среды и факторов, которые влияют на ее изменение и достижение показателей (отсутствует методология расчета, а также подходы к обеспечению прозрачности механизма сбора и прослеживаемости всей цепочки данных от фиксации происшествий, приведших к ущербу, до их агрегирования на уровне территориальных управлений и на федеральном уровне). В результате невозможно определить прогнозные значения показателей и возможность достижения целевых значений КПЭ контрольной (надзорной) деятельности.

В таблице 2 предложен анализ, как системы КПЭ дублируют и пересекаются друг с другом.

В соответствии со статьей 30 Федерального закона № 248-ФЗ⁸ КПЭ КНО утверждают по каждому виду контроля (надзора). В новую систему показателей включены

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 17.05.2016 № 934-р (ред. от 07.10.2019) «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198076/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/).

⁶ МЧС России, МВД России, ФНС России, ФТС России, ФАС России, Роспотребнадзор, Ространснадзор, Россельхознадзор, Роструд, Росздравнадзор, Росприроднадзор, Ростехнадзор, ФМБА России, Росалкогольрегулирование, Росрыболовство.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 27.04.2018 № 788-р (ред. от 03.04.2019) «Об утверждении перечня ключевых показателей результативности контрольно-надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297097/).

⁸ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (последняя редакция). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/).

Таблица 2

Table 2

Анализ действующих систем оценки КНО

Analysis of the existing systems of supervisory authorities evaluation

№	НПА, описание метода оценки	Краткая характеристика
1	Постановление № 215: перечень сведений, включаемых в доклады об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля	Показатели оценки операционной деятельности не связаны с оценкой уровня безопасности и затрачиваемых ресурсов; Отсутствует классификация выявленных нарушений обязательных требований с выделением тех из них, которые представляют непосредственную угрозу причинения вреда; Должностные лица КНО не мотивируют к осуществлению профилактического контроля для предотвращения возможных правонарушений; Не соблюдается ориентир на снижение административной нагрузки на бизнес и возможность подтверждения добросовестности ведения деятельности
2	Статья 30 Федерального закона № 248-ФЗ: оценка результативности и эффективности деятельности контрольных (надзорных) органов	Система КПЭ основана на минимизации вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям и устранение рисков причинения вреда (ущерба) в соответствующей сфере деятельности; Устанавливаются целевые (плановые) значения, достижение которых должен обеспечить соответствующий контрольный (надзорный) орган; В систему КПЭ входят ключевые показатели, которые отражают уровень минимизации вреда и устранения риска возникновения вреда, целевые показатели, а также индикативные показатели, связанные с текущими, процессными показателями.
3	Документы стратегического планирования: показатели КНО, достижения целей, зафиксированных в национальных и приоритетных проектах, программах, государственных программах и др.	Самостоятельные показатели, не связанные с КПЭ КНО; Формируются в связи с утверждением документов стратегического планирования, не могут противоречить КПЭ КНО; КНО в большей степени заинтересованы в достижении показателей, чтобы получить финансирование на зафиксированные мероприятия.

ключевые (отражают уровень минимизации вреда охраняемым ценностям) и индикативные (количество проверок, профилактических мероприятий, нарушений, штрафов и др.) показатели.

Показатели КПЭ по некоторым видам контроля (надзора) не связаны с минимизацией вреда и ущерба, что противоречит требованиям статьи 30 Федерального закона № 248-ФЗ. К примеру, ключевым показателем государственного надзора за соблюдением законодательства о средствах массовой информации выступает отношение количества объектов контроля в категории значительного риска к общему количеству объектов контроля⁹. В области связи используется показатель в виде доли объектов, отнесенных к низкой категории риска, в общей доле всех объектов контроля. По целевому показателю количество объектов, отнесенных к низкой категории риска, должно превышать количество объектов, отнесенных к более высокой категории риска¹⁰.

Текущая методология сбора данных не обеспечивает их достоверность и полную отслеживаемость. Зачастую она непрозрачна, а также ею можно манипулировать: процесс заполнения форм с получения информации о происшествии до агрегирования данных в центральном аппарате ведомства не отслеживают, а ведомства не обмениваются данными. Например, возникают сложности при определении ответственности органов власти в связи со смертью человека, так как в зависимости от причин его смерть будет отнесена к показателям отдельных ведомств (при гибели на производстве в случае нарушения условий охраны труда ответственен Роструд; при неисправности технического оборудования – Ростехнадзор; при гибели непосредственно на пожаре – МЧС России; при гибели в медицинском учреждении – Росздравнадзор).

Гипотеза заключается в том, что наличие смежных систем КПЭ КНО, отсутствие акцента на ключевых показателях ущерба и исключение позиций бизнеса и граждан при разработке критериев оценки размывают фокус при оценке действий органа власти. В случае подтверждения гипотезы цель исследования – разработать концепцию нового индекса оценки КНО в РФ, в котором максимальное внимание будет уделено показателям вреда и ущерба, а также позиции профильного бизнеса, экспертов и граждан при разработке единого подхода к данной оценке.

Основой методологии исследования стал сравнительно-правовой анализ [Оксмытный 2022]. Он позволяет подробно изучить накопленный опыт в соответствующей сфере и выявить лучшие практики для новой системы оценки эффективности КНО. Проанализированы НПА, отчеты и доклады общественных организаций, а также зарубежные научные исследования, что позволяет качественно усовершенствовать систему оценки КПЭ КНО в РФ. Изучение зарубежного опыта также помогает находить лучшие практики оценки КПЭ КНО и вырабатывать способы их имплементации в систему РФ.

⁹ Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1020 (ред. от 16.12.2021) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389416/7f1553b9ab7e8f6e2cb86814ca7bf627fcb22c8e/).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1045 (ред. от 13.01.2022) «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389059/).

Результаты исследования

Одна из целей создания новой системы КПЭ КНО – интегрировать соответствующую информацию в процесс стратегического и текущего планирования¹¹. В данном контексте в качестве показателей результативности и эффективности целесообразно использовать параметры из документов стратегического планирования¹².

Анализ соответствия показателей из документов стратегического планирования и показателей, утвержденных приоритетной Программой, показал, что только у Росалкогольрегулирования КПЭ полностью совпадают с показателями соответствующей госпрограммы¹³. У Роструда и МЧС России наименования показателей соответствуют заложенным в госпрограммах, однако в документах, утвержденных в рамках реформы, значения показателей занижены по сравнению с государственными программами¹⁴. У Ростехнадзора и Росприроднадзора в КПЭ не включены показатели государственных программ Российской Федерации.

Таким образом, при утверждении показателей результативности и эффективности не проводился кросс-анализ действующих стратегических документов. Документы в рамках реформы не в полной мере основаны на действующей нормативной базе и (или) не выступают основанием для того, чтобы инициировать пересмотр этой базы.

На данный момент выполнение или невыполнение показателей в целом не влияет на управленческие решения о формировании бюджета, на кадровые решения, оценку отдельных должностных лиц или деятельности органа власти в целом. Выплаты премий сотрудникам КНО не связаны с достижением минимизации ущерба охраняемым ценностям по контролируемым видам рисков.

Приведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что существуют смежные системы оценки (КПЭ, утверждаемые в соответствии со статьей 30 Федерального закона № 248-ФЗ, «палочные» индикативные показатели, показатели государственных программ) и КПЭ, не связанные с показателями вреда и ущерба. Также при утверждении КПЭ не учитывают позиции бизнеса и граждан (КНО самостоятельно определяют КПЭ).

В рамках совершенствования системы КПЭ необходимо провести комплексную работу, в том числе:

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.05.2016 N 934-р (ред. от 07.10.2019) «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198076/).

¹² Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/).

¹³ Подпрограмма 11 «Государственное регулирование в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 320.

¹⁴ «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» (МЧС России), утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 300 – базовое значение показателя погибших на пожаре для базового показателя МЧС России за 2016 год (8760 чел.) отличается от прогнозного значения показателя за 2016 г. в государственной программе – 9900 чел.; «Содействие занятости населения» (Роструд), утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 298 – различия в формулах расчета погибших и пострадавших при несчастных случаях на производстве, в части показателя просроченной задолженности по заработной плате к суммарной номинальной заработной плате – показатели Роструда существенно меньше показателей государственной программы: 0,15% текущий показатель и 0,145% целевой показатель, в государственной программе – 0,2% текущий показатель и 0,5% целевой показатель.

- привести к единообразию показатели КПЭ на всех уровнях (документы стратегического планирования разного уровня, ведомственные приказы);
- связать объемы бюджетных ассигнований КНО с достижением КПЭ;
- декомпозировать КПЭ до уровня отдельных территориальных органов (инспекторов) и встроить их в системы оценки кадров и мотивации;
- провести комплексный анализ возможности достижения прогнозных значений показателей КПЭ, основанный на оценке: состояния подконтрольной среды, влияющих на достижение показателей факторов (распределение ресурсов (материальных, кадровых, организационных), мотивация, работа с обязательными требованиями и др.), статистики причиненного ущерба, рисков недостижения заявленных показателей.

Для выполнения вышеописанных задач необходимо унифицировать КПЭ КНО. Единство можно достичь различными способами. В качестве ключевого можно выделить создание новой модели оценки КПЭ для КНО, которая для устранения существующих недостатков и минимизации рисков нарушения законодательства должна включать в себя показатели, изложенные ниже.

Показатели сокращения ущерба охраняемым законом ценностям (жизнь, здоровье, материальный ущерб)

Одним из важнейших направлений реформирования контрольной (надзорной) деятельности, которое нашло отражение в федеральном законе № 248-ФЗ, считается изменение парадигмы контроля. Приоритет переходит к профилактической работе от контрольных (надзорных) мероприятий (далее – КНМ). Тенденцию подтверждает новая система оценки КПЭ КНО, в рамках которой оценивается уровень ущерба в контролируемых сферах, а не «палочные» показатели количества проведенных КНМ. КНО нужно мотивировать предотвращать нарушения, а не фиксировать уже допущенные. В этой работе профилактика играет ключевую роль – большинство контролируемых лиц добросовестны, и значительное количество нарушений происходит по причине незнания или неверного трактования обязательных требований. Разъясняя обязательные требования и проводя профилактические работы с бизнесом, можно сократить риски нарушений (в том числе коррупционной направленности), и, как следствие, ущерб охраняемым законом ценностям.

КПЭ должны быть сфокусированы на минимизации вреда охраняемым ценностям, обеспечивать прослеживаемость сбора данных и дальнейшую декомпозицию результатов до структурных подразделений КНО и инспекторов. Отсутствие потенциального вреда (ущерба) в контролируемой сфере свидетельствует об избыточности контроля, и в этом случае необходимо поднимать вопрос об исключении соответствующего вида контроля (надзора).

Показатели индекса административной нагрузки на бизнес

В условиях сложной геополитической и социально-экономической обстановки для государства важно снижать административную нагрузку. Для достижения цели принято Постановление Правительства РФ № 336¹⁵, которое ввело мораторий на плановые КНМ и заменило их на профилактические мероприятия, а также сократило основания для вне-

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 23.05.2024) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411233/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/).

плановых КНМ. Соответственно, показатель административной нагрузки на бизнес считается одной из важных составляющих оценки качества работы КНО. Чтобы измерять этот показатель, целесообразно использовать индекс административной нагрузки на бизнес. Он включает в себя показатели временных затрат на взаимодействие бизнеса с КНО и субъективной оценки бизнесом уровня административной нагрузки.

Помимо субъективной оценки, в показатель нагрузки целесообразно включить оценку издержек бизнеса. Ее можно рассчитывать на основе модели стандартных издержек от соблюдения обязательных требований (Standard cost model, CSM)¹⁶, в том числе на основании методики оценки нормативных издержек Минэкономразвития России¹⁷ [Трунцевский 2017].

Данный индекс целесообразно дополнить показателями, которые предложил Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [Алехнович 2021] (далее – Уполномоченный): сравнение количества выданных предупреждений и наказаний; доля контролируемых лиц от общего количества предприятий, в отношении которых проводились КНМ; данные об общей динамике штрафов, наложенных КНО. Такой подход имеет ряд важных преимуществ. Расчеты проводят вне ведомственных оценок и на основе открытых официальных данных, а индекс позволяет проследить тенденции и различия в правоприменительной практике.

Также при разработке показателей целесообразно использовать опыт оценки КПЭ КНО в Бразилии, а именно методологию RIA (Regulatory Impact Analysis, анализ регулирующего воздействия): комплексную систему оценки регулирующего развития, разделенную на два этапа. В рамках первого этапа анализируют задачи и проблемы. На втором этапе применяют базовые методы оценки регуляторного воздействия: CBA (cost-benefit analysis), в который входит NPV (чистая приведенная стоимость) и MCA (многокритериальный анализ). Метод NPV используют для того, чтобы правильно рассчитать выгоды и издержки от регуляторных мер в заданном временном промежутке. Ключевое ограничение NPV – необходимость оценивать выгоды и издержки в денежном исчислении. В случае его отсутствия применяют метод MCA, который позволяет учесть каждую альтернативу и присвоить им баллы по нескольким критериям, которые определяют эффективность данных мер. После этого баллы суммируют в общую оценку с учетом веса показателей. Затем сравнивают альтернативы и принимают решения [Aquila et al. 2019].

Помимо базовых показателей, в Бразилии была разработана методика PAFER (Performance Assessment Framework for Economic Regulators, система оценки эффективности деятельности органов экономического регулирования)¹⁸. Она определяет порядок оценки эффективности КНО по четырем этапам: данные – процессы – выходные данные – результат. На каждом этапе анализируют соответствующие критерии, например, следующие факторы: полномочия, функции и цели органа, организационная структура, качество проведения КНМ и др. По завершении каждого этапа оценивают, как те или иные факторы влияют на конечный результат деятельности КНО. В отличие от ранее

¹⁶ Модель стандартных издержек как альтернатива американскому Doing Business. Nisse.ru. 12.11.2014. (https://nisse.ru/upload/iblock/bb3/SCM_Part%201.pdf?ysclid=ldwbxk3mxr400806323).

¹⁷ Приказ Минэкономразвития России от 22.09.2015 № 669 «Об утверждении методики оценки стандартных издержек субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающих в связи с исполнением требований регулирования» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.11.2015 № 39755). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189207/4a4d27965a30955b78643d237e5a4e4bd6a4e95a/).

¹⁸ Driving Performance at Brazil's Electricity Regulatory Agency. OECD. 27.10.2021. (<https://www.oecd.org/brazil/driving-performance-at-brazil-s-electricity-regulatory-agency-11824ef6-en.htm>).

упомянутой методологии, PAFER позволяет оценивать совокупность факторов, которые непосредственно влияют на конечный результат, а не выгоды и издержки отдельного решения органа власти.

Во многих экономически развитых странах изменения в оценке деятельности КНО, которые в итоге повысили ее эффективность, происходили по инициативе деловых объединений и саморегулируемых организаций [Мартынов 2019]. Соответственно, при апробации вышеизложенных показателей необходимо обсуждать их с деловым сообществом.

Показатели индекса качества администрирования

Один из недостатков действующего порядка оценки деятельности КНО – самостоятельное утверждение показателей и внутриведомственный сбор данных, которые позволяют при необходимости скорректировать итоговый показатель до необходимого значения. Государство не может влиять на расчет показателя, и, соответственно, на представление о реальном положении дел в каждом из видов контроля (надзора). Для устранения данного недостатка целесообразно обратиться к индексу качества администрирования (далее – Индекс администрирования), также разработанному в рамках Приоритетной программы.

Индекс администрирования включает в себя следующие показатели¹⁹:

- умный контроль (риск-ориентированный подход, акцент на наиболее опасных объектах при КНМ);
- прозрачный и понятный контроль (понятные процедуры, публикация обязательных требований, обобщение правоприменительной практики);
- снижение затрат для бизнеса (отмена избыточных требований, замена КНМ профилактическими мероприятиями, дистанционный контроль);
- снижение затрат для государства (автоматизация контроля, эффективность управления ресурсами, оптимизация внутренних процессов);
- поддержка добросовестных инспекторов (процедуры отбора инспекторов, профессиональный рост, материальное и нематериальное стимулирование, персонифицированная оценка результативности и эффективности, антикоррупционная политика).

Для действенного применения индекса необходим независимый орган, который будет рассчитывать показатели. Таким органом может стать Правительственная комиссия по проведению административной реформы, Счетная палата Российской Федерации или Экспертный совет при Правительстве РФ.

Оценки эффективности деятельности КНО по борьбе с коррупцией

Отечественная и зарубежная практика борьбы с коррупцией показывает, что универсальных верифицируемых показателей оценки уровня коррупции не существует. Невозможно закрепить фиксированные показатели для КНО и требовать их исполнения. Используя исключительно количественные показатели о проделанной работе (количество внутренних проверок, выпущенных инструкций и др.), нельзя оценить реальные достижения в этой сфере.

¹⁹ Индекс качества администрирования контрольно-надзорных функций. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность. 01.12.2019. (<https://knd.ac.gov.ru/wp-content/uploads/2019/12/Rezultaty-bazovogo-zamera-2018.pdf>).

Показателем, которым нельзя манипулировать, может стать позиция подконтрольных субъектов, которые непосредственно сталкиваются с коррупционными проявлениями в контрольной (надзорной) деятельности.

Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, проектный офис реформы, замерил показатель «Восприятие уровня коррупции в контрольно-надзорной деятельности» в ходе приоритетного проекта по профилактике коррупции²⁰. В анализе участвовали более 8,6 тыс. представителей бизнеса. В ходе исследования была проанализирована специфика распространения коррупции по отдельным отраслям и сферам, а также по регионам. Индекс восприятия коррупции определялся на основе четырех групп показателей²¹: коррупция на разных уровнях, последствия коррупции (потери времени/прибыли/снижение объемов производства), уровень вовлеченности в коррупционные практики, уровень пессимизма к перспективе борьбы с коррупцией.

По итогам работы для каждого КНО определяли итоговое значение индекса, а также факторы, которые наиболее негативно влияют на уровень индекса для этого органа власти. Соответственно, КНО получил информацию об уровне коррупции по мнению бизнеса, а также направления деятельности, которые позволяют снизить индекс. Вместе с картами коррупционных рисков и собственными целевыми показателями (показатели, которые формируются в сравнении с другими КНО, менее точны ввиду различной специфики деятельности и отраслевых особенностей), КНО получают всеобъемлющий механизм оценки уровня восприятия коррупции и рекомендаций по исправлению «узких мест», а также перечень необходимых мер, составленный на основе предложений бизнеса. КНО каждый год будет получать взвешенную оценку своей деятельности в рамках борьбы с коррупцией и нормативно-правовой механизм для воплощения в жизнь соответствующих мер. Формируется «полный цикл» от выявления проблемы до определения способа ее решения.

Другим потенциальным способом получить независимую оценку уровня коррупции в отдельных сферах может быть опрос (в том числе посредством глубинных интервью) общественных и деловых организаций, а именно:

- общественных советов КНО;
- деловых объединений предпринимателей;
- аппарата Уполномоченного.

Помимо оценки восприятия коррупции, необходимо анализировать доказанные факты привлечения должностных лиц КНО к административной и уголовной ответственности. Чтобы определять показатель качества антикоррупционной деятельности, нужно рассматривать динамику по выявленным нарушениям, их тяжести и судебным решениям, в том числе по кейсам подчиненности крупного бизнеса интересам отдельных должностных лиц [Матвеев 2019]. Для системной работы по сбору и анализу данных целесообразно использовать механизмы ИИ и иностранный опыт, представленный в таблице 3.

²⁰ «Паспорт приоритетного проекта “Внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности”» (утв. протоколом заседания проектного комитета от 24.04.2018 N 3). Консультант Плюс. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298286/).

²¹ Итоги ежегодного социологического исследования по антикоррупционной тематике. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность. 11.12.2019. (https://knd.ac.gov.ru/wp-content/uploads/2019/12/11.12_Indeksy_reformy_KND_TSydygov.pdf).

Таблица 3

**Зарубежный опыт использования механизмов ИИ для выявления
коррупционных правонарушений и факторов**

Table 3

Foreign experience in using AI mechanisms to identify corruption offenses and factors

№	Название механизма, страна	Краткая характеристика	Наличие российских аналогов
1	Испанская нейронная сеть «SOMs» [López-Iturriaga 2018]	Определяет корреляцию коррупционных происшествий в различных регионах с группой факторов (уровень экономики, налогообложение, безработица, рост численности населения, цен и др.)	Отсутствуют
2	Коррупционная карта Индонезии [Крылова и др. 2021].	Отображает коррупционные случаи по регионам и ранжирует их по величине масштаба	Отсутствуют
3	ИИ-решение RAVN ACE, Великобритания [Ismailov 2020]	Анализирует документы и выявляет коррупционные проявления за счет самообучения и семантического анализа	Схожая технология используется внутри различных отечественных DLP-систем ²²
4	Sistema de Alertas Rápidas (SALER), Испания [Cria-do J. Ignacio et al. 2020]	Предотвращает коррупцию, нацелена не допустить конфликты интересов между государством и бизнесом, предотвратить и выявить подозрительные государственные закупки и коррупцию (двойное финансирование, иные коррупционные нарушения)	Функционал системы пересекается с ГИС «Посейдон»
5	Operação Serenata de Amor (The Love Serenade), Бразилия [Odilla 2023]	Анализирует документы о расходах государства, выявляет нецелевое использование средств на основе алгоритмов и машинного обучения, автоматически направляет результаты анализа в СМИ, предупреждая о возможных противоправных действиях	Отсутствуют

Индекс оценки защищенности граждан в поднадзорных сферах

Основополагающая задача КНО – обеспечивать защиту граждан от угроз риска жизни, здоровью и материальным ценностям. Представляется целесообразным проводить регулярный опрос, чтобы понимать, как общество оценивает уровень защищенности и деятельность КНО, а также результаты обращений в КНО за защитой значимых ценностей от различных рисков и угроз. Подобные социологические опросы в 2019 г. [Южаков и др. 2019] проводила РАНХиГС. Они показали, что реформирование контрольной (надзорной)

²² Защита от потери данных (Data Leak Prevention, DLP) – решения в сфере информационной безопасности, предназначенные для защиты данных от утечек и небезопасных операций.

деятельности снизило риски по важным для граждан ценностям. Только треть опрошенных считает уровень защищенности достаточным. В то же время сокращается доля граждан, которые обращаются в КНО за защитой, и считают, что их деятельность влияет на уровень защищенности.

Гипотеза, выдвинутая в этом исследовании, получила подтверждение: связь между КПЭ КНО и охраняемыми законом ценностями отражена не в полной мере, что также выражается в оценке гражданами и бизнесом.

Соответственно, также была осуществлена цель исследования: создана новая модель оценки деятельности КНО.

Чтобы устранить существующие недостатки и минимизировать риски нарушения действующего законодательства, новая модель должна включать в себя:

- показатели сокращения ущерба охраняемым законом ценностям (жизнь, здоровье, материальный ущерб);
- индекс административной нагрузки на бизнес;
- индекс качества администрирования;
- оценка эффективности деятельности КНО по борьбе с коррупцией;
- индекс оценки защищенности граждан в поднадзорных сферах.

Для каждого из представленных показателей, которые входят в единую модель оценки КПЭ КНО, предлагается использовать коэффициенты значимости. Целесообразно присваивать показателям различный вес (очевидно, что наибольший будет у показателя сокращения ущерба охраняемым законом ценностям). Низкое значение любого из индексов не позволит оценивать деятельность КНО как успешную и потребует дополнительного изучения причин.

Заключение

В последние годы подходы к оценке КПЭ КНО значительно изменились. Положительной тенденцией можно считать отказ от «палочных», процессных показателей в сторону оценки уровня причиненного вреда (ущерба). Вместе с тем данный подход имеет ряд недостатков: фактически, КНО сами определяют для себя показатели, по которым отчитываются. Учитывая непрозрачность и закрытость данных, в такой ситуации возможна манипуляция данными. Также, вопреки Постановлению Правительства № 934-р, соотношение между влиянием на риск вреда и объемом затраченных ресурсов, а также уровень вмешательства в деятельность контролируемых лиц отнесены к индикативным показателям. В то же время текущая система оценки КПЭ не учитывает позиции граждан (защищенность граждан в поднадзорных сферах) и бизнеса (оценка административной нагрузки).

Предложенная в настоящей статье новая модель оценки системы результативности и эффективности КНО позволяет разрешить существующие проблемы. Она будет способствовать комплексной оценке КПЭ КНО, а также предоставит возможность детально изучать возникающие проблемы на местах.

Для дальнейшего изучения данной проблематики необходимо провести расчет всех вышеописанных показателей с применением качественных и количественных методов. Кроме этого, следует распределить вес каждого из показателей и интерпретировать полученные данные, чтобы выработать конкретные предложения по совершенствованию работы КНО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алехнович А.О., Анучин Л.А. (2021) Оценка и корректировка правоприменительной практики контрольных и надзорных органов: индекс административного давления // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 7–29.

Alekhnovich A.O., Anuchin L.A. (2021) Ocenka i korrekcirovka pravoprimeritel'noj praktiki kontrol'nyh i nadzornyh organov: indeks administrativnogo davlenija [Assessing and Adjusting the Law Enforcement Practice of Control and Supervisory Authorities: Administrative Pressure Index]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsel'nogo upravleniya*. no. 1, pp. 7–29. (In Russ.)

Кнутов А.В., Плаксин С.М., Григорьева Н.Л., Синятуллин Р.Х., Чаплинский А.В., Успенская А.М. (2020) Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 312.

Knutov A.V., Plaksin S.M., Grigoryeva N.L., Sinyatullin R.H., Chaplinsky A.V., Uspenskaya A.M. (2020) *Slozhnost' rossijskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [The Complexity of Russian Laws. Experience of Syntactic Analysis]. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VShJe. 312 p. (In Russ.)

Крылова Д.В., Максименко А.А. (2021) Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. № 84. С. 241–255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>

Krylova D.V., Maksimenko A.A. (2021) Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v voprosah vyjavlenija i protivodejstvija korrupcii: obzor mezhdunarodnogo opyta [The Use of Artificial Intelligence in Detecting and Counteracting Corruption: A Review of International Experience]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. no. 84, pp. 241–255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255> (In Russ.)

Левин С.Н., Саблин К.С., Руцкий В.Н. (2018) Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России: «картины власти» и подходы к исследованию // Мир России. Т. 27. № 3. С. 6–27. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27>

Levin S.N., Sablin K.S., Rutskiy V.N. (2018) Praktiki vzaimodejstvija predprinimatelej s vlast'ju v regionah “resursnogo tipa” sovremennoj Rossii: “kartiny vlasti” i podhody k issledovaniju [Practices of Interaction between Entrepreneurs and Power in the Regions of “Resource Type” of Modern Russia: “Power Pictures” and Approaches to Research]. *Mir Rossii*. vol. 27, no. 3, pp. 6–27. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27> (In Russ.)

Мартынов А.В. (2019) Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. С. 143–165.

Martynov A.V. (2019) Perspektivy primenenija mehanizma “reguljatornoj gil'otiny” pri reformirovanii kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti [Prospects of Application of the Mechanism of “Regulatory Guillotine” in Reforming of Control and Supervisory Activity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. no. 5, pp. 143–165. (In Russ.)

Матвеев И.А. (2019) Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на власть // Мир России. Т. 28. № 1. С. 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74>

Matveev I.A. (2019) Krupnyj biznes v putinskoj Rossii: starye i novye istochniki vlijaniya na vlast' [Big Business in Putin's Russia: Old and New Sources of Influence on Power]. *Mir Rossii*. vol. 28, no. 1, pp. 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74> (In Russ.)

Минервин И.Г. (2015) Эволюция электронного правительства в США // Экономические и социальные проблемы России. № 2. С. 48–75.

Minervin I.G. (2015) Jevoljucija elektronnogo pravitel'stva v SShA [Evolution of E-government in the USA]. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*. no. 2, pp. 48–75. (In Russ.)

Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. (2006) Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–57. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.04>

Mironyuk M.G., Timofeev I.N., Vaslavsky J.I. (2006) Universal'nye sravneniya s ispol'zovaniem kolichestvennykh metodov analiza (obzor precedentov) [Universal Comparisons Using Quantitative Methods of Analysis (Review of Precedents)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. no. 5, pp. 39–57. (In Russ.)

Оксамытный В.В. (2017) Юридическая компаративистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 167.

Oksamytny V.V. (2022) *Juridicheskaja komparativistika* [Legal Comparativism]. Moscow: UNITY-DANA. 167 p. (In Russ.)

Рождественская Н.В. (2009) Влияние качества бюрократии на экономический рост (на примере стран G8) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 101. С. 82–86.

Rozhdestvenskaya N.V. (2009) Vlijanie kachestva bjurokratii na ekonomicheskiy rost (na primere stran G8) [Influence of Quality of Bureaucracy on Economic Growth (On the Example of G8 Countries)]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. no. 101, pp. 82–86. (In Russ.)

Трунцевский Ю.В. (2017) Оценка издержек по соблюдению стандартов и правил регулирования (комплаенса) хозяйствующими субъектами // Журнал российского права. № 4. С. 45–55. https://doi.org/10.12737/article_58e39ece7f8fd9.35876323

Truntsevsky Y.V. (2017) Ocenka izderzhkek po sobljudeniju standartov i pravil regulirovaniya (komplaensa) hozjajstvujushimi subjektami [Estimation of the Costs of Compliance with Standards and Rules of Regulation (Compliance) by Economic Subjects]. *Zhurnal rossijskogo prava*. no. 4, pp. 45–55. https://doi.org/10.12737/article_58e39ece7f8fd9.35876323 (In Russ.)

Ожаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. (2019) Реформа контрольно-надзорной деятельности государства: оценка с позиции граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 71–92.

Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2019) Reforma kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti gosudarstva: ocenka s pozicii grazhdan [Reform of Control and Supervisory Activity of the State: Assessment from the Position of Citizens]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsional'nogo upravleniya*. no. 2, pp. 71–92. (In Russ.)

Aquila G. et al. (2019) Quantitative Regulatory Impact Analysis: Experience of Regulatory Agencies in Brazil // *Utilities Policy*. vol. 59, p. 10093. <https://doi.org/10.1016/j.jup.2019.100931>

Criado J. Ignacio., Valero-Torrijos J., Villodre J. (2020) Algorithmic Transparency and Bureaucratic Discretion: The Case of SALER Early Warning System // *Information Polity*. no. 25, pp. 449–470.

Ismailov B. (2020) Organizational and Legal Aspects of Digital Technologies in Counteracting Corruption // *The American Journal of Political Science Law and Criminology*. no. 12, pp. 32–40.

López-Iturriaga F.J., Sanz I.P. (2018) Predicting Public Corruption with Neural Networks: An Analysis of Spanish Provinces // *Social Indicators Research*. vol. 140, no. 3, pp. 975–998. <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1802-2>

Tran Y.T., Nguyen N.P., Bisogno M. (2020) The Impact of the Performance Measurement System on the Organizational Performance of the Public Sector in a Transition Economy: Is Public Accountability a Missing Link? // *Cogent Business & Management*. vol. 7, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1080/23311975.2020.1792669>

Odilla F., Mattoni A. (2023) Unveiling the Layers of Data Activism: The Organising of Civic Innovation to Fight Corruption in Brazil // *Big Data & Society*. no. 10, pp. 1–16.

Информация об авторах

Крылова Дина Владимировна, заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики (ПУЛАП), Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: krylovadv@hse.ru

Артеменко Егор Александрович, сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики (ПУЛАП), Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: eartemenko@hse.ru

Яровой Максим Алексеевич, эксперт проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики (ПУЛАП), Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: myarovoy@hse.ru

About the authors

Dina V. Krylova, Head of the Laboratory for Anti-Corruption Policy (LAP), HSE University. Address: 101000, 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia. E-mail: krylovadv@hse.ru

Egor A. Artemenko, Research Fellow, Laboratory for Anti-Corruption Policy (LAP), HSE University. Address: 101000, 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia. E-mail: eartemenko@hse.ru

Maxim A. Yarovoy, Expert, Laboratory for Anti-Corruption Policy (LAP), HSE University. Address: 101000, 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia. E-mail: myarovoy@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.09.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 07.06.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.07.2024

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО THE ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Энергосберегающее поведение в домохозяйствах и предотвращение изменения климата

© Ю.В. ЕРМОЛАЕВА

Ермолаева Юлия Вячеславовна, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Россия, Москва), mistelfrayard@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7421-2044

Актуальность проблемы энергосберегающего поведения и негативного вклада домохозяйств в изменение климата продиктована необходимостью снизить нагрузку на окружающую среду. На основе метаанализа научных публикаций представлен обзор современных поведенческих подходов в этой области, изложены результаты опроса экспертов в энергетической сфере. Сформулирован вывод о том, что стратегия энергосбережения основана на экономии, с повышающейся динамикой вовлеченности, причем основными барьерами в данном случае выступают технические ограничения домохозяйств и экономические вложения в энергоэффективную технику. Обращение с отходами в домохозяйствах связано с повышенными требованиями граждан к комфортной инфраструктуре и нежеланием создавать дополнительные временные затраты, то же можно сказать об использовании личного транспорта: здесь препятствиями выступают стремление к сохранению мобильности и экономии времени. Основными энергосберегающими стратегиями можно назвать сокращение использования ресурсов, отказ от неэкологичных практик и повышение экологического сознания. Выделены институциональные барьеры энергосберегающего поведения: инфраструктура домохозяйств, которая не позволяет достигать энергоэффективности, отсутствие экологической культуры и недостаточное взаимодействие власти с населением. Знание об экологических проблемах и понимание антропогенного влияния на изменение климата не служат гарантией применения проэкологических энергосберегающих практик. Необходимо работать над углублением уровня экологических знаний, созданием стимулов, распространением соответствующих ценностей и мотивации.

Ключевые слова: социально-экологические практики, теории устойчивого поведения, инвайронметальная социология, изменение климата, социологическая теория, опросы, социальные изменения

Цитирование: Ермолаева Ю.В. (2024) Энергосберегающее поведение домохозяйств и предотвращение изменения климата // Общественные науки и современность. № 3. С. 141–152. DOI: 10.31857/S0869049924030103, EDN: ZZRDIK

Energy-saving Behavior and Households' Practices in Prevention of Climate Change

© YU. ERMOLAEVA

Yulia V. Ermolaeva, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), mistelfrayard@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7421-2044

Abstract. The relevance of the problem of energy-saving behavior and the negative contribution of households to climate change is dictated by the need to reduce the burden on the environment. Based on a meta-analysis of scientific publications, an overview of modern behavioral approaches in this area is provided. Results of a survey of experts in the energy sector are presented. The conclusion is that the energy saving strategy is being implemented due to savings, with increasing dynamics of involvement, and the main barriers in this case are the technical limitations of households and economic investments in energy-efficient equipment. Waste management in households is associated with increased demands of citizens for comfortable infrastructure and the reluctance to create additional time costs. The same can be said about the use of personal transport, here the impediments are the desire to maintain mobility and save time. Key energy-saving strategies include reducing resource use, avoiding unsustainable practices and increasing environmental awareness. Institutional barriers to energy-saving behavior are identified: household infrastructure, which does not allow energy efficiency, lack of environmental culture and insufficient interaction between the authorities and the population. Knowledge about environmental problems and understanding the contribution of anthropogenic influence on climate change do not always guarantee the implementation of pro-environmental energy-saving practices. In-depth work to raise knowledge of environmental problems, introduce incentives, spread values and strengthen motivation is necessary.

Keywords: socio-ecological practices, theories of sustainable behavior, environmental sociology, climate change, sociological theory, interview, social transformations

Citation: Ermolaeva Yu. (2024) Energy-saving Behavior and Household' Practices in Prevention of Climate Change. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 141–152. DOI: 10.31857/S0869049924030103, EDN: ZZRDIK (In Russ.)

Скорость роста среднегодовой температуры на территории России почти в три раза превышает общемировой показатель, что ставит под угрозу селитебную инфраструктуру и экосистемы территории Арктики, Сибири, Дальнего Востока, южных территорий, увеличивая вероятность чрезвычайных ситуаций и катастроф [Воздействие изменения климата... 2022]. Свой вклад в изменение климата вносят и домохозяйства, причем их воздействие значительно различается в зависимости от сложившихся социально-экологических практик и климатических зон, вида топлива для отопления, темпов потребления электроэнергии, количества образуемых отходов, используемого транспорта, инженерно-технического оснащения домохозяйств. Основные потребители тепловой энергии в России – промышленность (34%), домашние хозяйства (33%) и сфера услуг (10%)¹.

¹ Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в РФ в 2020 г. 07.12.2023. (<https://www.economy.gov.ru/material/file/c3901dba442f8e361d68bc019d7ee83f/Energyefficiency2020.pdf>).

Среди наиболее углеродоемких (углеродоемкость – соотношение выбросов парниковых газов и количества энергии, потребляемой в определенный промежуток времени) практик в домохозяйствах выделяют следующие: использование неэффективных источников энергии, интенсивное потребление товаров и услуг, использование автомобилей, большое количество пищевых отходов [Dubois et al. 2019].

В данной статье исследованы стратегии домохозяйств, которые позволяют снизить углеродный след, а также модели изучения социально-экологических практик энергосбережения и способы его регуляции. Методически исследование включает протокол систематического обзора литературы и анализ интервью экспертов.

Первый этап предполагал поиск статей по теме энергосберегающего поведения, поведенческих барьеров в энергосбережении и стратегий по их преодолению. С целью выявить релевантные публикации были определены следующие поисковые термины и их комбинации: «поведение домохозяйств по смягчению последствий изменения климата»; «энергосбережение в домохозяйствах»; «барьеры для смягчения последствий изменения климата» в Scopus и Web of Science. Из 168 найденных источников для анализа было отобрано 80 документов, учитывался социальный, экономический и экологический контекст. Дополнительно проанализированы данные российских социологических агентств ФОМ, ВЦИОМ и др., использованы данные авторских опросов за 2017–2019 гг. по практикам энергосбережения и энергопотребления.

На втором этапе проведен анализ данных, полученных в ходе интервью. Экспертами выступили представители энергетического сектора (как ВИЭ, так и традиционной энергетики), государственного управления, НКО, бизнеса, научного сообщества, занимающиеся разработками в области энергоэффективности и энергосбережения. Пол и возраст информантов во внимание не принимался. Всего опрошено 30 экспертов.

Теоретический обзор энергосберегающих социально-экологических практик

Классические микроэкономические подходы ориентированы на модель «рационального субъекта», которая предполагает, что люди принимают решения, сравнивая полезность различных доступных вариантов поведения и выбирая из них наиболее релевантный. Экономия на модели расчета выгод и потерь эффективно работала на примере создания безотходной энергоэффективной политики компаний [Tietenberg 1990].

Психологические и социологические подходы подчеркивают важность личных убеждений, системы ценностей, установок и норм. Стратегии изменения установок построены на доказательных убеждениях, сформированы разные программы переходов к социально-экологическому поведению, адаптированные для разных социальных слоев и когорт [Sutterlin et al. 2011].

Теория планируемого поведения (theory of planned behavior – TPB) [Ajzen 1999] предполагает, что модель определяют три основных фактора: отношение человека к определенному типу поведения, воспринимаемый поведенческий контроль (т.е. насколько сложно или легко реализовать то или иное поведение) и важность одобрения поведения третьими лицами. TPB успешно используют для прогнозирования и объяснения разных видов социально-экологического поведения, в том числе связанных с энергопотреблением [Harland et al. 2022] или выбором определенного вида транспорта [Bamberg et al. 2003].

В то время как TPB сосредоточена на изучении максимизации собственного интереса, теория «ценность–убеждение–норма» (value–belief–norm) [Stern 2005] и более ранняя модель активации нормы (norm activation model – NAM [Schwartz 1992]) преследовали

цель объяснить поведенческие особенности, связанные с социальным взаимодействием, влиянием социума на принятие решений и альтруистическим поведением. Эта концепция была успешно апробирована применительно к сокращению использования автомобилей, переработке вторичных ресурсов, энергосберегающим инициативам [Notter et al. 2013].

Позднее эти модели исследователи дополняли переменными, с помощью которых выявляли эмоциональную составляющую поведения [Kals, Muller 2012]. Нередко эмоции рассматривают как сиюминутные реакции, которые противостоят рациональному мышлению. Например, суждения людей о рисках и преимуществах ядерной энергии объясняют их первоначальными аффективными реакциями (боязнь катастроф), а частое использование автомобиля – сильной эмоциональной привязанностью к машине [Marsh, Collett 1986]. По-видимому, эмоции следует рассматривать не как иррациональные силы, а как систему триггеров, побуждающих к тому или иному поведению.

В рамках социологического изучения энергосбережения возможны два взаимодополняющих подхода. Во-первых, потребление может выступать как средство выражения социальной идентичности, часто в постструктуралистской парадигме [Bauman 2001]. Исследование социально-экологических практик разных социальных слоев и стейкхолдеров позволяет понять, каким образом происходит институционализация практик и формирование социальных интересов в рамках экологической модернизации [Rybakova 2012]. Во-вторых, энергопотребление можно рассматривать как практику, отражающую принадлежность к определенной социальной иерархии и выступающую в качестве маркера такой принадлежности [Titenberg 1990]. С этой точки зрения факторы потребления энергии представляют собой специфические для среды или класса модели потребления, которые формируются в результате распределения различных ресурсов и внедряются в повседневность; как правило, чем выше статус, тем больше ресурсов, электроэнергии, предметов комфорта потребляет индивид или домохозяйство. В данном случае цель исследователя – сбалансировать структуру и свободу действий людей, имея в виду то, как распределение различных ресурсов (экономический капитал, установки и привычки) влияет на индивидуальное потребление энергии и, следовательно, на достижение благополучия [Jackson 2005].

Стратегии коррекции энергосберегающего поведения

Ниже обобщены инициативы, которые могли бы быть адаптированы для российской энергоструктуры.

Опросы российских социологических центров показывают, что на уровне домохозяйств энергосбережение сводится к стратегиям отказа, сокращения использования энергетических и водных ресурсов в целях экономии.

В 2013 г. опрос ВЦИОМ охватил 1600 человек в 130 населенных пунктах 42 областей, краев и республик России². Более половины респондентов указали, что благодаря принимаемым мерам им удастся сэкономить на оплате электроэнергии (56%). Прежде всего это жители малых городов и сел (62–64%). Трети опрошенных не удастся сэкономить на электроэнергии (32%) – в основном, это жители крупных городов. Мотивы тех, кто экономит электроэнергию, сводятся к экономической необходимости (56%), воспитанию и привычке (31%), биосферным ценностям и экономии ресурсов планеты (9%). Последний мотив характерен для жителей мегаполисов и больших городов (16–17%).

² Спасти планету или кошелек. ВЦИОМ. 07.12.2023. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spasti-planetu-ili-koshelek-dlya-chego-my-ekonomim-elektroenergiyu>).

Те, кто не экономит электроэнергию или не задумывается об этом (29%), или не видит в этом смысла (27%), все же считают себя достаточно экономными (10%), но зарабатывают достаточно, чтобы оплачивать перерасход электроэнергии (по 10%).

Таблица 1

**Экспертные предложения по внедрению основных стимулов энергосбережения
(дополнено проанализированными источниками)**

Table 1

**Expert proposals for the implementation of basic energy saving incentives
(supplemented by analyzed sources)**

Политика	Инициативы
Укрепление мотивации	Включение разных мотивационных стимулов: возможности улучшить качество жизни, экономить ресурсы с помощью социально-экономических практик
Экономические стимулы	Ценообразование Налоги Субсидии
Изменение образа жизни	Снижение потребления воды, энергоэффективность, разумное использование техники, применение инструментов шеринг-экономики

Источники: [Van Sluisveld et al. 2016], [Nauges, Wheeler 2017], [Amelung et al. 2019].

Sources: [Van Sluisveld et al. 2016], [Nauges, Wheeler 2017], [Amelung et al. 2019].

Результаты опроса ФОМ (июнь 2021 г.) показали положительную динамику: 83% россиян сообщили, что стараются экономить электроэнергию у себя дома. 73% участников опроса экономят независимо от того, нужно ли за нее платить или нет, и вне зависимости от того, где они находятся (на работе, на отдыхе, в гостях). Меньшая часть (до 10%) использует энергосберегающее оборудование – светодиодные лампочки, приборы, 1% – различные приложения, придерживается концепции умного дома³. Поведение, связанное с сокращением потребления электроэнергии, оказалось самым трудоемким, требующим дополнительных стимулов [Nauges, Wheeler 2017]. Эксперты отметили, что повышение цен «скорее раздражает граждан и повышает уровень недоверия», но, возможно, если предложить на выбор повышение цен или обязательное сокращение потребления энергии при сохранении действующих цен, это могло бы стимулировать граждан больше, чем постоянное повышение цен [Trukhina et al. 2015].

Треть (34%) россиян готова переплачивать за «зеленую» энергетику. Всего 4% респондентов считают, что энергетическая отрасль негативно влияет на экологическую ситуацию, что основной вклад в загрязнение окружающей среды вносит промышленность (60%), при этом 47% оценивают экологическую ситуацию как плохую или неудовлетворительную.

Более подробное изучение энергосберегающих практик было предпринято в 2017–2019 гг. в исследовании «зеленых» мегаполисов в России на примере Москвы и Казани (выборка – 1500 человек). Энергосберегающие окна с теплоизоляцией эксплуатировали почти половина опрошенных (46%), сезонно утепляли окна 21%, ставили теплоизоляцию

³ О новых видах энергетики и экономии электроэнергии. ФОМ. 07.12.2023. (<https://fom.ru/Obraz-zhizni/14589>).

на дверь 16,5%, использовали теплоизоляционные строительные материалы 8%, изолировали стены 6%, использовали теплый пол 11%, однако 30% респондентов не принимали никаких усилий по энергосбережению. Следят за утечками тепла 50%, своевременным выключением приборов 32%, используют энергосберегающие лампы 56%, посудомоечную машину 8%, следят за экономией энергии во время приготовления пищи 25% [Ermolaeva 2018].

Реже практикуются способы экономии, которые требуют ремонтных работ, а значит, и больших затрат, как и дорогостоящие автоматические системы управления. В то же время большим спросом пользуется энергосберегающая техника. Респонденты хорошо понимают связь между энергоэффективностью, энергосбережением и экономией средств. При этом экономии электричества практикуют чаще, ее практики разнообразнее, чем контроль водопотребления. Результаты опросов свидетельствуют, что опрошенные занижают влияние энергетики на экологическую ситуацию, следовательно не действуют главные побудительные мотивы (забота о здоровье и окружающей среде), включенные в концепции TPВ и NAM. Влияние привычек, воспитания и окружения обуславливает поведение только в трети случаев, в большей мере работают стимулы поведенческой экономики.

Негативное влияние на качество окружающей среды оказывает неэффективное обращение с отходами, что снижает ресурсоэффективность и при наличии неконтролируемых возгораний повышает количество эмиссий. Сжигание отходов остается широко распространенной практикой. Теории NAM и TPВ составили основу опросов по поводу обращения с отходами. Выяснилось, что понимание собственного негативного вклада и общий высокий уровень знаний о проблеме не гарантирует готовности к проэкологическому действию, так как в данном случае имеет значение не баланс экологических/эгоистических ценностей, а локус-контроль (что может делать человек и что может/должно делать общество). Опрошенные (183 человека) возлагают ответственность за решение проблемы отходов на власть, снижая собственную значимость как потребителя ресурсов. Главный мотивационный фактор – разделять или не разделять отходы – сводится к комфорту (в зависимости от восприятия самого этого понятия), и определяющим становится эффект психологической дистанции. Для тех, кто отходы не разделяет, важно сиюминутное удобство (удобная инфраструктура, выгоды), для тех, кто отходы разделяет, важны долговременные перспективы (здоровье и качество окружающей среды) [Ermolaeva 2021].

Что касается практик использования личного автотранспорта – одного из глобально значимых источников эмиссий, то в 2020 г., по данным совместного исследования ВЦИОМ и Фонда национальной энергетической безопасности (1600 респондентов), большая часть опрошенных не готова отказаться от поездок на личном автомобиле ради улучшения экологической ситуации (62%), готовы это сделать только 15%, из них 22% в городах-миллионниках⁴. В то же время, по данным другого социологического опроса ВЦИОМ, количество автомобилистов сократилось. В 2021 г. автомобилистами назвали себя 62% опрошенных, на 5% меньше, чем в 2018 и 2019 гг.

Представления россиян о важности охраны окружающей среды довольно изменчивы. По данным Всемирного опроса ценностей (World Values Survey), в России (НИУ ВШЭ) охрана окружающей среды воспринималась как приоритетная задача в период с 1995 по 2011 г., опережая ценность экономического роста. Однако в 2017 г. эти показатели сравнялись. Жертвовать на природоохранную благотворительность в 2000-х гг. были готовы 62%,

⁴ Россияне не готовы отказаться от использования личных автомобилей ради экологии. ВЦИОМ. 07.12.2023. (<https://news.myseldon.com/ru/news/index/235976858>).

а к 2017 г. – только 42%, примерно треть опрошенных вообще сомневаются в том, что происходит изменение климата (34%). Экологическая повестка стала вновь актуальной на фоне усиления протестов против строительства мусоросжигательных заводов и полигонов, которые, как предполагается, влекут за собой снижение качества жизни⁵.

Можно предположить, что качество жизни будет играть все более важную роль в про-экологическом поведении. Однако отказ от высокого уровня жизни в пользу энергосбережения поначалу потребует ограничений, связанных с утратой комфорта; положительные последствия экономии энергии могут возникнуть лишь в долгосрочной перспективе. Это значит, что человека трудно побудить к сокращению потребления энергии до тех пор, пока не произойдет повышение цены на электроэнергию или условия окружающей среды не станут негативно влиять на него в данный конкретный момент.

Экспертов попросили дать комментарии по энергосберегающему поведению граждан, исходя из данных опросов. Главной точкой преткновения оказались социально-демографические и технические условия домохозяйств. В России почти 100 млн человек живут в многоквартирных домах, большинство которых требуют энергоэффективной модернизации⁶. Поскольку стандарты строительства, связанные с высокими требованиями к энергоэффективности зданий («Leed», «Bream», «Wellness»), уже не действуют в России, был разработан отечественный стандарт «Clever», ориентированный на оценку энергоэффективности и «зеленого» строительства, а также других аспектов устойчивого потребления ресурсов и ресурсоэффективности. Эксперты довольно критично оценивают возможности энергосбережения в России, учитывая характеристики большинства домохозяйств: *«Само строительство домов не соответствует общемировым стандартам по энергосбережению. Между тем опыт Европы показывает, что просто правильное расположение дома относительно розы ветров, относительно направления солнца, выбор правильных материалов, из которых строится дом, правильное количество слоёв теплоизоляции, гидроизоляции может привести к экономии от 30 до 40%»* (мужчина, инженер-энергетик).

Эксперты отмечают, что *«население стало серьезнее относиться к энергоресурсам и к энергосбережению, так как это стало серьезно влиять на размеры оплаты коммунальных услуг. Большинство людей покупает энергоэкономичные лампочки и другое оборудование энергосбережения, для того чтобы снизить плату за коммунальные услуги»* (женщина, эколог). Энергоэффективность требует институциональных преобразований, инфраструктурных и технических, по инициативе власти, следует выстроить иерархию по интеграции энергетической политики во все сферы общественной жизни. Энергетическая система России централизована и монополизирована, что, с одной стороны, обуславливает ее высокую устойчивость и бесперебойность, с другой, она трудно поддается трансформации, поскольку количество вовлеченных стейкхолдеров ввиду отсутствия конкуренции невысоко.

Эксперты указывают на обязательные структурные экономические инструменты, с помощью которых можно добиться энергоэффективности и энергосбережения: низкие ставки кредитования для «зеленых» застройщиков (аналог «зеленого» тарифа), естественная конкуренция и *«более суровые требования ко всему: к потребителям, к сетевикам, для того чтобы уменьшать долю традиционной энергетики и увеличивать долю альтернативной»* (М., экономист). Необходимо, чтобы *«застройщик отвечал за те показатели,*

⁵ European Values study 2020. EVS. 07.12.2023. (<https://europeanvaluesstudy.eu/>).

⁶ Энергетика в России. Всемирный Банк. 07.12.2023. (<https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/brief/energy-in-russia>).

которые указаны в проектной документации» (мужчина, специалист по энергетической сертификации). В таблице 2 представлены стратегии и меры, нацеленные на изменение поведения домохозяйств.

Таблица 2

Модели изменения стратегий проэкологического поведения

Table 2

Models of change in pro-environmental behavior strategies

Модель	Пояснения
Образовательные модели	Модель экологических знаний и отношений позволит изменить сознание и отношение к проблемам изменения климата, а затем и поведение
Модели внешней мотивации	Внешняя мотивация через стимулы и/или наказания (коммунальные платежи)
Модели внутренней мотивации	Апелляция к самоэффективности, навыкам экономии, превентивным мерам по сохранению здоровья и окружающей среды
Модели на основе обработки информации	Подчеркивается важность когнитивного восприятия, аффективная природа поведения и принятия решений. Если человек осознает непродуктивные способы мышления, неработающие стратегии, то ему легче изменить поведение
Социальные модели	Подчеркиваются социальный контекст и социальные структуры. Изменение поведения за счет влияния эколидеров, установления формальных и неформальных норм

Источники: [Van De Ven, Gonzalez-Eguino, Arto 2017; Williamson, Satre-Meloy, Velasco 2018].
Sources: [Van De Ven, Gonzalez-Eguino, Arto 2017; Williamson, Satre-Meloy, Velasco 2018].

Барьеры изменения поведения домохозяйств

В данном случае барьеры – это препятствия на пути планирования и проведения про-экологических действий. Они могут быть внутренними и внешними (зависящие от общества, институтов, группы). В таблице 3 систематизированы поведенческие барьеры, кото-рые упоминались в исследованиях и экспертах.

По мнению экспертов, энергоэффективным практикам препятствуют технологиче-ские возможности: «Отопление – то, на чем можно экономить, если будет позволять техническое оборудование. Возможность реновации не используется в полной мере» (мужчина, специалист в области энергоэффективности и строительства). Второй важ-ный фактор – низкий уровень экологической культуры: «Никто людям внятно не объ-яснил, зачем нужно энергосбережение. Здесь уже проявляется недоверие властям, люди подозревают, что власти за их счет хотят решить свои проблемы» (женщина, специалист по «зеленой» энергетике). Кроме того, эксперты указывают на необходи-мость информационных кампаний: «Отсутствие агитации, пропаганды, предоставле-ния какой-то более объективной информации – это проблема взаимодействия власти и населения» (мужчина, энергетик). «Просветительскую работу необходимо проводить для разъяснения важности энергетической эффективности бытового оборудования, нужно больше говорить о поведении, как это влияет на экономику, экологию и здоровье население» (мужчина, инженер).

Таблица 3

Барьеры для изменения проэкологического энергосберегающего поведения

Table 3

Barriers to changing pro-environmental energy-saving behavior

Барьеры		Пояснения
Индивидуальные (внутренние) барьеры	Социальные и психологические барьеры	Отсутствие интереса к экологическим проблемам; возложение ответственности на других, когнитивные ошибки
	Барьеры, основанные на недостатке знаний об экологических проблемах	Отсутствие доступной, актуальной и релевантной информации; ограниченная осведомленность потребителей о собственных затратах на отопление помещений
	Бессознательное поведение	Неэкологичные привычки (например, отсутствие привычки выключать отопление, воду, разделять отходы); противодействие изменениям; когнитивные искажения
	Демографические факторы	Низкий уровень дохода, детский возраст; гендерные различия в проэкологическом поведении; географические факторы (проживание в холодных регионах); чувствительность к холоду
	Собственность	Отсутствие мотивации к практике климатосберегающего поведения у людей, живущих в арендованном доме
Социальные (внешние) барьеры	Структурные и физико-технические барьеры	Отсутствие возможности настроить температурный режим, установить термостат, утеплить окна и двери
	Культурные барьеры	Приоритет краткосрочного комфорта, неэкологичный образ жизни
	Экономические барьеры	Ограниченность финансовых средств для покупки экотехники и экотоваров, неэффективная энергетическая политика, выбор других приоритетов
	Институциональные барьеры	Расходы на отопление фиксированы, нет возможности поставить счетчики; отсутствие возможности для гражданских инициатив
	Регуляторные барьеры	Отсутствие поддержки со стороны государственных и муниципальных учреждений
	Социальные барьеры	Отсутствие экологической культуры в обществе; неэкологичные групповые поведенческие паттерны

Источники: [Adger et al. 2005; Dietz et al. 2009; Allcott, Mullainathan 2010].

Sources: [Adger et al. 2005; Dietz et al. 2009; Allcott, Mullainathan 2010].

На основе анализа зарубежных исследований можно утверждать, что политика энергосбережения влияет на поведение населения, причем главное в ней – реализация принципа достаточности. Опрос экспертов и литературные источники позволяют сделать

вывод о том, что в доказательную базу социальных программ энергосбережения должны быть включены доводы о преимуществах энергосбережения и здорового образа жизни, пропаганда экологически-ориентированного образа жизни при сохранении его качества, поскольку «это, во-первых, важно с точки зрения рационалистических доводов – сопутствующие выгоды для здоровья достаются непосредственно действующему лицу, они являются “частными благами”, а не общественными; во-вторых, величина сопутствующих преимуществ для здоровья хорошо известна в долгосрочной перспективе» (мужчина, эксперт в области энергоэффективности).

* * *

Нынешний курс по смягчению последствий изменения климата явно недостаточно акцентирует внимание на поведении людей. Необходимо устранять поведенческие препятствия, имея в виду прежде всего функционирование домохозяйств. Поведенческие и психологические барьеры не учитывают при выборе инструментов социальной политики, в то время как она должна быть ориентирована на сокращение фактического использования энергии, сохранение приемлемого уровня комфорта, использование энергоэффективных бытовых приборов, оборудования, автомобилей населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ермолаева Ю.В. (2018) Проблемы развития устойчивой энергетики в мегаполисах на примере Москвы и Казани // Возобновляемые источники энергии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием и XI научной молодежной школы: 3–6 декабря 2018 года. М.: МАКС Пресс. С. 413–422. EDN: YZSDSJ

Ermolaeva Yu.V. (2018) Problemy razvitiya ustoychivoy energetiki v megapolisakh na primere Moskvy i Kazani [Problems of development of sustainable energy in megacities on the example of Moscow and Kazan]. *Renewable energy sources: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation and XI scientific youth school*: December 3–6, 2018. Moscow: MAKSS Press. P. 413–422. EDN: YZSDSJ

Ермолаева Ю.В. (2021) Трансформация социально-экологических практик в менталитете граждан России // Научный результат. Социология и управление. Т. 7. № 1. С. 104–116. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8>

Ermolaeva Yu.V. (2021) Transformatsiya sotsial'no-ekologicheskikh praktik v mentalitete grazhdan Rossii [Transformation of social and environmental practices in the mentality of Russian citizens]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, no. 7 (1): 104–116. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8>

Рыбакова М.В. (2012) Социальные экологические практики как условие модернизации России // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 273–279. EDN: OXEBEX

Rybakova M.V. (2012) Sotsial'nyye ekologicheskiye praktiki kak usloviye modernizatsii Rossii [Social environmental practices as a condition for the modernization of Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no. 2, pp. 273–279. EDN: OXEBEX

Соловьев Д.А., Залиханов А.М. (2021) Климатические изменения и энергетика: влияние, прогнозы и последствия // Окружающая среда и энерговедение. № 3. С. 62–74. <https://doi.org/10.5281/zenodo.554701> EDN: GFIBQW

Solovyov D. A., Zalikhanov A. M. (2021) Klimaticheskiye izmeneniya i energetika: vliyaniye, prognozy i posledstviya [Climate change and energy: impact, forecasts and consequences]. *Okruzhayushchaya sreda i energovedeniye*, no. (3), pp. 62–74. <https://doi.org/10.5281/zenodo.554701> EDN: GFIBQW

Трухина Н.И., Трухин Ю.Г., Калабухов Г.А. (2015) Обзор теоретических подходов к созданию доступного и энергоэффективного жилья на основе показателей совокупной стоимости владения недвижимостью // *Недвижимость: экономика, управление*. № 4. С. 60–64. EDN: VIEWEP

Trukhina N.I., Trukhin Yu.G., Kalabukhov G.A. (2015) Obzor teoreticheskikh podkhodov k sozdaniyu dostupnogo i energoeffektivnogo zhil'ya na osnove pokazateley sovokupnoystoimosti vladeniya nedvizhimost'yu [Review of theoretical approaches to the creation of affordable and energy-efficient housing based on indicators of the total cost of real estate ownership]. *Nedvizhimost': ekonomika, upravleniye*, no. (4), pp. 60–64. EDN: VIEWEP

Adger W.N., Arnell N.W., Tompkins E.L. (2005) Successful adaptation to climate change across scales. *Global Environmental Change*, no. 15, p. 77–86. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2004.12.005>

Ajzen I. (1991) The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, no. 2 (50), p. 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

Allcott H., Mullainathan S. (2010) Behavior and Energy Policy. *Science*, no. 327, p. 1204–1205. <https://doi.org/10.1126/science.1180775>

Amelung D., Fischer H., Herrmann A. et al. (2019) Human health as a motivator for climate change mitigation: Results from four European high-income countries. *Global Environmental Change*, no. 57. 101918. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2019.05.002>

Bamberg S., Ajzen I., Schmidt P. (2003) Choice of travel mode in the theory of planned behavior: the roles of past behavior, habit, and reasoned action. *Basic Appl. Soc. Psych.*, no. 25, p. 175–187. https://doi.org/10.1207/S15324834BASP2503_01

Bauman Z. (2001) Consuming Life. *Journal of the Consumer Culture*, no. 1, pp. 9–29. <https://doi.org/10.1177/1469540501001001002>

Dietz T., Gardner G.T., Gilligan J.M. et al. (2009) Household actions can provide a behavioral wedge to rapidly reduce US carbon emissions. *Proceedings of the National Academic Science of the United States of America*, no. 106, p. 18452–18456. <https://doi.org/10.1073/pnas.0908738106>

Dubois G., Sovacool B., Aall C. et al. (2019) It starts at home? Climate policies targeting household consumption and behavioral decisions are key to low-carbon futures. *Energy Resour Social Science*, no. 52, p. 144–158. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2019.02.001>

Harland P., Staats H., Wilke H.A.M. (1999) Explaining proenvironmental intention and behavior by personal norms and the theory of planned behavior. *Journal of the Applied Social Psychology*, no. 29, p. 2505–2528. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1999.tb00123.x>

Jackson T. (2005) Live better by consuming less? is there a “double dividend” in sustainable consumption? *Journal of the Industrial Ecology*, no. 9, p. 19–36. <https://doi.org/10.1162/1088198054084734>

Kals E., Muller M.M. (2012) Emotions and environment. *The Oxford Handbook of Environmental and Conservation Psychology*. New York: Oxford University Press. P. 128–147.

Marsh P., Collett P. (1986) *Driving Passion: The Psychology of the Car*. London: Cape.

Nauges C., Wheeler S. (2017) The Complex Relationship Between Households' Climate Change Concerns and Their Water and Energy Mitigation Behaviour. *Ecological Economy*, no. 141, p. 87–94. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2017.05.026>

Notter D.A., Meyer R., Althaus H.J. (2013) The Western lifestyle and its long way to sustainability. *Environmental Science Technology*, no. 47, p. 4014–4021. <https://doi.org/10.1021/es3037548>

Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, vol. 25, p. 1–65.

Stern P.C. (2005) Understanding individuals' environmentally significant behavior. *Environmental Law Reporter: News and Analysis*, vol. 35, p. 10785–10790.

Sutterlin B., Brunner T.A., Siegrist M. (2011) Who puts the most energy into energy conservation? A segmentation of energy consumers based on energy-related behavioral characteristics. *Energy Policy*, no. 39, p. 8137–8152. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2011.10.008>

Tietenberg T. (1990) *Economic Instruments for Environmental Regulation*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/OXREP/6.1.17>

Veblen T. (1899) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. Oxford: Oxford University Press.

Van De Ven D.-J., Gonzalez-Eguino M., Arto I. (2017) The potential of behavioral change for climate change mitigation: A case study for the European Union. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, no. 23, pp. 853–886. <https://doi.org/10.1093/OXREP/6.1.17>

Van Sluisveld M.A., Martínez S.H., Daioglou V., Van Vuuren D. (2016) Exploring the implications of lifestyle change in 2°C mitigation scenarios using the IMAGE integrated assessment model. *Technological Forecasting and Social Chang*, no. 102, p. 309–319. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.08.013>

Williamson K., Satre-Meloy A., Velasco K., Green K. (2018) *Climate Change Needs Behavior Change: Making the Case for Behavioral Solutions to Reduce Global Warming*. Rare: Arlington, VA, USA.

Информация об авторе

Ермолаева Юлия Вячеславовна, научный сотрудник сектора теоретических исследований социальных трансформаций Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: mistelfrayard@mail.ru

About the author

Ermolaeva Yulia V., Research Fellow, Department for Theoretical Research of Social Transformations, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 117218, 24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia. E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 10.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.12.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024